

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 8 2023 (АВГУСТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

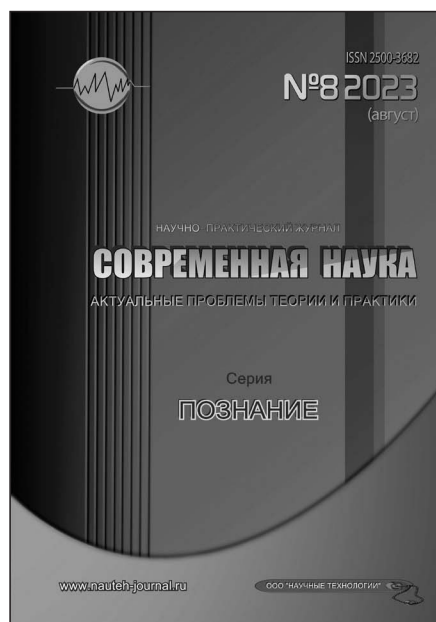
Подписано в печать 10.08.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №8 (август) 2023 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н, доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Ван Чуньхун** – Культурные значения парка в России
Wang Chunhong – Cultural significances of the park in Russia 5
- Волков В.А., Востряков Л.Е.** – Ценностно-нормативные цивилизационные основания государственной культурной политики
Volkov V., Vostriakov L. – The value-normative civilizational basis of the State Cultural policy 10
- Деринг Э.К.** – Концепт «дом» в теории философии культуры
Dering E. – The concept of "house" in the theory of philosophy of culture 15
- Захарова Е.Ю., Гомбоева М.И., Сунь Мэйцзы** – Влияние идей основателя даосизма Лао Цзы на культурную модернизацию Китая
Zakharova E., Gomboeva M., Sun Meizi – The influence of the ideas of the founder of taoism Lao Tzu on the cultural modernization of China 19
- Рева Е.С., Акоева Н.Б.** – Цифровое искусство в современной культуре
Reva E., Akoeva N. – Digital art in modern culture ... 24
- Стоичков К.П.** – Роль цифровых технологий в современном кинематографическом искусстве
Stoichkov K. – The role of digital technologies in modern cinematic art. 28
- Стоичков К.П.** – Типология приемов использования цифровых технологий в кинематографической практике
Stoichkov K. – Typology of methods of using digital technologies in cinematographic practice 32
- Чжан Шанжу, Го Цзинюй** – Исследование культурных символов в традиционной китайской музыке
Zhang Shanzhu, Guo Jingyu – A study of cultural symbols in traditional Chinese music 37

Психология

- Гаврилова Е.И., Петров Д.С.** – Влияние психологического типа личности на выявление профессионального потенциала студентов музыкальных вузов
Gavrilova E., Petrov D. – The influence of the psychological type of personality on the identification of the professional potential of students of music universities 41
- Гайченя Т.А.** – Эмоциональное выгорание у клинических психологов: причины и профилактика
Gaichenia T. – Emotional burnout among clinical psychologists: causes and prevention. 45
- Гут В.В., Доценко Е.Л.** – Конструирование определений: от манипуляции до адаптивного интеллекта
Gut V., Dotsenko E. – Constructing definitions: from manipulation to adaptive intelligence 50
- Кара-Гиаур С.Ю., Занозин Н.В., Горохова С.А.** – Обоснование использования программы по улучшению эмоционального состояния юношей, осужденных к альтернативным наказаниям
Kara-Giaur S., Zanozin N., Gorokhova S. – Justification of the use of a program to improve the emotional state of young men sentenced to alternative punishments 59
- Королева Н.Н., Шингаев С.М., Есаулова Е.А.** – Ценностно-мотивационные предикторы удовлетворенности трудом педагогов общеобразовательных организаций
Koroleva N., Shingaev S., Yesaulova E. – Value-motivational predictors of job satisfaction among school teachers 65
- Курбанов А.Х., Степанов А.Ю., Фатеева В.В.** – Исследование взаимосвязи профессионального стресса и выделенных аспектов психологического здоровья государственного служащего
Kurbanov A., Stepanov A., Fateeva V. – Study of the relationship between professional stress and some aspects of the psychological health of the military personnel. 72

Латынов В.В. – Агент-ориентированное моделирование процессов психологического воздействия

Latynov V. – Agent-based modeling of psychological influence 77

Распопин Е.В. – Социально-психологическая адаптация бывших осужденных к жизни в законопослушном обществе: практические рекомендации

Raspopin E. – Socio-psychological adaptation of former convicts to life in a law-abiding society: practical recommendations 82

Философия

Дружинина И.А., Гимазетдинова А.Х. – Эстетическое восприятие бытия и проектирование авиационной техники

Druzhinina I., Gimazetdinova A. – Aesthetic perception of being and aircraft design 87

Пугачев О.С., Русакович Ю.А., Дорофеева Т.Г. – Гуманистический аспект идеи спасения в условиях современной цивилизации

Pugachev O., Rusakovich Yu., Dorofeeva T. – The humanistic aspect of the idea of salvation in the conditions of modern civilization..... 90

Пугачев О.С., Русакович Ю.А., Дорофеева Т.Г. – Способна ли философия сохранить человеческое в человеке?

Pugachev O., Rusakovich Yu., Dorofeeva T. – Is philosophy capable of preserving the human in man 94

Скопа В.А. – Философско-исторические взгляды М.М. Щербатова

Skopa V. – Philosophical and historical views of M.M. Shcherbatov 97

Христосова А.О., Дорофеева Т.Г. – Нравственный характер женского служения в христианстве

Christosova A., Dorofeeva T. – The moral character of women's ministry in Christianity 100

Информация

Наши авторы. Our Authors..... 104

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале..... 105

КУЛЬТУРНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ПАРКА В РОССИИ

Ван Чуньхун

Доцент, Цзилиньский педагогический университет
wbcd123@sina.comCULTURAL SIGNIFICANCES
OF THE PARK IN RUSSIA

Wang Chunhong

Summary: The article is devoted to the study of cultural significance in the park in Russia. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. A brief terminological analysis of the category «park» is carried out, the types and functions of parks are specified, aspects that determine their role in culture are formulated. It is postulated that Russia has a large number of objects of social and cultural significance, presented in landscape design and located throughout the country, a significant role among which belongs to parks. They show the greatest interest among the population for cultural leisure, walks and enjoyment of unique natural moments; they are one of the points of attraction for tourists in Russian cities. In addition, the parks host cultural infrastructure, art objects, and cultural events are held. All this proves that the cultural significance of the park is great. The author also notes that parks are not only a landscape, but also a set of objects included in their composition of gardening art, as evidenced by the studies of many modern authors, an analytical review of opinions and views of which is given in this article. It concludes on the role and place of Russian parks in leisure culture.

Keywords: park, landscape, culture, social and cultural significance, leisure, territory.

Аннотация: Статья посвящена изучению культурного значения в парка в России. Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Проводится краткий терминологический анализ категории «парк», уточняются виды и функции парков, формулируются аспекты, определяющие их роль в культуре. Постулируется о том, что Россия обладает многочисленным количеством объектов социально-культурной значимости, представленных в ландшафтном дизайне и расположенных на территории всей страны, значимая роль среди которых принадлежит паркам. К ним проявляется наибольший интерес среди населения для проведения культурного досуга, прогулок и наслаждения уникальными природными моментами; они являются одной из точек притяжения туристов в городах России. Кроме того, в парках располагаются объекты культурной инфраструктуры, арт-объекты, проводятся культурные мероприятия. Все это доказывает, что культурное значение парка велико. Автором также отмечается, что парки являются не только ландшафтом, но и представляют собой набор объектов, включаемых в свой состав садово-парковое искусство, о чем свидетельствуют исследования многих современных авторов, аналитический обзор мнений и взглядов которых приведен в данной статье. Заключается о роли и месте парков России в досуговой культуре.

Ключевые слова: парк, ландшафт, культура, социально-культурное значение, досуг, территория.

Современные парки имеют место в каждом населённом пункте Российской Федерации. В большинстве своем – это организованные места отдыха граждан, обладающие объектами культуры и ландшафтного дизайна.

В современных условиях ведутся дискуссии по поводу определения парка. Часть авторов считает, что его можно относить к элементам садово-паркового искусства, а другие определяют сквер как место для проведения досуга. Третьи считают, что парки включены в культурные объекты страны и входят в достояние культурного населения нации.

Хачатуров Ю.А. [1] рассматривает парк в соответствии с этимологией самого слова. Автор поясняет, что он может быть соотнесён со словом «сад», который с древнейших времён обозначал участок земли с деревьями, кустарниками и цветами. В итоге Хачатуров Ю.А. приводит определение парка как места проведения досуга, расположенного на участке земли с деревьями, кустарниками и цветами, оформленное набором архитектурных и других объектов. Нагибина И.Ю. [2] считает, что парк представляет собой, прежде всего, учреждение культуры, поскольку сочетает в себе наличие объектов

культурно досугового типа и социально-территориальных элементов, привлекающих к себе определённую аудиторию.

Джангдугазова Е.А. [3] считает, что парк – это, непосредственно, местность, на которой человек проводит собственное свободное время и представляет собой прежде всего природный объект. В соответствии с этим подходом, культура и отдых соотносятся на едином уровне, предусматривающим возможности размещения развлекательных программ и аттракционов на территории парка. Это способствует разрядке, снятию утомления и проведению досуга гражданами. Суминовой Т.Н. [4] парк определяется как искусственный мир природы, расположенный в городской черте. Автор соотносит парк и городскую культуру как единое целое, поскольку считает, что именно парк выступает активным субъектом культурной деятельности городской территории, привлекающим к себе определённые социальные группы городского населения и туристов.

Давая определение парку, Зукин Ш. [5] считает, что он, в большей степени, представляется уникальным явлением, содержащим, в первую очередь, архитектуру и шедевры ландшафтного дизайна. Парки всецело выпол-

няют функцию культурно-массового досуга, просветительской деятельности и архитектурно-художественной программы, которые в совокупности способствуют повышению культурного достояния страны, а также усилению культурного развития ее населения.

Парки культуры и отдыха – это сочетание зеленых зон и культурных площадок. Здесь гуляют, занимаются спортом, смотрят кино, ходят на занятия в творческих студиях.

Таким образом, парком можно определить не только ландшафт либо уникальную архитектуру, расположенную в нём, но и местность для проведения культурного досуга, которая оказывает значительное влияние на культурное развитие населения страны. Учитывая природную, социальную и историко-культурную составляющие в определениях парков, ориентацию на потребление и удовлетворение потребностей людей (туристов), мы можем считать эти понятия близкими по значению и в дальнейшем в данном исследовании обозначать эти термины единым понятием – туристско-рекреационные ресурсы.

Это же доказывает наличие разных типов парков. Они приведены на рисунке 1.

Стоит подчеркнуть, что в настоящее время разработано и множество других классификаций парков в зависимости от их предназначения, масштаба, функционального зонирования и т.д. Однако наиболее распространёнными является типизация парков по их предназначению и место расположению.

Предназначение также позволяет выделить отдельную категорию тематических парков, в состав которых включаются сооружения, содержащие набор

объектов, относимых к конкретной теме. Это могут быть патриотические, художественные, театральные, кинематографические и другие парки, расположенные в городской черте или в пригороде.

Каждый тип парка выполняет ту или иную функцию. Особенно ярко функционал проявляется в тематических парках. Так, например, патриотические парки нацелены на развитие патриотизма у населения, художественно-исторические парки позволяют не забывать историю страны, культурные парки нацелены на выстраивание эффективного культурного досуга и развития семейных ценностей жителей, проживающих на территории страны и туристов. Более полно функции парков приведены на рисунке 2.

Видно, что, помимо культурной, парк оказывает влияние на физическое развитие населения, его эмоциональное и общее здоровье. Дает возможность времяпрепровождения досуга, воспитывает культуру поведения среди молодежи и других социальных групп, посещающих парк.

Культурная значимость просматривается и в динамике посещаемости парков населением страны. К примеру, только парк Кирова города Санкт-Петербург посещают ежедневно 10-15 тыс. человек [6]. Люди гуляют, получают удовольствие от того, что непосредственно в центре города приходят в лес и забывают о городской суете. Через парк Измайлово только в июле 2021 г. за выходные проходило по 25 000 человек [7]. Всего парки Москвы в 2021 г. посетило более 99,1 млн. людей. Парки с аттракционами привлекают до 30 000 человек в выходные летние дни [8]. Все это доказывает то, что парки востребованы среди населения. Обращаясь к данным, приводимым региональными ассоциациями парков, также видно, что парки посещаются довольно активно, привлекая к себе

по функциональному назначению	– многофункциональные;
	– спортивные,
	– прогулочные,
	– выставочные, ботанические
	– этнографические
по природно-ландшафтным условиям	– парки развлечений
	– на лесных территориях
	– на пойменных территориях
	– на нарушенных территориях

Рис. 1. Типизация парков
Источник: составлено автором

Рис. 2. Функции парков
Источник: составлено автором

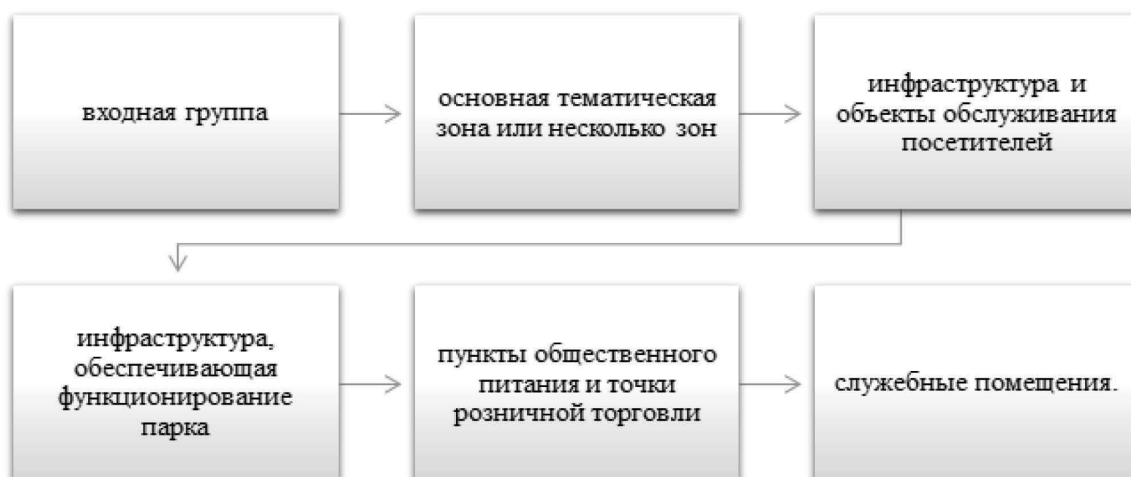

Рис. 3. Наполняемость парков
Источник: составлено автором

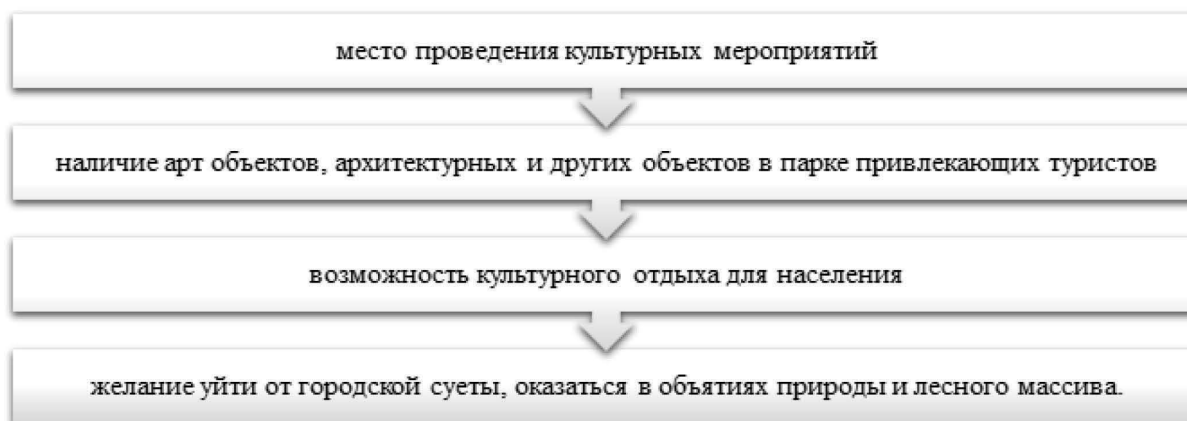

Рис. 4. Аспекты, определяющие роль парков в культуре
Источник: составлено автором

население природными ресурсами, объектами архитектуры и другими элементами [9].

В целом все парки имеют схожую общую функциональную наполненность, состав которой приведен на рисунке 3.

По сути, роль парков в культуре может быть определена следующими аспектами (рисунок 4):

Доказывая сказанное, поясним, что именно парки наиболее распространены для проведения культурных мероприятий. Так, в парках проводится множество спортивных событий, концертов, фестивалей, арт-выставок. Также в парках проводится множество культурных мероприятий международного уровня, в состав которых входят театральные представления, ярмарки, дебюты, встречи. Именно на полях парков реализуются социальные проекты, продвигающие молодые таланты, представленные в разных музыкальных художественных и архитектурных жанрах. Примером является проект «Уличный артист в парках», которые планируют запустить в мае 2022 г. Он не только позволит раскрыть новые таланты в стране, но и увеличить число посетителей парков. «Уличный артист в парках» – новое направление, благодаря которому музыканты, артисты, актеры, мимы, художники и танцоры смогут делиться своим творчеством на протяжении всего летнего сезона в главных парках Москвы, повышая культурный потенциал населения и продвигая искусство в массы.

В последние 10 лет активно развиваются и районные парки. Их задача заключается в том, чтобы каждый москвич мог интересно провести время неподалеку от дома. Часто они носят названия районов, в которых расположены (парки «Кузьминки», «Перовский», «Измайловский»).

В ландшафтных парках досуговая инфраструктура интегрирована в природную среду. Комфортные зоны отдыха здесь сочетаются с памятниками природы. В ландшафтном парке «Митино», к примеру, можно найти древние селища – уникальные памятники археологии

XII-XIII вв. Если на территории парка постоянно экспонируются работы известных художников и скульпторов, то его можно назвать музейным или музеем под открытым небом.

Набор мероприятий в парках Москвы включает в себя, в первую очередь, спортивные активности. Можно найти площадку для занятий лёгкой атлетикой и футболом, тренировок на тренажёрах. Многие парки организуют беговые клубы, сообщества для занятий фитнесом, йогой, скандинавской ходьбой и другими видами физической подготовки.

Таким образом, сказанное доказывает, что парк – это территория культурно-социального значения, направленная на проведение досуга граждан. По сути, это центры культурно-художественного производства, позволяющие поглощать культурные ценности населению с одновременным наслаждением природой.

Итак, парк имеет огромное культурное значение в жизни населения и притяжении туристических потоков на территорию региона или городов, в которых они расположены. Это обуславливается выполнением активностью парковой деятельности и проведения в них социальных мероприятий, становлением парков площадками для проведения разного масштаба мероприятий, раскрывающих таланты людей, знакомящих население с искусством территории, а также позволяющих увидеть все прелести и преимущества ландшафтного дизайна и архитектуры территории.

Парки позволяют развивать культуру в среде населения, привлекая его к проведению досуга именно в сфере просвещения, используя для этого огромное количество приемов, каждый из которых нацелен на ту или иную целевую аудиторию. Именно парки являются местом проведения огромного количества культурных мероприятий, что также усиливает их значимость в культурной жизни страны, а также повышает потребность в развитии этих территорий, что будет сказываться на повышении привлекательности парковых территорий для населения и туристов в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хачатуров Ю.А. Парк культуры и отдыха в системе социально-культурной деятельности // Материалы IX Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017033322> (дата обращения: 25.06.2023).
2. Нагибина И. Ю. Значение парковых зон для жителей городской среды / И. Ю. Нагибина, Е.Ю. Журова. // Молодой ученый. 2014. № 20 (79). С. 84-85.
3. Джанджугазова Е.А. Развитие экологического туризма на территории национальных парков России // Российские регионы: взгляд в будущее. 2019. №2. С. 52-62.
4. Суминова Т.Н. Парк в системе современной культуры // Вестник МГУКИ. 2020. №2 (94). С. 135-142.
5. Зукин Ш. Культуры городов / [пер. с англ. Д. Симановского]. – 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 420 с.
6. Климова У. Как изменилась посещаемость парков России после снятия ограничений // Портал «Park Season». – URL: https://parkseason.ru/articles/kak_izmenilas_poseschaemost_parkov_posle_snyatiya_ogranicheniy_2020/ (дата обращения: 25.06.2023).

7. Интересные события в город Москва на 2021 год // Маршруты.ру. – URL: <https://www.marshruty.ru/Meetings/Meetings.aspx?region=f1ed655c-0719-434d-9a49-604b4012fdbb&year=2021&date=2021-09-06> (дата обращения: 25.06.2023).
8. Нагибина И.Ю. Значение парковых зон для жителей городской среды / И.Ю. Нагибина, Е.Ю. Журова // Молодой ученый. 2014. № 20 (79). С. 84-85.
9. Молчанов И. Что нам стоит парк построить: экономика городских общественных пространств. – 11.11.2019 // Проект Россия. – URL: <https://prorus.ru/interviews/chto-nam-stoit-park-postroit-ehkonomika-gorodskih-obshchestvennyh-prostranstv/> (дата обращения: 25.06.2023).

© Ван Чуньхун (wbcd123@sina.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Цзилиньский педагогический университет

ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

THE VALUE-NORMATIVE CIVILIZATIONAL BASIS OF THE STATE CULTURAL POLICY

V. Volkov
L. Vostrikov

Summary: Examining the value-normative civilizational foundations of the state cultural policy, the authors are based on the fact that such a policy is formed in the context of values, norms, historical and civilizational identity underlying culture. Culture is a complex multi-layered phenomenon in which the special and general historical destinies of a particular people are intertwined. This allows us to interpret culture as an ascending stage in the development of civilization, as a special unique regulator of social relations, and as a special world of material and spiritual values.

The above prompts the authors to turn to the analysis of the concept of «values», their nature, classification and patterns of functioning, consideration of the specifics of the value-normative civilizational approach as the basis of cultural policy. The Russian civilizational identity is based on traditional Russian spiritual and moral values, the reproduction of which should be ensured by the state cultural policy.

Keywords: culture, civilization, traditional Russian spiritual and moral values, the State Cultural policy.

Волков Виталий Александрович

Доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
vitv@rambler.ru

Востряков Лев Евгеньевич

Доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный институт
культуры
lev-vostrikov@yandex.ru

Аннотация: Исследуя ценностно-нормативные цивилизационные основания государственной культурной политики, авторы исходят из того, что подобная политика формируется в контексте ценностей, норм, исторической и цивилизационной идентичности, лежащих в основании культуры. Культура представляет собой сложнейший многослойный феномен, в котором переплетены особенное и общее исторической судьбы конкретного народа. Это позволяет трактовать культуру и как восходящий этап в развитии цивилизации, и как особый уникальный регулятор социальных отношений, и как особый мир материальных и духовных ценностей.

Это побуждает авторов обратиться к анализу понятия «ценности», их природы, классификации и закономерностей функционирования, рассмотрению специфики ценностно-нормативного цивилизационного подхода как основания культурной политики. Российская цивилизационная идентичность базируется на традиционных российских духовно-нравственных ценностях, воспроизводство которых и должна обеспечить государственная культурная политика.

Ключевые слова: культура, цивилизация, традиционные российские духовно-нравственные ценности, государственная культурная политика.

Культурная политика государства формируется в контексте ценностей, норм, исторической и цивилизационной идентичности, лежащих в основании культуры. Культура представляет собой сложнейший многослойный феномен, в котором переплетены особенное и общее исторической судьбы конкретного народа. Открываем такой важный отечественный документ стратегического планирования, как Концепция внешней политики Российской Федерации, и уже самые первые положения содержательно довольно показательны: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культур-

но-цивилизационную общность Русского мира» [6].

Ценности и закономерности их функционирования

Со времени своего рождения в раннем памятнике латинской прозы трактате о земледелии Марка Порция Катона Старшего (234–148 до н.э.) DeAgriCultura, термин «культура», означающий возделывание, постепенно наполняется все более глубоким содержанием. Уже древнеримская философия расширяет и обогащает его содержание. Марк Туллий Цицерон (106–43 до н.э.) в знаменитых «Тускуланских беседах» применяет термин «культура» в отношении развития и преобразования души «cultura animae». «Как плодоносное поле без возделывания не дает урожая, так и душа. Возделывание души (cultura animi) – философия: она выпалывает в душе пороки, приготовляет у души к принятию посева и ввергает ей – сеет, так сказать, – только те семена, которые, вызрев, приносят обильный урожай» [13, с. 252]. Это, конечно, не означает, что культура сразу стала пониматься в антите-

зе природе как преобразование всех естественных начал, в которых существует человек, включая результаты этих преобразований. Культура требует приобретения человеком определенного образа, образования (пай-дейя). Человеческая культура понимается как процесс преобразования человеком себя и окружающего мира согласно высшим принципам.

Человек не просто существует, он еще есть то, для чего он должен быть предназначен. Эти цели сопряжены с данными принципами и представляют его ценности. Ценности – это такие предельные цели, посредством которых человек осознает свое единство с человеческим родом. Ценности задают смысл его бытия. Смысл требует от человека понимания его места в жизни.

Ценности имеют двойственную природу. Они предзаданы человеку как высшие принципы, и, в то же время, являются предельным результатом поиска смысла жизни. Истина, добро, красота – являются примером таких ценностей. В силу своей двойственности, мир ценностей достаточно многообразен и велик. В основе их классификации лежит фундаментальное деление на духовные и материальные ценности. Духовные ценности предполагают различие на религиозные, этические, эстетические, правовые и др. ценности.

Под материальными ценностями понимают все предметное многообразие человеческого мира, имеющее для него существенное символическое значение и смысл. Природные богатства и предметные артефакты как результаты человеческой деятельности относятся к материальным ценностям.

Ценностям противостоят антиценности. В жизни человек сталкивается с такими явлениями как убийства, предательство, измена, наркомания, садизм и др., которые не могут стоять в одном ряду с признанными ценностями. Одной из важнейших функций ценностей является то, что они служат критерием для выбора поведенческих стратегий человека в конкретных жизненных ситуациях. Совокупность правил поведения, обусловленных определенной социальной целью, является тем, что называется нормой.

Норма, как и ценность также имеет двойственную природу. Правила поведения могут отражать стереотипы поведения, принятые в данном социуме, и тогда норма отражает лишь обычные, повторяющиеся отношения между членами общества. В ином случае правила поведения могут быть обусловлены ценностями, и тогда нормы носят ценностный характер и отражают должный образец поведения.

Культуру можно интерпретировать, как процесс перевода ценностей в нормы. Существуют ли какие-то

иерархии и зависимости в этих процессах? Видимо – да. «Дух через последовательность кризисов движется по цепочке “религия – мораль – обычай – право”, теряя при этом свою ясность и силу ... Когда же ни одно из этих оснований не может эффективно воздействовать на поведение людей, из них выделяется система норм, поддерживаемых реальной властью. Это и есть право» [10, с. 24]. Таким образом первичные ценности удерживаются в человеческом обществе посредством системы норм.

Следующий неизбежный вопрос, который возникает при исследовании ценностей как основания культуры, – это вопрос о природе ценностей. Имеют ли они абсолютный характер, или они исторически обусловлены? Одинаковы ли они для всех народов? Общество само является творцом этих ценностей, или кто-то их формирует для человека? На эти вопросы на протяжении всей истории отвечала философия. Отвечала она по-разному, в зависимости от этапа исторического развития и понимания исторического процесса и самой истории.

Античность, в рамках основной традиции, опиралась на результаты исследований академии Платона и Аристотеля. Согласно платоникам, мир идей является образцом существующего изменчивого мира. Идея высшего блага – это порождающее начало всего сущего и одновременно его целевая причина. Общее благо олицетворяет идею справедливости. Противопоставление общего блага особенному благу предполагает его оценку, неотделимую от понимания ценности. Мудрость, мужество, умеренность как добродетели представляют собой содержание идеи справедливости. История человечества – это повторяющийся замкнутый цикл в пределах противоположностей порядка и хаоса. Объективные вечные идеи и составляют природу ценностей античной цивилизации.

Средневековый мир живет в иных координатах. История приобретает линейное измерение и осуществляется от первого события – грехопадения, до последнего – второго пришествия Христа. Высшей ценностью для средневекового человека является спасение души. Путь к нему идет через служение Богу, почитание и поклонение. Это служение создает иерархию сословий: молящихся, воюющих, работающих. Авторитет и преданность скрепляют отношения между господами и слугами, сеньорами и вассалами. Церковь как символ града божьего, возвышается над государством, символизирующим град земной. Божественная природа ценностей открывается через два источника истины: книгу откровения – Библию и книгу природы.

Эпоха Нового времени начинается под знаком рождающегося либерализма с его ценностями свободы индивида, и бесконечного научного и социального прогресса. Иммануил Кант (1724–1804) видит идеал

общественного устройства в установлении в результате прогресса гражданского состояния, основанном на свободе каждого члена общества как человека, на равенстве его с любым другим как подданного и самостоятельности как гражданина. Уже в самом разуме находят основания безусловных ценностей.

В Новое время впервые происходит осмысление ценностей в контексте феномена культуры. Различение наук о духе и наук о природе, произведенное Вильгельмом Дильтеем (1833–1913), обратило интерес философов к особенностям мира культуры. Вопрос о том, как возможна история, позволил В. Дильтею широко взглянуть на нее в качестве науки об изменчивом мире человеческих творений. Его творчество дало значительный толчок созданию баденской неокантианской школы «философии культуры» конца XIX – начала XX вв. (Г. Риккерт, В. Виндельбанд, О. Шпенглер). В рамках этой традиции философия понималась как «учение об общезначимых ценностях». Науки о культуре отделяются от наук о природе уже по методологическим основаниям. Познание природы, согласно этой традиции, ценностно-нейтрально и законосообразно. Познание культуры ценностно нагружено и исторично, и описывает индивидуальность, уникальную неповторимость явлений.

Немецкий философ и культуролог Эрнст Кассирер (1874–1945) производит переворот в осмыслении философии культуры в работе «Философия символических форм». Он приходит к выводу о том, что существует единый мир – «мир культуры». Любые объекты реальности суть носители смыслов, которые надо понимать, поэтому достоверность реальности определена возможностью раскрытия смыслов. Символ является универсальной единицей для всех форм культуры. Таким образом, ценности и нормы рождаются и трансформируются в лоне культуры, и неотделимы от нее. Человек есть «символическое животное». Таким образом, культура становится исходным принципом объяснения в философии культуры для всего остального.

Ценностно-нормативный цивилизационный подход как основание культурной политики

Культура обозначается практически во всех европейских языках термином, имеющим латинское происхождение. Свое распространение по Европе термин культура начинает из Франции. Во французском языке он сосуществует наряду с синонимичным термином – цивилизация. «Действительно, *civilisation* имеет доминирующую словарную позицию, при том, что понятия «культура» и «цивилизация» воспринимаются во французском языке как синонимичные» [2, с. 32].

Понятие цивилизации представляет собой высшую форму коллективной идентичности, при этом суще-

ствуют две популярные трактовки понятия – либо, как высший этап развития человечества в контексте процессов глобализации, результатом которого должно стать всемирное гражданское общество, либо – как наднациональное сообщество, проявляющее себя в конфронтации с иными подобными общностями на соответствующем уровне развития общества.

Утверждают, что впервые термин «цивилизация» был применен выдающимся французским экономистом Мирабо-старшим (1715–1789) в известной работе «Друг человека или трактат о населении» (см.: [7, с. 29]). В восемнадцатом–девятнадцатом веках сложилась традиция стадийного подхода к человеческой истории и культуры, согласно которому на смену этапу варварства приходит цивилизованное общество, опирающееся на представления о разуме и справедливости. В эпоху раннего капитализма Европа воспринимала себя европейской цивилизацией, которую со всех сторон окружают варвары.

Концепция цивилизаций как особой формы развития человеческих общностей с уникальными характеристиками культуры была разработана Николаем Данилевским (1822–1885), исследователь предлагал рассматривать Россию как самостоятельный культурно-исторический тип в истории человечества. Основатель отечественного цивилизационного подхода к истории отмечал: «Эти культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации, расположенные в хронологическом порядке, суть: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонно-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или арабийский, и 10) германо-романский, или европейский. К ним можно еще, пожалуй, причислить два американские типа: мексиканский и перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие совершить своего развития. Только народы, составлявшие эти культурно-исторические типы, были положительными деятелями в истории человечества; каждый ... вносил свой вклад в общую сокровищницу» [4, с. 109–110]. С работы Н.Я. Данилевского, перечислившего основные цивилизации, начинаются отечественные исследования локальных цивилизаций. К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и П. Сорокин – наиболее яркие представители российской традиции цивилизационного подхода к истории.

Параллельно идее многообразия цивилизаций рождается идея многообразия культур. Разнообразие культур сквозь призму многообразия языков подчеркивал В. Гумбольдт: «Никому не приходит в голову, что язык – это не просто средство для понимания народа, который на нем говорит. Это не просто отпечаток идей народа, так как множество его знаков не позволяет обнаружить никаких существующих отдельно от него идей; язык – это объединенная духовная энергия народа... Разные языки –

это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [3, с. 348].

Понятия культуры и цивилизации разводит выдающийся немецкий философ Освальд Шпенглер (1880–1936). Рассматривая свою концепцию как критику традиционной исторической науки, исследователь сравнивает европоцентризм с «птолемеевой системой» в противовес «коперниканской». По его мнению, подобно биологическому многообразию, существуют разнообразные цивилизации. При этом цивилизация обладает тысячелетним периодом жизни и различается на «становящуюся» – Культуру, и «ставшую» – собственно цивилизацию.

О. Шпенглер предлагает трактовать цивилизацию как завершающую стадию развития мировых культур. В то же время цивилизация, в которой рациональное подавляет творческое начало, противоположна Culture. Последнюю отличают циклы развития и увядания, подобные циклам органическим. Своеобразие культуры определяется ее «душой» и «стилем». Если античную культуру определяет «аполлоновская» душа, тогда как западную одухотворяет душа «фаустовская» [14, с. 171–172].

Современный политолог, автор теории столкновения цивилизаций Самуэль Хантингтон (1927–2008) предлагает оригинальную интерпретацию отношений между культурой и цивилизацией. «Основная идея этого труда заключается в том, что в мире после холодной войны культура и осознание различной культурной идентичности... определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта» [12, с. 13]. Изучение особенностей цивилизаций продолжают современные исследователи. Несмотря на разнообразие работ, и подходов, доминирующей тенденцией остается западноцентризм. Достаточно популярным в западной литературе остается направление, заданное Френсисом Фукуямой (1952–) как движение к глобальной цивилизации [11].

Цивилизацию следует трактовать, как высшую – по сравнению с народом, нацией этносом – степень развития общества и коллективной идентичности, «организующей систему представлений, мифов, символов в единую картину, в рамках которой возможна интерпретация отдельных фактов» [1, с. 101]. Следовательно, цивилизация выступает как форма сосуществования народов, наций и

этносов, и имеет сложную многомерную структуру. «Цивилизация выступает при этом как социокультурная общность людей, объединенных общей духовной традицией, позволяющей им сочетать и совершенствовать нормы поведения, ценности и идеалы локальных культур, общими основами материальной культуры, сходными формами восприятия пространства и времени, окружающей среды, а также способами ее использования» [5, с. 6].

Один из лидеров евразийства П. Савицкий подчеркивал: «Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских... Она – совершенно особая, специфическая культура... Её надо противопоставлять культурам Европы и Азии как срединную, евразийскую культуру» [9, с. 40]. Таким образом, «поиск политической идентичности Россия может осуществлять на пути конструирования идентичности нации или цивилизации ... идентичность Российской Федерации может стать эффективной только как цивилизационная политическая идентичность» [1, с. 103–105].

Важнейшей характеристикой цивилизации является культура. Культура трактуется и как восходящий этап в развитии цивилизации, и как особый уникальный регулятор социальных отношений, и как особый мир материальных и духовных ценностей.

Государственная культурная цивилизационная политика актуализирует такие ценности, которые традиционно подчеркивали особенности нравственных устоев народов. Современными ценностно-смысловыми доминантами, воспроизводство которых должна обеспечить государственная культурная политика, выступают «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [8]. Любой человек уже является носителем культурных цивилизационных связей и ценностей, важно только помочь ему обрести адекватный культурный цивилизационный дискурс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алибегилев Ш.А. Концептуализация понятия политической идентичности в контексте формирования цивилизационной идентичности России / Ш.А. Алибегилев // Власть. – 2016. – №11. – С. 100–105.
2. Асоян Ю. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков / Ю. Асоян, А. Малафеев. – Москва, 2000. – 342 с.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – Москва, 1985. – 448 с.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н.Я. Данилевский / Сост. и комм. Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – Москва: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.

5. Ионов И.Н. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века / И.Н. Ионов, В.М. Хачатурян. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. – 384 с.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – №14. – Ст. 2406.
7. Кузык Б.Н. Цивилизации: Теория история, диалог, будущее / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец – в 2-х т. Т.1. Теория и история цивилизаций. – Москва: Институт экономических стратегий, 2006. – 768 с.
8. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: утв. Указом Президента РФ 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – №46. – Ст. 7977.
9. Савицкий П.Н. Континент Евразия / П.Н. Савицкий. – Москва: Аграф, 1997. – 461 с.
10. Тихонравов Ю.В. Основы философии права / Ю.В. Тихонравов. – Москва: Вестник, 1997. – 604 с.
11. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Фр. Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина. – Москва: АСТ, 2007. — 588 с.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва: АСТ, 2016. – 640 с.
13. Цицерон М.Т. Избранные сочинения / М.Т. Цицерон. – Москва: Худож. лит., 1975. – 456 с.
14. Шпенглер О. Закат Европы. В 2 т. Т. 1. Образ и действительность / О. Шпенглер. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993. – 584 с.

© Волков Виталий Александрович (vity@rambler.ru), Востряков Лев Евгеньевич (lev-vostriakov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

КОНЦЕПТ «ДОМ» В ТЕОРИИ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

Деринг Элеонора Константиновна

Соискатель, Забайкальский государственный университет, г. Чита
el.dering@yandex.ru

THE CONCEPT OF "HOUSE" IN THE THEORY OF PHILOSOPHY OF CULTURE

E. Dering

Summary: This article is devoted to the study of the concept of "Home". Being a unique concept of culture, the concept of "Home" reflects the scope of the subject's daily life. The formation of a worldview develops from a simple perception of reality to a creative rethinking of the surrounding world. The subject comprehends the world through the transfer of the properties of the conscious into the unknown, finding similarities and differences in the process of mental and emotional-sensory activity. In almost all national cultures, the House is a reference point, one of the main landmarks in the surrounding world, a place of spiritual support and a value-forming core. His space organizes the cultural and historical environment in which a person's personality is formed, his social significance is determined and a spiritual path is outlined.

Keywords: the concept of «Home», creative reinterpretation of the world, value system, cultural tradition, poetics of architectural images, socio-cultural processes, place, space.

Аннотация: Данная статья посвящена изучению концепта «Дом». Являясь уникальным концептом культуры, концепт «Дом» отражает сферу быденной жизнедеятельности субъекта. Формирование мировоззрения развивается от простого восприятия действительности к творческому переосмыслению мира. Субъект постигает мир через перенос свойств осознанного на неизвестное, находя схожее и различное в процессе мыслительной и эмоционально-чувственной деятельности. Почти во всех национальных культурах Дом является точкой отсчета, одним из главных ориентиров в окружающем мире, местом духовной поддержки и ценностнообразующим ядром. Его пространство организует культурно-историческую среду, в которой формируется личность человека, определяется его общественная значимость, намечается духовный путь.

Ключевые слова: концепт «Дом», творческое переосмысление мира, система ценностей, культурная традиция, поэтика архитектурных образов, социокультурные процессы, место, пространство.

Концепт «Дом» представляется в настоящее время актуальным предметом изучения в современных гуманитарно-социальных науках. Он является базовым концептом, играя ключевую роль в сознании разных народов мира, формируя менталитет этноса. Формирование мировоззрения развивается от простого восприятия действительности к творческому переосмыслению мира. Субъект постигает мир через перенос свойств осознанного на неизвестное, находя схожее и различное в процессе мыслительной и эмоционально-чувственной деятельности: «Наша быденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [Лакофф, Джонсон 2004: 25].

В словаре русского языка С.И. Ожегов дает следующие толкования слову «дом»: 1) Жилое (или для учреждения) здание. 2) Свое жильё, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство. 3) Учреждение, заведение, обслуживающее какие-нибудь общественные нужды (Дом отдыха, Дом творчества, Дом ученых, Дом ветеранов, доходный дом). 4) Место, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования (общеевропейский дом. Родина наш общий дом). 5) Династия, род. (Дом Романовых) [Ожегов 2015].

Дом – это «наше место», то единственное, которое мы можем назвать своим собственным [Прак 2018: 51]. Мы соотносимся с миром через обозначение места. Разме-

щение себя в пространстве является предварительным требованием нашего существования... Так или иначе, пространство принимает и нас, и нашу деятельность, и наше имущество, становясь обрамлением нашей жизни. Места, которые мы занимаем в пространстве, определяют для нас смысл этого мира, или же мы сами становимся через них его смыслом как на физическом, так и на психологическом уровне.

Место – это связующее звено между человеком или объектом и окружающим миром. Даже находясь вне выбранного места, мы определяем свое местонахождение, соотнося его с границами. Обозначая и организуя выбранное место, мы придаем смысл миру, в котором живем [Анвин 2012: 34].

Выбранное нами место создает пространственную матрицу жизни, управляет восприятием мира и определяет отношение с другими людьми, с окружающей нас средой, с нашими богами [Там же: 35].

Направленность в деятельности человека требует проведение искусственных границ между материальными объектами и пространствами, ограниченными поверхностями. «Каждый из нас – это вместилище, ограниченное поверхностью тела, с ориентацией «внутри-снаружи» ...Комната и дом – явные вместилища... Но даже в тех случаях, когда нет естественной физической

границы, которую можно было бы рассматривать как границу вместилища, мы налагаем границы – как если бы внутреннее пространство и ограничительная поверхность реально существовали – будь то стена, забор, воображаемая линия или плоскость» [Лакофф, Джонсон 2004: 55]. Система ценностей устанавливает его культурный статус и описывается через традиционные семиотические оппозиции, наиболее значимые из которых «внутренний – внешний», «освоенный – неосвоенный», «свой – чужой», «верх – низ» [Потиот 2013: 55].

Системы ценностей занимают определенное ограниченное пространство в рамках большого пространства «Дом». Каждое ограниченное пространство имеет свой набор присущих только ему ценностей.

Сам дом – часть большого пространства, которое, в свою очередь, представляет собой часть еще большего. Он выделен из площади, уже отведенной для какой-то цели. Его можно назвать «многократно детерминированным пространством», потому что его пространство детерминировано (отчасти) всеми большими пространственными концептами, сегментом которых оно является [Прак 2018: 55]. В свою очередь дом, так же включает в себя более мелкие пространства, среди которых выделяются такие древнейшие типы мест как, например «очаг», «алтарь», «кровать» [Анвин 2012: 84].

Л. Кострань проводя аналогию между американским домом и национальным менталитетом говорит: «Дом, стоящий особняком, как и мы с вами, с фасадом и тыльной частью, ядром (представляющим сердце) и камином, чердаками, полными воспоминаний о том, что есть «вверху», «над нами», и подвалом, скрывающим содержание «низов» [Кострань 2018: 90]. Он так же рассматривает Дом как определенным образом взаимодействующие друг с другом ограниченные пространства. Имея различную структуру и атмосферу, они по-разному влияют на находящиеся в них субъекты.

Виктор Бюхли считает, что самым важным концептом, связанным с антропологическим анализом архитектурной формы в воспроизведении человеческого общества, является идея «Общества дома» Леви-Стросса (принадлежность субъекта к тому или иному роду и его местонахождение в пространстве (место жительства). Леви-Стросс говорит о том, что дом – это, главным образом «моральный человек, обладающий имуществом, состоящем из материальных и не материальных, которые увековечивают себя через передачу своего названия по реальной или воображаемой линии, считающейся законной до тех пор, пока эта преемственность может выражать себя языком кровного родства или сходства, и чаще всего и того и другого. Дом является внетелесной коллективной формой моральной индивидуальности, которой приписываются понятия чести, целостности и

долговечности [Бюхли 2017: 108].

Но ни только система кровнородственных связей формирует «Дом» по Леви-Строссу. Любая референтная (социально значимая) группа людей, объединенных одной целью и деятельностью сплоченными когнитивными и эмоционально-чувственными отношениями, имеет выраженные черты Леви-Строссовского «Дома». Особенно если это высшая стадия развития группы – коллектив – совокупность людей, находящихся между собой в постоянной связи, организованных благодаря совместной деятельности и ощущающих, себя единым целым. Например, семья, профессиональная группа, религиозная секта, спортивная команда и т.д.

О. Шпенглер утверждает, что дом — это важнейшая константа в методологии исследования социокультурных процессов, которые происходят в локальных культурах. Он говорит, что именно концепт Дом является наиболее ясным отражением особенностей культуры этноса. Представляя мировую историю как смену типов человеческих домов. О. Шпенглер утверждает, что «... Форма дома пересаживается только вместе с расой. Если исчезает орнамент, это значит, что изменился только язык; если же исчезает тип дома, угасла раса» [Шпенглер 1998: 124]. Он считает существование дома показателем существования той или иной национальной культуры, цивилизация ведет к забвению дома и всех ценностей, связанных с этим концептом.

Сам физический облик дома способен передавать смысл, пробуждать аллюзии, создавать метафоры, вызывать эмоции и чувства, рассказывать истории. Поэтика архитектурных образов способна возвысить произведение архитектуры до уровня символизма, где смысл передается через ассоциацию.

Например, в русской избе можно легко разглядеть представление о мироустройстве с солнцем в «среднем» небе и «хлябями небесными» в верхнем. Знаменитый советский историк академик Б.А. Рыбаков модель русской избы, рассматривает как место обитания субъекта, центр мироздания и человеческий «микрокосм» [По Кавтарадзе 2022: 122]. Простая русская изба не смотря на скромные размеры успешно демонстрирует космогонические представления своих обитателей.

Ю.М. Лотман так же занимался проблемой «Дома» (своего пространства безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами [Лотман 2022: 302], где осуществляется коммуникация между субъектами и происходит взаимообмен культурами) в русской национальной культуре, противопоставляя его «Антидому» (чужому, «дьявольскому пространству» месту временной смерти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир) [Там же]. По Лотману

«Дом» — это ограниченное пространство, наполненное архаическим, архетипическими и мифологическими моделями сознания, очень устойчивыми и продуктивными. На примере произведений таких знаменитых писателей, как А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, С.Т. Аксаков, Н.В. Гоголь ученый размышляет о доме, как о ментальном пространстве, вобравшем в себя мысли о культурной традиции, истории и гуманности.

Моделирование концепта — это наиболее удобный «инструмент» проникновения в индивидуально-авторскую картину мира творческого человека.

Являясь уникальным концептом культуры, концепт Дом отражает сферу обыденной жизнедеятельности субъекта. Формирование мировоззрения развивается от простого восприятия действительности к творческому переосмыслению мира. Субъект постигает мир через перенос свойств осознанного на неизвестное, находя схожее и различное в процессе мыслительной и эмоционально-чувственной деятельности... С этой точки зрения «Дом», является главной пространственно-временной категорией, первым жизненным опытом субъекта, являясь одновременно и сложной многофакторной системой взаимоотношений, и организованным структурированным пространством, имеющим трехуровневый порядок: социальный, материальный, психологический [Сапрыкина 2022: 38].

Культурно-психологическая функция концепта «Дом» заключается в создании образа индивидуально-личностного, «своего» пространства, разделяющего, в первую очередь не «физическое» пространство, а социум в самом широком смысле этого слова. Осваивая новое пространство человек, постепенно расширяет свойства и функции дома. При этом его основная функция остается неизменной: формирование понятия «свой» – «чужой» (своя семья, свой дом, своя земля, своя страна).

Дом представляет собой организм, направленный на решение проблемы, он позволяет найти это решение че-

рез свои институты, практики и что более важно, через свой материальный контекст [Бюхли 2017: 109]. Дом – это элемент времени, идентифицированный археологами. А это делает этот концепт столь убедительным и мощным как для археологов, так и для социальной антропологии... Память и история являются значимыми направлениями обращения с домом, поскольку дом ведет отсчет памяти. А эта память, по существу, является памятью происхождения [Там же].

Можно сделать вывод, что в современной науке теория концепта «Дом» разработана достаточно хорошо. Почти во всех национальных культурах Дом является точкой отсчета, одним из главных ориентиров в окружающем мире, местом духовной поддержки и ценностно-образующим ядром. Его пространство организует культурно-историческую среду, в которой формируется личность человека, определяется его общественная значимость, намечается духовный путь.

Концепт «дом» на наш взгляд, заключается в следующих смысловых значениях:

- Дом как образ Космоса, как центр мироздания, человеческий «микрокосм»;
- Дом как ментальное пространство, вобравшее в себя мысли о культурной традиции, истории и гуманности;
- Дом как наиболее важная пространственная категория, являющаяся первым жизненным опытом индивида;
- Дом как индикатор социально-исторических процессов, происходящих в культуре;
- Дом как внетелесная коллективная форма моральной индивидуальности, которой приписываются понятия целостности и долговечности;
- Дом как коллектив, совокупность людей, находящихся между собой в постоянной связи, организованных благодаря совместной деятельности и ощущающих, себя единым целым;
- Дом как пространственно-временной объект;
- Дом как объект культуры;
- Дом как первичное место социализации человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анвин С. Основы архитектуры. – СПб.: Питер, 2012. – 272 с.
2. Бюхли В. Антропология архитектуры / Пер. с англ. – Х.: изд-во «Гуманитарный Центр», Григорьева М.В., Гритчина О.В., 2017. – 288 с.
3. Кавтарадзе С. Анатомия архитектуры. Семь книг о логике, форме и смысле / Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики» - 8-е изд. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2022. – 472 с.
4. Кострнь Любомир. Психология архитектуры / Пер. с чеш. – Х.: изд-во «Гуманитарный Центр» / Олива И.В., 2018. – 340 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. А.Н. Баранова. — М.: Едиториал УРСС, 2004 — 256 с.
6. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 444 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений: [новое издание] / Сергей Иванович Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. - 28-е изд., перераб. - Москва: Мир и образование, 2015. - 1375с.
8. Поттиот Р.М. История изучения концепта «дом» в отечественном языкознании // Вестник угроведения №2 (12)2013. – С. 54-66.

9. Прак, Нильс Луниг. Язык архитектуры. Очерки архитектурной теории / пер с англ. Е. Ванеян; под науч. ред. С. Ванеяна. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 288с.
10. Сапрыкина А.Ю. Концепт «Haus» в индивидуально-авторской картине мира Генриха Бёля (На материале романов «Дом без хозяина», «Бильярд в половине десятого», «Глазами клоуна»): монография. – М.: ФЛИНТА, 2022. – 232 с.
11. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирноисторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. 606 с.

© Деринг Элеонора Константиновна (el.dering@yandtx.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ ОСНОВАТЕЛЯ ДАОСИЗМА ЛАО ЦЗЫ НА КУЛЬТУРНУЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ КИТАЯ

Захарова Елена Юрьевна

*Забайкальский государственный университет, г. Чита
aglena_72@mail.ru*

Гомбоева Маргарита Ивановна

*Профессор, Забайкальский государственный
университет, г. Чита
m.i.gomboeva@gmail.com*

Сунь Мэйцзы

*Аспирант, Забайкальский государственный
университет, г. Чита*

THE INFLUENCE OF THE IDEAS OF THE FOUNDER OF TAOISM LAO TZU ON THE CULTURAL MODERNIZATION OF CHINA

**E. Zakharova
M. Gomboeva
Sun Meizi**

Summary: This article is devoted to the analysis of the role of the ideas of the founder of Taoism Lao Tzu in the modern cultural modernization of China. Attention is drawn to three postulates of the concept of Lao Tzu: «education of the human spirit», «reforms and innovations», «the spirit of service to the people». It is shown that the use of Lao Tzu's ideas has an impact on the life of Chinese society, which is in the process of modernization. The reflection of the traditional postulates of Taoism in modern reality is substantiated. The ideological basis of cultural modernization is the synthesis of traditional and modern values, the mechanism of interaction, which is determined by the socio-economic reality itself.

Keywords: cultural modernization, Lao Tzu's ideas, spiritual and moral values, traditional values.

Аннотация: Данная статья посвящена анализу роли идей основателя даосизма Лао Цзы в современной культурной модернизации Китая. Обращается внимание на три постулата концепции Лао Цзы: «воспитание духа человека», «реформы и инновации», «дух служения народу». Показано, что использование идей Лао Цзы оказывает воздействие на жизнедеятельность китайского общества, находящегося в процессе модернизации. Обосновывается рефлексия традиционных постулатов даосизма в современной реальности. Идеологической основой культурной модернизации становится синтез традиционных и современных ценностей, механизм взаимодействия, которых детерминирован самой социально-экономической реальностью.

Ключевые слова: культурная модернизация, идеи Лао Цзы, духовно-нравственные ценности, традиционные ценности.

Одним из современных трендов развития Китая является модернизация всех сфер жизнедеятельности общества, критериями успешности которой являются дифференциация, универсализация, рационализация экономической, социальной, политической и духовной жизни китайского общества. Одним из элементов модернизации является культурная модернизация, цель которой обозначена как создание современной духовной культуры социализма, духовно-нравственное воспитание личности как субъекта и объекта процесса модернизации, формирование нового мировоззрения, основанного на традиционных и современных китайских ценностях. Культурная модернизация – сложный, противоречивый, многоаспектный процесс:

- это взаимодействие инноваций и традиций;
- трансформация ценностей, знаний, норм и правил этики, духовных идей, взглядов, концепций;
- в-третьих, взаимосвязь традиционных и современных китайских ценностей, которые «... формируют мировоззрение, взгляды на жизнь и ценности народных масс, а также направляют вперед культурную модернизацию» с ценностями западной культуры [11]. Реализация задач культурной модернизации определяет успех модернизации в целом. «Китай – это страна интенсивной культуры,

которая не оставила ни одного явления жизни в первоначальной форме» [2, с. 106]. В «Обзорном докладе о модернизации в Китае и мире» культурная модернизация есть деятельность, система, процесс:

- как деятельность это «...создание, производство, распределение, сохранение и потребление культуры в шести областях жизни людей и общества. Эти шесть областей: экономика, общество, политика, культура, окружающая среда и поведение индивидов»;
- как система включает «...комплекс знаний, институтов и идей, которые оказывают влияние и объясняют различные виды устройства жизни людей»;
- это «... процесс формирования, развития, трансформирования и международного взаимодействия современных культур» [8, с. 196].

Успех культурной модернизации, как и модернизации в целом, детерминирован изменениями общественного и индивидуального сознания, что предполагает формирование новой системы ценностей. Во взаимодействии ценностей и объективной реальности можно выделить закономерность: изменяющая социальная реальность формирует новые ценности. В тоже время новые ценно-

сти определяют успех, проводимых реформ, эффективность китайской политики модернизации, направленность цивилизационного развития Китая в современном мире. Процесс формирования новых ценностей, рефлексивных тенденции и факты изменяющейся социальной реальности, предполагает обращение к идейным истокам китайского общества, в том числе к традиционным духовно-нравственным ценностям. Общественные, государственные, политические деятели Китая осознают значимость традиционных духовно-нравственных ценностей в процессе модернизации общественной жизни.

О роли духовных ценностей в ходе модернизации речь шла на XX съезде Коммунистической партии Китая. «Китайская модернизация требует согласованного развития материальной и духовной культуры. Человек без духовного основания не устойчив, государство без духовного основания не может быть сильным. Определение целей развития базируется на мощном материальном основании и также основывается на могучей духовной движущей силе» [12].

Проблема значимости традиционных духовно-нравственных ценностей в модернизации Китая получила свою рефлексию в трудах ученых. В частности, Чжао Бин, Ли Юйхао, обращают внимание на позитивные и негативные эффекты, возникающие в процесс модернизации [13]. Среди позитивных моментов они выделяют: повышение уровня жизни китайских граждан, быстрое развитие экономики страны, урбанизация, реализация политики контроля над рождаемостью. В тоже время возникает и ряд негативных моментов: утилитаризм, приоритет материальных ценностей, гедонизм, моральная аномия, эгоцентризм, примат индивидуального над общественным, культ денег. Причину этой ситуации они видят в том, что цели экономического развития опережают развитие духовных ценностей, что является следствием быстрых темпов модернизации. Кроме того, отмечается, то, что традиционные ценности размываются, а новые только формируются и здесь очень важно найти баланс, середину, технологии их сочетания, так в китайском обществе по-прежнему сильно влияние ценностей буддизма, конфуцианства, даосизма. Выход из сложившейся ситуации усматривают в использовании традиционных духовно-нравственных ценностей, их адаптации к новым социально-экономическим условиям [13].

Ученые считают, что одной из причин данного явления стала неподготовленность мышления китайских граждан к переменам, абсолютизация традиционных духовно-нравственных ценностей и строгое следование им. «Реформы экономической системы требуют соответственных изменений духовного состояния людей, их характера, культуры, социальной психологии» [1, с. 200]. Чжао Чжихао отмечает, что «когда идея «прогресса» вошла в сознание китайцев... линейное мышление заме-

нило собой цикличное. Линейное мышление предполагает движение вперед, спиралевидный подъем. А при циклическом движении невозможно различить верх – низ, спуск – подъем» [14, с. 45].

Все эти моменты явились основанием для перехода китайского общества от «догоняющей» модели модернизации, к модели, основанной на традиционных ценностях, их адаптации к современности и человеческом факторе как движущей силе, интеллектуальном ресурсе развития общества сегодня.

Культурная модернизация, ориентированная на инновации, как стержень развития и их активное внедрение в практику современности, создала условия для новых новаторских идей. Сегодня, под влиянием цифровизации, маркетинга, новых ценностей, широким распространением западной культуры изменяется индивидуальное сознание китайского населения, оно раскрепощается (Дэн Сяопин). Все эти процессы не отрицают традиционных китайских ценностей, а напротив, актуализируют их значимость и востребованность. В практике культурной модернизации важным являются идеи о гармонии человека с природой, сохранении баланса между природой и обществом, соблюдении ритуала «Ли», о роли семьи, семейных ценностей. Традиционные духовно-нравственные ценности, преобразуются, адаптируются к современным реалиям. Как отмечает, М. Кастельс значение клана сохраняется в Китае и по сей день, поскольку китайская организация бизнеса основана на семейных фирмах (цзяцзю ци-е) и кросс-секторных деловых сетях, часто контролируемых одной семьей. Фирма является семейной собственностью, и доминантная ценность касается семьи, а не фирмы. Когда процветает фирма, процветает и семья. После того, как накоплено достаточно богатства, оно делится среди членов семьи, которые инвестируют его в другие фирмы. Несмотря на частое соперничество внутри семьи, основой сделок все еще является личное доверие, ценимое выше юридических и конкретных отношений. Семейные фирмы связаны субподрядами, обменом инвестиций и разделением капитала [5].

По мнению ученых, традиционная духовная культура Китая выполняет сегодня адаптационную, формирующую и познавательную функции, влияя на социальное пространство Китая, рефлексивная все изменения, происходящие в нем, сохраняясь в сознании людей, повседневной и профессиональной жизни. Модернизация, имеющая своей целью преобразование общественной жизни, самого человека, безусловно, вносит дезорганизацию, порождает дисфункции многих социальных институтов, структур, систем, что актуализирует необходимость сохранения и функционирования традиционных структур, постановку их на «службу современности». Ученые обращают внимание на весьма значимый мо-

мент обращения к прошлому. По их мнению, традиционные духовные ценности в современном мире, позволяют китайскому народу сохранять свою идентичность. «Верность базовым цивилизационным основам общества позволяет сохранить его идентичность, смягчает для народа трудности крутых перемен, а использование имеющегося исторического опыта облегчает для власти проведение модернизации» [15, с. 37]. В тоже время актуализируется необходимость переориентации мышления людей, особенно это касается молодежи с ориентации воспроизводства традиций на создание нового.

Одной из особенностей китайского общества, по мнению М.Л. Титаренко, является почитание старины, как способа создания нового не через разрушение старого, а сочетание и старого, и нового [10]. Интересно высказывание Н. Гейлмана в лекции «Почему наше будущее зависит от чтения». «В 2007 году я был в Китае, на первом одобренном партией конвенте по научной фантастике и фэнтези. В какой-то момент я спросил у официального представителя властей: Почему? Ведь НФ не одобрялась долгое время. Что изменилось? Все просто, сказал он мне. Китайцы создавали великолепные вещи, если им приносили схемы. Но они ничего не улучшали и не придумывали сами. Они не изобретали. И поэтому они послали делегацию в США, в Apple, Microsoft, Google и спросили людей, которые придумывали будущее, о них самих. И обнаружили, что те читали научную фантастику, когда были мальчиками и девочками» [4].

Значимым в этом плане, является концепция даосизма, наряду с буддизмом, конфуцианством, сформировавшая свое видение мира, человека, каноны его поведения, технологии гармонии с обществом и природой. Как, подчеркивает М. Ринчинова, «Моральные и духовные ценности традиционного даосизма в Китае влияют на мышление, психологию, словесное поведение и образ жизни народных масс, формируют всю национальную культуру [9]. Важным в этом отношении являются постулаты Лао Цзы, изложенные им в «Дао-Дэ цзин» («Канон Пути и Благодати»). Так, в современном Китае широко используются идеи Лао Цзы о гармоничном обществе, строительство которого объявлено конечной целью модернизации. В учении даосизма гармоничное общество представляет собой социально-политический конструкт, части которого образуют единство, находясь в состоянии взаимодействия. Гармоничное общество – это государственная организация, население, которой малочисленно, в нем нет эксплуатации, угнетения, войн. Гармоничное общество, представленное в 80-м чжане «Дао-дэ цзина» – это своеобразная утопия, которая сегодня наполняется конкретным содержанием, так как в нем изложены основные принципы существования государства: взаимоуважение, поддержка, терпимость, равенство. Государство должно быть маленьким, население — малочисленным. Если и есть разные орудия, ими

не следует пользоваться. И пусть люди до самой смерти не уходят из своих родных мест. Если есть лодки или повозки, ими не следует пользоваться; если есть оружие и воины, ими не стоит хвастать. Пусть люди восстанавливают завязки узелков вместо письма. Пусть их пища будет вкусной, одежда хорошей, жилище удобным, а нравы приятными. Пусть [население] соседних царств видит друг друга, слышит пение петухов и лай собак. А люди пусть долго живут и не стремятся к общению [3].

Важным идейно-теоретическим источником культурной модернизации являются положения даосизма. В условиях повсеместной цифровизации, формированием интеллектуальных ресурсов как главных объектов и субъектов модернизации, важным становится обращение к древней китайской философии, в частности взглядам Лао Цзы о человека, его совершенствовании, постоянном развитии, переменах в жизненных циклах. Личность находится в состоянии постоянной трансформации. Согласно учению Лао Цзы, мир – это постоянное движение. Философ обращает внимание на необходимость воспитания любви и милосердия, что дает человеку быть полезным. В формировании новых качеств человека значительная роль отводится преподавателю-наставнику, которому присуще такие качества как высокая степень нравственности, отвага, профессионализм, добросовестность, стремление к самосовершенствованию.

Без воспитания и формирования нового человека модернизации нет будущего. Большую роль в этом играет политика Китая, вложения в сферу образования, его поддержка. В материалах двадцатого съезда коммунистической партии Китая отмечается, что «за прошедшее десятилетие дошкольное образование и обязательное образование в КНР достигли уровня стран мира с высокими доходами, высшее образование в Китае вошло в стадию распространения» [12].

Одной из движущих сил культурной модернизации являются инновации, реформы, открывающие широкие возможности для обеспечения экономического приоритета Китая на мировой арене, технологического развития, обеспечения достойного уровня жизни китайского народа. Актуализируя роль инноваций в современной истории Китая, китайские ученые обращают внимание на результативность последних. Внедрение инноваций обеспечило повышение активности людей во всех сферах жизнедеятельности общества; способствовало расширению демократии, обеспечив тем самым, значимость человеческих ресурсов; повысило эффективность действий государственной власти на всех уровнях государственного управления [6].

Реформа и инновации – это стратегический проект. В соответствии с потребностями социалистической ры-

ночной экономики Китая и построения социализма с китайской спецификой необходимо проводить реформы, используя инновационные технологии. Например, в рамках решения проблем экономического развития были использованы технологии по реформированию, такие как «захват большого и отпущение малого» на государственных предприятиях, что позволило добиться хороших результатов. Под «захватом больших и отпущением малых» понимается важное решение о стратегической реорганизации государственной экономики, принятое государством с учетом нынешнего положения государственных предприятий в Китае. Под «захватом большого» понимается быстрое развитие крупных государственных предприятий с тем, чтобы они могли играть ключевую роль в повышении конкурентоспособности и влияния, содействовали стабильному экономическому развитию и реализации государственной промышленной политики. Под «малым» понимается либерализация развития малых государственных предприятий, имеющих свой собственный стиль ведения бизнеса и развития. В настоящее время в процессе развития государственных предприятий также возникло много проблем, таких как несправедливое распределение ресурсов и низкое качество услуг, поэтому необходимо продолжить реформу государственных предприятий. Можно сказать, что цель перемен и инноваций состоит в том, чтобы сделать страну богаче и сильнее, обеспечить прогрессивное развитие китайского общества, его развитие.

Постулат Лао Цзо о материальном благополучии, являясь одним из стержней политики модернизации,

соответствует целям и задачам развития страны, обозначенным на XX съезде Коммунистической партии Китая. Философ выступает против накопительства, наживы. «Кто много накапливает, тот потерпит большие убытки. Кто знает меру, у того не будет неудачи»¹.

Выступая перед делегатами двадцатого съезда Си Цзиньпин отметил три важных задачи, которые были решены. «Во-первых, – сказал Си Цзиньпин, – мы отметили 100-летие Компартии Китая; во-вторых, началась новая эпоха социализма с китайской спецификой; в-третьих, мы решили историческую задачу по интенсивной ликвидации бедности и всестороннему построению среднезажиточного общества, реализовав цель, намеченную к 100-летию КПК» [7]. Среди задач, стоящих перед партийным руководством Китая, названы улучшение благосостояние населения, повышение качества жизни народа, содействие зеленому развитию, гармоничному сосуществованию человека и природы.

Таким образом, идеи даосизма, являются одним из идейных источников культурной модернизации Китая. Успех модернизации во многом зависит от грамотного диалектического единства традиционных ценностей, получивших свою рефлексию в философско-религиозных учениях древности инноваций, актуализированных практикой развития страны сегодня. Традиционные философские учения Китая не отрицаются, а являются одним из духовных ресурсов модернизации: идеи гармонии человека и природы, человека и общества, создания гармоничного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Н.А. Межкультурное взаимодействие и традиционная культура Китая. Чита: ЗабГУ, 1998. 303 с.
2. Алексеев В.М. Китайская народная картина. Москва, 1966. 260 с.
3. Васильев Л.С. Древний Китай: Том 3. Период Чжаньго (V–II вв. до н.э.), М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://historylib.org/historybooks/Vasilev-L-C_-_Drevniy-Kitay--Tom-3--Period-CHzhango--V-II-vv--do-n-e--/71 (дата обращения: 18.03.2023).
4. Гейлман Н. Почему наше будущее зависит от чтения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rpczmoskva.org.ru/k-svedeniyu/pochemu-nashe-budushhee-zavisit-otchteniya.html> (дата обращения 03.04.2023).
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
6. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006. 656 с.
7. Магдалинская Ю. XX съезд КПК поставил главные цели развития Китая: завершение социалистической модернизации и трансформацию в богатое, демократическое, социалистическое государство. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/11/10/kompartii-kitaia-idet-v-budushchee.html?ysclid=ifs7pfgqrq742477119> (дата обращения 28.03.2023)
8. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Пер. с англ. под общей редакцией Н.И. Лапина / Предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. 256 с.
9. Ринчинова Т.М. Духовно-нравственные ценности современного китайского общества: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. Улан-Удэ, 2012. 24 с.
10. Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. Москва: Республика, 1999. 240 с.
11. Фан Гуаншунь, Ци Ювэй. Богатая коннотация и отличительные черты культурной модернизации Китая // Чанбай. 2023. № 1. С. 140–146.

1 Конфуцианство, даосизм от А до Я. / сост. Ю.В. Парфенова. М.: Восток – Запад, 2007. 306 с.

12. Чжан Ханьхуэй. О сущности и особенностях китайской модернизации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/11/13/novaia-epoha-povuj-podhod-novye-sversheniia.html?ysclid=lfirtqbusxl911995685> (дата обращения 29.03.2023)
13. Чжао Бин, Ли Юхао. Анализ ценности эпохи образования Лао-цзы с цивилизованной точки зрения. Экономика и культура приграничных районов. 2022. № 1. С. 59–62.
14. Чжао Чжихао. Процесс модернизации Китая и тенденции ее развития // Политические исследования. 2010. №2. С. 44–48.
15. Яковлев А. Страны Востока: конец модернизации и выбор цели развития // Азия и Африка сегодня. 2008. № 6. С. 36–39.

© Захарова Елена Юрьевна (aglena_72@mail.ru), Гомбоева Маргарита Ивановна (m.i.gombоеva@gmail.com),
Сунь Мэйцзы.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВОЕ ИСКУССТВО В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

DIGITAL ART IN MODERN CULTURE

*E. Reva
N. Akoeva*

Summary: In the XXI century, the processes of digitalization are proceeding at a rapid pace. They touched not only the world of business, but also management, industry, agriculture, medicine. In various spheres of human activity, it is necessary to store, process, and transmit information. Cultural institutions such as archives, libraries, and museums have actively joined the process of digitalization.

In this article, the authors consider the current position of digital art in the cultural development of modern society, the possibilities of virtual and augmented reality technologies, NFT for the development of art. The authors of the study aim to identify the mutual influence of art and society; to determine the scale of the phenomenon of digital art that has «penetrated» into classical museums and galleries, its interrelationships with traditional forms of art.

Keywords: digital art, culture, NFT, contemporary art, immersive installations.

Рева Елена Сергеевна

*Краснодарский государственный институт культуры
79673149269@mail.ru*

Акоева Наталья Борисовна

*доктор исторических наук, профессор, Краснодарский
государственный институт культуры
akoeva_nata@mail.ru*

Аннотация: В XXI веке быстрыми темпами идут процессы цифровизации. Они коснулись не только мира бизнеса, но и управления, промышленности, сельского хозяйства, медицины. В различных сферах жизнедеятельности человека необходимо хранить, обрабатывать, передавать информацию. В процесс цифровизации активно включились культурные институции, такие как архивы, библиотеки, музеи.

В данной статье авторы рассматривают текущее положение цифрового искусства в культурном развитии современного общества, возможности технологий виртуальной и дополненной реальности, NFT для развития искусства. Своей целью авторы исследования ставят выявление взаимовлияния искусства и социума; определение масштабов феномена цифрового искусства, «проникшего» в классические музеи и галереи, его взаимосвязей с традиционными видами искусства.

Ключевые слова: цифровое искусство, культура, NFT, современное искусство, иммерсивные инсталляции.

Современный мир подвержен стремительным изменениям, и бурное развитие новых технологий ставит перед человеком необходимость, развиваться столь же быстрыми темпами. За последнее время в нашей жизни произошли очень крупные изменения, такие как запуск беспилотных автомобилей; переход, на безналичный расчёт; появление скоростного интернета и т.д. Искусство тоже не осталось в стороне, так как оно является продуктом общества в той же мере, в какой общество отражает искусство. Имея технологии в своём инструментарии, художники расширяют свои возможности и все чаще обращаются к цифровому искусству. В результате современное искусство становится очень изобретательным, динамичным и разнообразным. На самом деле, данный вид творчества не так сильно отличается от традиционного искусства. Они оба являются субъективными невоспроизводимыми произведениями, стоимость которых определяется только покупателем. Сделав рынок искусства более свободным, уникальный токен (NFT) помог демократизировать инвестиции в искусство, где они традиционно были привилегией немногих.

Цифровое искусство дало возможность изменить одновременно создание, потребление и вовлечение новой публики в достаточно закрытое сообщество ценителей прекрасного, при помощи таких средств, как например, цифровые иллюстрации или иммерсивные

инсталляции. И если цифровые иллюстрации могут использоваться любым человеком, как способ самовыражения, то иммерсивные инсталляции уже глубоко проникли в музейную среду. Например, в ночь с 3 на 4 июня 2023 года в Париже прошла Nuit Blanche (ночь искусств), во время которой многие не только современные пространства, но и такие музейные комплексы как Центр Жоржа Помпиду, представили в своих стенах множество иммерсивных инсталляций. Все желающие могли лечь и под музыку наблюдать за движением света в темноте [1]. Да и в целом такая практика в музейной деятельности уже не нова.

Одним из первых иммерсивных проектов в мире был «Пространственный энвайронмент в чёрном свете» (Ambientespaziale a lucenera) авторства Лучо Фонтаны 1949 г., который был проведён в галерее дель Навильоне в Милане. Экспозиция представляла собой тёмное помещение, в котором располагались абстрактные объекты, окрашенные светящимися неоновыми красками. В экспериментах с «погружением» Фонтана использовал свет, звук, радиоволны, телевидение и неон, отказываясь от традиционных художественных форм, активно задействовав телесное, динамическое восприятие произведения и собственного тела в пространстве инсталляции. Иммерсивные проекты Фонтаны, как правило, были посвящены изучению разных аспектов восприятия пространства [2].

Слово «иммерсия» имеет множество значений, что делает дискуссионным его точное определение, особенно применительно к художественным практикам. В частности, этот термин часто употребляется в отношении проектов, связанных с использованием виртуальной реальности, медиатехнологий, игр и 3D или стереокино [2]. Понятие «иммерсивность», как специальный художественный приём, изначально не включал в себя значения исключительно технологической обусловленности. Если провести более глубокий анализ, то «иммерсия», чаще противопоставляется «созерцанию», в академических словарях это слово определяется как «процесс полного вовлечения во что-либо» и означает скорее «погружение» [3].

Со времён античности, по крайней мере, в философии, неконтролируемость жизненного восприятия противопоставляется рациональному взгляду на мир. Достаточно близкое художественному пониманию сегодняшнего дня и реалиям современного общества, описание механики «иммерсии» встречается в теории аффектов Бенедикта Спинозы. Согласно его теории, «верное познание» находится в неотделимой связи с вытеснением, преодолением или переживанием аффектов. К ключевым аффектам, по мнению Спинозы, относятся «аффекты удовольствия и неудовольствия», которые он выводит в класс «переживаний». Силу переживания Спиноза оценивает столь высоко, что в знаменитом труде «Этика», указывает, что человек, неспособный преодолеть «переживания», оказывается в рабстве [4, с. 170, 172]. Понимание эмоционального фактора, как одного из элементов полного погружения в произведение искусства, чётко прослеживается в теории аффектов философа.

Спустя три века продолжает мысль Спинозы Жиль Делёз, говоря: «Блок ощущений, то есть составное целое перцептов и аффектов, это и есть произведение искусства» [5, с. 72]. Делёз говорит не только о разных органах чувств, участвующих в восприятии, но и о включении эмоционального способа познания наряду с привычными зрением или слухом.

Роль цифрового искусства в обществе многогранна. Этот вид искусства помогает не только обеспечить равенство в различных формах, но и привлечь внимание новых людей в сферу благотворительности и взаимопомощи. В России недавно запущен благотворительный проект в честь одиннадцатого дня рождения фонда «Дети-бабочки» (помощь больным буллезным эпидермолизом). 10 диджитал-художников создали 12 NFT-работ, вдохновленных рисунками маленьких подопечных. Деньги, вырученные от продажи токенов на маркетплейсе NIFTS, будут переведены в пользу фонда.

Цифровое искусство также помогает достижению

целей Организации Объединенных Наций в области устойчивого развития, способствуя повышению качества образования, обеспечивая достойный труд и экономический рост, решая проблему сокращения неравенства [6].

В июне 2020 года ООН был рекомендован ряд шагов, которые помогут обеспечить уважение прав и защиту в цифровую эпоху для всех людей. Предложенная стратегия является результатом многолетних глобальных усилий по решению целого ряда вопросов в области цифровых технологий и искусственного интеллекта.

Основываясь на рекомендациях гражданского общества, международных организаций, научных учреждений, технического сообщества предусматривается следующий комплекс действий:

- до 2030 года планируется обеспечить безопасный и недорогой доступ в Интернет для всех, независимо от региона проживания;
- программное обеспечение с открытым исходным кодом, возможность универсального взаимодействия с моделями искусственного интеллекта, открытые стандарты контента;
- развитие цифрового потенциала должно быть в большей степени ориентировано на потребности и адаптировано к индивидуальным и национальным условиям, а также лучше координироваться на глобальном уровне;
- улучшение защиты данных, ввод цифровых идентификационных карт, предотвращение онлайн-домогательств. Данный аспект требует расширения многосторонних усилий по глобальному сотрудничеству в этой области, чтобы помочь создать глобальный потенциал для разработки и использования искусственного интеллекта надежным образом, основанным на правах человека и способствующему поддержанию мира;
- разработка более эффективных алгоритмов в области цифрового сотрудничества [7].

Цифровые технологии смогли упростить художникам создание произведений и продвижение своего таланта, помогая обойти такие традиционные институции, как музеи или галереи, которые, к сожалению, не всегда открыты для экспонирования работ малоизвестных творцов. Художники из семей с низким уровнем доходов в последнее время смогли добиться невиданных ранее высот, благодаря технологиям. В результате они получили возможность доступа к более широкой аудитории и смогли завоевать авторитет в среде именитых художников.

NFT, например, открыли двери для африканских художников, которые привлекли внимание всего мира к своим работам. Это также позволило им зарабатывать на достойную жизнь искусством, сократив неравенство. На-

пример, нигерийский визуальный цифровой художник Осиначи (Принц Джейкоб Осиначи Игве) является художником-самоучкой. Его работы исследуют личный опыт и отражают его в технологической среде. Осиначи вырос в городе Абаба, для создания своих работ он использует Microsoft Word, где, оперируя базовой и ограниченной палитрой, создаёт повествовательные иллюстрации. Он также является одним из самых востребованных криптографов Африки, его произведения продаются как NFT. В 2018 году он стал первым нигерийским художником, представившим свои работы на конференции Big East в Нью-Йорке, которая стремится преодолеть разрыв между технологиями и искусством с помощью блокчейна [8].

Демократизация искусства облегчила покупателям и любителям искусства доступ к уникальным произведениям по всему миру. Цифровое искусство позволило художникам глубже раскрыть свой творческий потенциал, стало возможным продвигать свою работу и совершенствовать свой талант с помощью новых материалов, средств и методов. Один из самых дорогостоящих цифровых художников Майк Винкельманн, известный под псевдонимом Бипл (англ. Beeple), после окончания университета работал веб-дизайнером, но в свободное время занимался своими творческими проектами, которые он назвал «барахло Бипла». Теперь его NFT работы для аукционного дома Christie's в Нью-Йорке были проданы за более чем 69 миллионов долларов. Работа Винкельмана стала первым полностью цифровым произведением искусства, выставленным на продажу в этом аукционном доме, а также первым случаем, когда Christie's принял платеж в криптовалюте [9].

Цифровое искусство расширило возможности благодаря выставкам дополненной реальности и инсталляциям виртуальной реальности. В отличие от обычных художественных галерей, художники используют технологии для доступа к рынкам, о которых раньше они могли только мечтать. Теперь появилась возможность, используя простые правила узоров, форм и цветов, создавать уникальные произведения искусства. Пользователи могут участвовать в создании произведений искусства с помощью интерактивного воздействия, создавая новые пространства виртуальной реальности для трехмерных объектов. Использование визуальных эффектов и анимации создает привлекательные и динамичные визуальные эффекты с помощью анимированной графики. Кроме того, художники могут создавать абстрактные или реалистичные картины с помощью цифровой живописи.

Появление искусства дополненной реальности с использованием смартфонов, планшетов является неотъемлемой частью современной жизни. Цифровые инструменты позволяют художникам комбинировать различные элементы, такие как анимация, скульптура, фотография и живопись, для разработки новых форм ис-

кусства. Цифровое искусство разрушает границы и с помощью интерактивных инсталляций. Сенсоры и другие технологии позволяют зрителям участвовать в творчестве новых художников.

Цифровое искусство стало коммерческой силой на рынке современного искусства. Онлайн-рынки смогли увеличить доходы художников по всему миру. Раньше подняться по карьерной лестнице было мечтой борющихся художников. Но с появлением платформ Web3 открылись новые возможности. Художники теперь продают свои цифровые произведения искусства как NFT на онлайн-рынках, что значительно повышает уровень их доходов. Для многих художников, особенно из маргинализированных районов, цифровое искусство устранило разрыв в неравенстве. NFT принесли художникам много преимуществ и выгод. В первую очередь именно они открыли рынок искусства цифровым художникам, наконец-то позволив им зарабатывать на своих работах. Эта технология стала очень значимой, не только для мира цифрового искусства, но и традиционного. NFT сейчас стали доступны любому художнику. Вне зависимости от происхождения или жизненных обстоятельств, что даёт более широкий доступ к аудитории, чем раньше мог предложить Интернет. Любой может создать NFT и представить свою работу публике, стать для неё доступным и сформировать вокруг себя сообщество коллекционеров и поклонников. Напротив, двери традиционного искусства для большинства художников зачастую закрыты – чтобы появился хоть малейший шанс попасть в галерею, нужно получить одобрение экспертов рынка искусства и преодолеть целый ряд барьеров. Несмотря на это, лишь небольшая группа художников пользуется всеобщим признанием в мире цифрового искусства. Но все же современные инвесторы, коллекционеры очень осторожно приобретают работы неизвестных художников с неподтвержденной ценностью. Еще одним преимуществом NFT является то, что художник может получать процент от каждой перепродажи своей работы, так как эта сумма изначально заложена в NFT контракт. При традиционной продаже этого не происходит.

Подводя итог, хочется отметить, что цифровое искусство является одним из наиболее перспективных ресурсных направлений современной культуры, как для художников, так и для коллекционеров. Раньше для приобретения или продажи предмета искусства было необходимо длительное взаимодействие со множеством посредников, что усложняло процесс приобретения и продажи предметов искусства. Сегодня художники могут извлекать выгоду из своих работ так же эффективно, как коллекционеры получили возможность приобретать произведения искусства. Цифровое искусство действительно стало неотъемлемой частью современной культуры. Оно выполняет роли, которые обычное искусство не смогло исполнить.

Интеграция современных технологий с традиционным искусством открыла двери для творчества, при этом одновременно продвигаясь к реализации целей устойчивого развития, обозначенных ООН. Активное внедрение цифровых технологий в сферу искусства имеет множество положительных последствий: совершенствование художественных средств, создание принципиально новых произведений, расширение доступа к объектам

культуры, иными словами, использование технологий направлено на развитие и улучшение культурной среды.

Цифровизация делает искусство более ярким, разнообразным, оригинальным, а главное доступным для любого человека в любой точке нашей планеты. Цифровое искусство создает новые возможности для художников, а значит и музеев, и галерей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Опубликовано Cécile D., My B., Laurent P. – 2023 – 11 май. URL: <https://www.sortiraparis.com/ru/novosti/nuit-blanche/articles/281396-nuit-blanche-2023/> (дата обращения 20.05.2023). – Текст: электронный.
2. Кампилио П. Нематериальное: Керамика Лучио Фонтана. – Rizzoli International Publications, Incorporated, 2020. 136 с.
3. Пол К. Цифровое искусство. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 272 с.
4. Спиноза Б. О человеческом рабстве, или О силах аффектов. Этика. — СПб: Азбука-классика, 2016. — 235 с.
5. Делёз Ж., ГваттариФ. Что такое философия? – СПб.: Алетейя, 2018. – 288 с.
6. Пресс-центр. Фонд дети-бабочки – 2022 – 1 июня. URL: <https://deti-bela.ru/press/tsifrovye-khudozhniki-sozdali-nft-ko-dnyu-rozhdeniya-fonda/> (дата обращения 19.05.2023) – Текст: электронный.
7. Новости ООН. Дорожная карта по цифровому сотрудничеству – 2020 – 11 июня. URL: <https://www.un.org/ru/content/digital-cooperation-roadmap/> (дата обращения 19.05.2023) – Текст: электронный.
8. Онукве, Александр О. Как ведущий криптохудожник Нигерии создает и продает NFT – 2021 - 19 март. URL: <https://techcabal.com/2021/03/19/osinachi-nigeria-nft-crypto-art-artist/> (дата обращения 21.05.2023) – Текст: электронный.
9. Избранные художники и создатели. Официальный сайт Christie's (аукционный дом). URL: <https://www.christies.com/artists/beeple> (дата обращения 20.05.2023) – Текст: электронный.

© Рева Елена Сергеевна (79673149269@mail.ru), Акоева Наталья Борисовна (akoeva_nata@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ

Стоичков Красимир Панев

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный институт культуры
studio@manufactura.eu

THE ROLE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN MODERN CINEMATIC ART

K. Stoichkov

Summary: The article discusses the role and importance of digital technologies. It is noted that the introduction of digital technologies in cinematography has led to significant changes in the process of filming, post-production and distribution of films. The manufacturability of the creative process of creating films is increasing, productivity is increasing, changes are taking place that contribute to the possible redistribution of labor of low-skilled personnel, the cost of costs is becoming cheaper, especially in the long term, despite the increased costs at the initial stage for the purchase of high-quality equipment and the need to train personnel in order to achieve their necessary skills and competencies in working with expensive digital equipment. It is concluded that the artistic language that reflects the spirit of our time will be shaped through constant research, experimentation and interaction between artists and digital technologies.

Keywords: cinematography, film, film art, digitalization, virtual characters, visual effects, image quality, sound design, shooting.

Аннотация: В статье рассматривается роль и значение цифровых технологий. Отмечается, введение цифровых технологий в кинематографию привело к значительным изменениям в процессе съемки, постпродакшн и распространении фильмов. Возрастает технологичность творческого процесса создания фильмов, повышается производительность, происходят изменения, способствующие возможному перераспределению труда низкоквалифицированных кадров, удешевляется стоимость затрат, особенно, в отсроченной перспективе, несмотря на повышенные затраты на первоначальном этапе на закупку качественного оборудования и необходимость обучения персонала с целью достижения ими необходимых навыков и компетенций в работе с дорогостоящим цифровым оборудованием. Делается вывод, что художественный язык, который отражает дух нашего времени, будет формироваться благодаря постоянному исследованию, экспериментам и взаимодействию между художниками и цифровыми технологиями.

Ключевые слова: кинематограф, фильм, киноискусство, цифровизация, виртуальные персонажи, визуальные эффекты, качество изображения, звуковое оформление, съемка.

Кинематографическое искусство переживает период интенсивного развития за счет совершенствования практической реализации различных технологических средств цифрового свойства. Кинематографическое искусство находится в периоде интенсивного развития благодаря совершенствованию и применению различных технологических средств цифрового характера. Введение цифровых технологий в кинематографию привело к значительным изменениям в процессе съемки, постпродакшн и распространении фильмов [1]. Цифровые камеры стали широко использоваться вместо традиционных пленочных камер, что позволяет снимать высококачественное видео с большей гибкостью и контролем над изображением [2].

Актуальность научного исследования цифровых технологий в современном кинематографе связана с их важной ролью и влиянием на современную кинематографическую практику, повышением качества производимой кинематографической продукции. Цифровые технологии изменили способ производства, съемки, постобработки и распространения фильмов, открывая новые возможности и вызывая изменения в художественном подходе к созданию фильмов.

Творческий процесс все более приобретает техно-

логичный характер: ранее, прежде чем снять отдельный кадр, необходимо было тщательно проработать мизансцену, убедившись в правильности ее построения. В настоящее время можно снимать большое количество сцен с разных ракурсов в цифровом формате, впоследствии отбирая наиболее удачно получившийся материал для дальнейшего монтажа [3] или создавая вариативный сюжетный ряд, который может быть использован при монтаже с изменениями первоначально утвержденного сценария. Данный аспект привлекателен своей низкой стоимостью.

Камеры с высоким разрешением и большим динамическим диапазоном позволяют достичь потрясающей визуальной эстетики и создавать более реалистичные и впечатляющие образы. Цифровые технологии также существенно повлияли на постпродакшн и спецэффекты. Компьютерная графика и визуальные эффекты стали неотъемлемой частью кинематографического процесса. Они позволяют создавать фантастические миры, виртуальные персонажи, различные спецэффекты и взрывы, которые ранее были сложно или невозможно реализовать. Технические средства цифрового постпродакшна позволяют также легче корректировать цвета, освещение и другие параметры изображения, что дает большую свободу художественному выражению и созданию

уникального визуального стиля.

Распространение фильмов также претерпело существенные изменения благодаря цифровым технологиям. Цифровая дистрибуция и онлайн-платформы позволяют более широко распространять фильмы, достигая аудитории по всему миру. Кинотеатры также используют цифровые проекторы для показа фильмов, что обеспечивает высокое качество изображения и звука. В целом, совершенствование технологических средств в кинематографии цифрового свойства открывает новые возможности для творчества.

Актуальность научного исследования цифровых технологий в современном кинематографе позволит составить законченное представление об эволюции художественного языка в данной области на текущем этапе развития технологических средств. Кинорежиссеры, в большинстве своем, стремятся достичь целей массовизации кинематографического пространства, прибегая к новейшим технологиям в кинопроизводстве. Это позволяет увеличить кассовые сборы, сформировать бренд киностудии, повысить бренд и узнаваемость основных участников кинематографического производства – режиссера, сценаристов, актеров.

Отмеченное происходит за счет особых возможностей цифровых технологий создавать мощные визуальные эффекты, значительно улучшать качество изображения, совершенствовать звуковое оформление под стать современному оборудованию, которое имеется в настоящее время в кинотеатрах и дома, позволяющее полнее раскрыть замысел сценаристов и режиссера и донести основные доминанты сюжетной линии до зрителя.

Массовость кино есть понятие не качественное, а количественное, не связанное с его существом, как отмечает Е.Г. Ростовский [4], ввиду того обстоятельства, что технологические решения позволяют донести культурный продукт одновременно до большого количества зрителей. А цифровые формы представления информации позволяют это количество еще увеличить.

Изучение внедряемых в киноиндустрию цифровых технологий позволяет разобраться в оказываемом влиянии на визуальные эффекты, качество изображения, звуковое оформление и другие аспекты кинематографии. Исследования в этой области могут помочь раскрыть потенциал цифровых технологий и найти новые способы их использования в художественном выражении.

Кроме того, научные исследования цифровых технологий могут помочь развить новые методы и подходы к созданию и анализу фильмов. Они могут помочь оптимизировать процессы съемки, постобработки и монтажа фильмов, улучшить качество и реалистичность

визуальных эффектов, а также расширить возможности в области виртуальной и дополненной реальности. Исследования в области цифровых технологий могут помочь разработать новые стандарты и рекомендации для создания и хранения цифровых копий фильмов, обеспечивая их сохранность и доступность в будущем. В целом, изучение цифровых технологий в кинематографии является важным для понимания современной кинематографической практики и развития новых подходов и методов в создании и анализе фильмов.

Рассмотрение художественно-эстетических аспектов внедрения новых цифровых технологий в авторский кинематограф – одна из насущных задач киноведения. За последнее десятилетие цифровые технологии вторглись во все сферы человеческой жизни. Они широко применяются и в современном искусстве, предоставив художникам новые инструменты и возможности для творчества, такие как компьютерная графика, виртуальная реальность, интерактивные инсталляции и др. [5].

К одной из мировых тенденции кинопроката следует отнести рост использования онлайн-кинотеатров. В настоящее время увеличивается количество людей, которые предпочитают смотреть фильмы в удобное для себя время и без необходимости выходить из дома. Онлайн-кинотеатры предоставляют возможность просмотра качественных фильмов с помощью видеоплатформ, таких как Netflix, Amazon, Apple TV и др.

Однако ожидаемый эффект в плане появления нового художественного языка возникает далеко не всегда. Одна из причин заключается в том, что просто наличие цифровых технологий еще не делает произведение искусства значимым или выдающимся. Художник – режиссер, оператор, – все равно должен обладать талантом, эстетическим чувством и глубоким пониманием художественных принципов. Без этого, использование цифровых инструментов может привести лишь к поверхностным и малоинтересным результатам.

Кроме того, цифровые технологии также могут принести новые проблемы и вызовы для кинорежиссеров и операторов фильмов [6]. Например, некоторые могут столкнуться с ограничениями программного обеспечения или сложностями в освоении новых инструментов. Технические проблемы могут отвлекать от художественного выражения и ограничивать творческую свободу.

Более того, цифровые технологии иногда могут отвлекать зрителя от самих произведений искусства. В мире, где мы постоянно окружены информацией и визуальными развлечениями, цифровые произведения могут столкнуться с конкуренцией социальных сетей, видеоигр и прочих развлекательных форматов. Это может снижать возможности их воздействия и восприятия.

Несмотря на эти сложности, цифровые технологии все равно предоставляют большие возможности для развития искусства. Важно, чтобы художники продолжали экспериментировать с новыми инструментами и находили свои уникальные выражения. И только через постоянное исследование и развитие возможно появление нового художественного языка, который отражает дух нашего времени. Постоянное исследование и развитие являются ключевыми факторами для появления нового художественного языка, который отражает дух нашего времени. Цифровые технологии предоставляют художникам широкий спектр инструментов и возможностей для экспериментов и инноваций.

Искусство всегда было отражением общества и его эволюции. В прошлом новые художественные языки возникали в ответ на социальные, политические и технологические изменения. С появлением цифровых технологий и связанных с ними трансформаций в нашей культуре, художники имеют возможность отразить эти изменения в своих работах. Например, с использованием компьютерной графики и виртуальной реальности художники могут создавать абстрактные формы, которые ранее были недоступны, или для этого требовались значительные затраты по созданию необходимого пространства. Они могут взаимодействовать с зрителями через интерактивные инсталляции, создавая новый уровень вовлеченности. Также возможности сетевого взаимодействия позволяют художникам работать в коллаборативном формате и создавать многомерные произведения.

Однако важно отметить, что развитие нового художественного языка требует не только использования технологий, но и глубокого понимания искусства, эстетики и художественных принципов. Художники должны уметь применять технологии таким образом, чтобы передать свои идеи и эмоции, создавая искусство, которое касается зрителей и вызывает у них отклик. Таким образом, художественный язык, который отражает дух нашего времени, будет формироваться благодаря постоянному исследованию, экспериментам и взаимодействию между художниками и технологиями. Это требует открытого и креативного мышления, а также постоянного стремления к новым выражениям и формам искусства.

Учитывая появление цифровых технологий и их растущее влияние на кинематограф, преимущественно, жанровый, существует потребность в осмыслении их специфического воздействия и на авторский кинематограф [7]. Продукцию кино с применением ЦТ следует рассматри-

вать как творческий результат в рамках устойчивости развития различных субъектов деятельности – культурных, социальных, экономических, политических. Это позволит, в свою очередь, достичь, более высоких показателей творческой сферы деятельности, усилить творческую составляющую в информационно-цифровом пространстве, улучшить результаты взаимодействия представителей творческих профессий и практиков различных отраслей и сегментов кинематографического производств.

Это становится особенно важным в условиях происходящей переориентированности различных рынков на внутреннее потребление и выполнение приоритетных задач текущего момента, развитие патриотического воспитания, необходимости создания кинематографической продукции в сжатые сроки. Современный кинематограф использует широкий спектр технических средств для создания кинематографических произведений. Камеры являются основным инструментом съемки в кинематографии. В настоящее время широко применяются цифровые камеры высокого разрешения, которые позволяют получать качественные изображения с большим динамическим диапазоном. Они обеспечивают возможность съемки в различных форматах, включая стандартные и широкоэкранные форматы. Световое оборудование играет важную роль в создании атмосферы и настроения в кинематографии. Прожекторы, световые фильтры, рефлекторы и другие инструменты используются для контроля освещения на съемочной площадке. Технические средства позволяют создавать различные эффекты с помощью света, изменять яркость, цвет и тени. Спецэффекты включают в себя компьютерную графику, анимацию, моделирование, комбинированные эффекты и другие технологии. Они используются для создания визуальных эффектов, которые невозможно достичь в реальности.

С помощью компьютерной графики можно создавать фантастические миры, реалистичные персонажи, взрывы, сцены с массовыми людьми и многое другое. Монтажные программы позволяют редактировать и собирать отдельные кадры и сцены в единое целое. Они обеспечивают возможность изменения порядка сцен, добавления спецэффектов, наложения звуковых дорожек и создания ритма и структуры фильма. Кроме перечисленных технических средств, в современном кинематографе используются также другие инновационные технологии, такие как дроны для аэросъемки, виртуальная реальность и дополненная реальность для создания интерактивных и иммерсивных кинематографических опытов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Keane M. China's digital media industries and the challenge of overseas markets // Journal of Chinese Cinemas, vol. 13, no. 3, pp. 244–256, 2019.

2. Воронцова Ю.В., Кольцов Д.Н. ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ПРОЦЕССОВ В КИНЕМАТОГРАФЕ // Вестник ГУУ. 2022. №2. С. 58-63.
3. Воронцова, Ю.В. Транскультурная трансформация в кинематографе // Вестник университета. – 2021. – No 10. – С. 55–58. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-10-55-58>
4. Ростовский, Е.Г. Творческое наследие раннего кинематографа в экранном искусстве рубежа XX - XXI вв.: дис.... канд. искус. : 17.00.09 / Ростовский Евгений Григорьевич; [Место защиты: С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов].- Санкт-Петербург, 2010.- 197 с.
5. R. Coleman, "Theorizing the present: digital media, preemergence and infra-structures of feeling," Cultural Studies, vol. 32, no. 4, pp. 600–622, 2018.
6. Кино в современном мире: отражение тенденций и потребностей общества Источник: <https://yasoldat.ru/kino-v-sovremennom-mire-otrazhenie-tendentsiy-i-potrebnostey-obschestva>
7. Петросян Т.В. Влияние цифровых технологий на поэтику фильмов Питера Гринуэя: дисс.... канд. искусств. : 17.00.03 / Петросян Тарон Врежович. - М., 2010.- 170 с.

© Стоичков Красимир Панев (studio@manufactura.eu).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный институт культуры

ТИПОЛОГИЯ ПРИЕМОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Стоичков Красимир Панев

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный институт культуры
krasi@manufactura.eu

TYOLOGY OF METHODS OF USING DIGITAL TECHNOLOGIES IN CINEMATOGRAPHIC PRACTICE

K. Stoichkov

Summary: The article discusses various aspects of the impact of digital technologies on the stages of the cinematic process. It is noted that the fusion of electronic media and films has created the phenomenon of digital cinema, which is presented as a technological phenomenon in which films are created, edited and distributed using electronic media. It is concluded that modern films are created using digital technologies, which makes an indelible contribution to the formation of the transforming language of cinema. Modern web platforms are also playing an important role in the transformation of film production. They provide new opportunities for artists to distribute and distribute films, allowing them to reach a wide audience without the limitations of traditional cinemas. This contributes to the development of independent cinema and the creation of experimental projects that can find their audience and inspire other artists. With these changes in filmmaking, new film genres and formats have emerged, such as interactive cinema, virtual reality, alternate endings and more.

Keywords: cinematography, digital technologies, Visual Effects, VFX, Motion Capture, Digital Color Grading.

Аннотация: В статье рассматриваются различные аспекты воздействия цифровых технологий на этапы кинематографического процесса. Отмечается, что слияние электронных медиа и фильмов создало феномен цифрового кино, которое представлено как технологическое явление, в котором фильмы создаются, редактируются и распространяются с помощью электронных медиа. Делается вывод, что современные фильмы создаются с использованием цифровых технологий, что вносит неизгладимый вклад в формирование трансформирующегося языка киноискусства. Современные веб-платформы также играют важную роль в преобразовании кинопроизводства. Они предоставляют художникам новые возможности для распространения и дистрибуции фильмов, позволяя достигать широкой аудитории без ограничений традиционных кинотеатров. Это способствует развитию независимого кино и созданию экспериментальных проектов, которые могут найти свою аудиторию и вдохновить других художников. Благодаря этим изменениям в кинопроизводстве появились новые жанры и форматы фильмов, такие как интерактивное кино, виртуальная реальность, альтернативные концовки.

Ключевые слова: кинематограф, цифровые технологии, Visual Effects, VFX, Motion Capture, Digital Color Grading.

Цифровые технологии трансформируют различные отрасли – от здравоохранения, электронной коммерции, розничной торговли, СМИ, образования и производства до всех мыслимых отраслевых ниш. Точно так же технологии изменили парадигму и в киноиндустрии. От того, как снимается фильм, до постпродакшна, редактирования, распространения и маркетинга, технология обеспечивает столь необходимое преимущество для киноиндустрии.

Использование инновационных технологий улучшило качественные аспекты кинопроизводства, поскольку передовые технологии обеспечивают привлекательные и четкие визуальные эффекты, улучшенные звуковые эффекты, более простые инструменты редактирования и цифровое распространение фильмов, что помогает расширить возможности просмотра фильмов для зрителей. В современном кинематографе использование цифровых технологий способствует возникновению широкого спектра приемов и методов, используемых при создании уникальных визуальных эффектов и расширяющих возможности художественного выражения, обогащая

язык кинопродукции.

Ниже представлены некоторые типы приемов использования цифровых технологий в кинематографической практике, а также примеры их применения: (Таб. 1.)

Комбинация этих приемов и их различные вариации позволяют режиссерам и художникам создавать уникальные и впечатляющие визуальные миры, расширяя возможности художественного выражения. С точки зрения зрителя технологические изменения очень хорошо видны. Зрители могут воспользоваться инновационными интерфейсами просмотра, такими как 3D-очки, головные уборы виртуальной реальности, IMAX, 7D и многие другие. Зрители могут смотреть фильмы на платформах OTT, таких как Amazon Prime, Netflix, YouTube и некоторых других. Кинобизнес сейчас многогранен, а технологии только упростили его и расширили сферу кинопроизводства, кинопросмотра и других видов деятельности.

Технологии изменили основы кинопроизводства. Создание фильма — изнурительный процесс, требующий

Таблица 1.

Типы приемов использования цифровых технологий в кинематографической практике.

Название технологии	Сущность	Примеры
Визуальные эффекты (Visual Effects, VFX):	Цифровые технологии позволяют создавать невероятные визуальные эффекты, включая компьютерную графику, анимацию, синтез изображений и многое другое	включают создание цифровых монстров и существ (например, фильмы серии "Хищник" или "Аватар"), воссоздание исторических периодов (например, фильмы "Титаник" или "Гладиатор"), и создание фантастических миров (например, фильмы серии "Звездные войны")
Моушн-кэпчер (Motion Capture)	Эта технология позволяет оцифровывать движения актеров и преобразовывать их в трехмерные модели, что позволяет создавать реалистичные цифровые персонажи	использование моушн-кэпчера для создания персонажей Голлума в фильмах "Властелин колец" и "Хоббит", фильм "Зов предков", основанный на романе Джека Лондона
Расширенная реальность (Augmented Reality, AR)	AR-технологии позволяют добавлять виртуальные элементы в реальное окружение, создавая уникальные эффекты и визуальные сюжеты	фильм "Аватар" Джеймса Кэмерона, где использовались AR-технологии для создания виртуального мира Пандоры
Голография (Holography):	Голография является технологией создания трехмерных изображений, которые могут быть восприняты зрителем как объемные и реалистичные. В кинематографии голографические эффекты могут использоваться для создания уникальных сцен, персонажей или объектов	Примером может служить фильм «Звездные войны: Эпизод IV – Новая надежда», где был использован голографический эффект для воссоздания персонажа Принцессы Леи
Моушн-графика (Motion Graphics):	Моушн-графика представляет собой анимированное изображение, которое может быть использовано для передачи информации, создания стилизованных элементов или визуальных эффектов в кино	Примером использования моушн-графики является вводная или заключительная заставка фильма, где используются анимированные графические элементы.
Цифровая окраска (Digital Color Grading):	Цифровая окраска позволяет изменять цветовую гамму и насыщенность изображения, создавая определенную атмосферу и настроение. Этот прием используется для достижения определенного эстетического эффекта в фильмах	Примером может служить фильм "Матрица", где использовалась цифровая окраска для создания характерной зеленоватой палитры

совместных усилий большого количества квалифицированных специалистов, художников и техников. Это также связано с огромными затратами на разработку и другими техническими аспектами, включая права на интеллектуальную собственность. С развитием цифровых технологий наблюдаются трансформационные изменения почти во всех аспектах кинопроизводства: киносъёмке, удешевляют производственные процессы, упрощают редактирование и монтаж, способствуют сохранению отснятых материалов, их трансляции и пересылке.

Цифровые камеры изменили процесс кинопроизводства. С помощью широкоформатных сенсорных камер и объективов мы можем легко снимать видеоролики с высокой частотой кадров в сверхчетком формате 4K, 8K или HD. Фотографы могут экспериментировать с камерами с несколькими углами и различными элементами управления, чтобы получить требуемую цветовую схему, схему освещения, насыщенность и т. д. Цифровая камера также позволяет фотографам снимать в режиме реального времени и немедленно исправлять любые ошибки. Технологии помогают кинематографистам снижать общую стоимость кинопроизводства. Кинематографисты могут снимать, редактировать и хранить цифровые копии своих фильмов, что стоит гораздо меньше, если сравнивать с необработанными фильмами. Использование цифро-

вых камер и цифровых технологий помогает производить фильм за меньшее время, чем при использовании обычных пленочных камер. Цифровой формат также позволяет кинематографистам выполнять свои графики за меньшее время с почти незначительными потерями, что позволяет более реально контролировать стоимость проекта, лучше укладываться в отведенный бюджет.

Монтаж происходит на этапе постпродакшна, когда цифровые технологии помогают монтажерам работать над несколькими разделами и соединять их вместе, чтобы сделать чистый фильм. У нас есть множество программ для редактирования фильмов, где редакторы могут легко комбинировать видеоклипы, звуковые клипы, спецэффекты, компьютерную графику и различные другие обработки в необработанном файле. Используя цифровые технологии, редактор может делать неограниченное количество ошибок и исправлять их, чтобы получить гораздо более чистый результат.

Сохранение обычных пленок раньше было очень обременительным и дорогим, а также сопряжено со многими логистическими проблемами. Цифровые фильмы смягчили все эти проблемы, поскольку теперь нам нужно несколько гигабайт дискового пространства вместо большого физического хранилища фильма. Цифровые копии

фильмов могут храниться на серверах за небольшую стоимость хранения физических фильмов. Цифровые технологии позволили кинематографистам распространять свои фильмы среди более широкой аудитории практически без дополнительных затрат. Кинематографисты могут распространять свои фильмы на платформах OTT, чтобы привлечь аудиторию за пределами традиционных кинотеатров и мультиплексов. Права на фильмы могут распространяться среди потребителей в цифровом виде, что открывает волнующий новый мир кинопроката.

3D-эффекты в сочетании с технологией 4K изменили восприятие научно-фантастических фильмов и боевиков. Кинематографисты могут использовать камеру Lucid, технологию виртуальной реальности и форматы высокой четкости для съемки трехмерных видеороликов с разрешением 4K или 8K. Эта технология помогает кинематографистам снимать подводные сцены, различные ракурсы и динамичные сцены действия, чтобы донести до зрителей эффект погружения (например, в фильме *Аватар*).

Ранее использовались низколетящие самолеты или вертолеты для съемки панорам или сцен с высоты птичьего полета. Тем не менее, эти снимки обходились дорого, а также имели проблемы со стабилизацией. Дроны оказались очень полезной и удобной технологией, которая позволяет кинематографистам получать такие кадры с меньшими сложностями и с очень меньшими затратами. Дроны можно использовать для съемки динамичных сцен с высокой точностью, и именно поэтому дроны стали предпочтительной альтернативой самолетам и вертолетам. В начале 90-х осуществлялся просмотр 3D-фильмы в бумажных 3D-очках.

С тех пор наблюдается постепенное изменение технологии многомерного кино. Развитие технологий достигло стадии, когда 3D-просмотр возможен без каких-либо внешних гаджетов или зрелищ. Теперь состоялся переход к фильмам 7D или 8D, где зрители могут испытать управляемые компьютером колебания, тряску, падение, подъем, распыление воды, воздуха и другие специальные эффекты. Многомерные технологии позволяют зрителям наслаждаться визуальными, слуховыми, динамическими и тактильными аспектами фильма.

Виртуальная реальность с двумя камерами – Dual Camera VR — это инновационная технология видеосъемки, которая переносит реальный мир в мир виртуальной реальности. В этой технологии одна камера снимает героев фильма, а другая может снимать окружение и окружение. Когда мы объединяем оба визуальных элемента с виртуальной реальностью, это дает зрителю захватывающий 360-градусный обзор.

Современные цифровые технологии используют

ся и для написания сценариев и диалогов. Создаются программы искусственного интеллекта, которые могут писать для сценарии, диалоги и даже песни. Исследовательский институт в Нью-Йорке разработал робота с искусственным интеллектом по имени Бенджамин, который был обучен тысячам песен и может написать полноценную песню без какой-либо посторонней помощи. Недалеки дни, когда роботы с искусственным интеллектом или программное обеспечение смогут писать сценарии фильмов.

Начиная со съемок фильма и заканчивая проекцией на экран, именно технология определяет пользовательский опыт. Технологии будут и дальше преобразовывать кинопроизводство и зрительский опыт больше, чем когда-либо прежде [1]. Использование передовых методов визуализации, инновационных гаджетов, программного обеспечения для кинопроизводства и других инструментов поможет кинематографистам продолжать экспериментировать с этим искусством и предлагать кинозрителям захватывающий опыт. Визуальные конвенции фильмов XX века создаются и организуются конкурентным сговором между киноиндустрией и новыми цифровыми медиа. Многочисленные формы и приложения цифровых медиа, рассматриваемые в перспективе, предлагают дифференциацию с точки зрения производственных процессов и практик, которые способствовали росту опыта участия аудитории [2].

Использование цифровых технологий в кино отбрасывает идею механического воспроизведения, сосредоточив внимание на том, как фильм может извлечь выгоду из своих отношений с цифровыми технологиями по мере их дальнейшего развития. Постоянно развивающийся ландшафт новых медиа характеризуется появлением новых технологий, а вместе с этим усложняется процесс создания, доступа и восприятия фильма. Связь между эстетикой кино и цифровыми технологиями можно увидеть с точки зрения производства, учитывая, что кино перешло от аналогового к цифровому. Существует постоянное посредничество между двумя элементами в дополнение к другим формам проникающих медиа, которые выявляют тонкие различия в стилистическом выборе, которые могут влиять на значение контента в дополнение к контексту, в котором он создается [4].

Некоторые материальные качества и характеристики оборудования, программного обеспечения и процессов производства цифрового кино обеспечивают новую эстетику и стиль кино. То, какие стили выбраны, предполагает не только простоту и возможности, но и наиболее подходящие представления реальности. новаторские кинематографисты используют цифровые кинематографические технологии для разработки новых «средств выражения», лучше подходящих для современной цифровой культуры [5].

Цифровые технологии, с другой стороны, не обязательно приводят к какому-либо из ограничений: записываемый материал стал дешевым для бесплатного использования с появлением многократного дискового хранилища и может записываться в течение продолжительных периодов времени, камеры меньше, легче и их легче передвигать, и скрыть видео требует меньше света для экспонирования и легко переносится на компьютер и манипулируется [6]. Программное обеспечение для редактирования определяет, как изображения объединяются, влияя на создание кино посредством монтажа. Манипуляции внутри кадра, композитинг, как его называет Л. Манович, стали обычной частью процесса цифровой пост-продакшн, поощряя новые некинематографические репрезентации и изменяя потенциальную природу кинематографической визуальности.

Кинематографическая революция благодаря новым используемым технологиям создала новую форму кино, в которой используются технологии, помогающие сократить затраты на ручной труд в дополнение к другим элементам подготовки к производству. При создании фильма только оператор камеры может наблюдать за изображением во время его создания, цифровые технологии вступают в действие, чтобы решить эту проблему, тем самым создавая довольно новую динамику того, как фильм создается и как он обрабатывается, чтобы убедиться, что он подходит для различных технологий просмотра, которые существуют [9].

Электронное кино в данном случае представляет собой трансформацию организационной структуры кинопроизводства, позволяющую проводить пре-продакшн, продакшн и пост-продакшн одновременно. Цифровые технологии повышают репрезентативность кинопродукции. Они позволяют более точно передавать и воспроизводить визуальные и звуковые элементы, создавая более реалистичное и убедительное киноизображение. С использованием цифровых камер и обработки изображений фильмы могут быть сняты с более высоким разрешением, что обеспечивает более четкую и детализированную картину.

Также цифровые технологии позволяют контролировать цветовые настройки, освещение и другие аспекты изображения, что способствует созданию желаемой атмосферы и настроения в фильме. В отношении звука, цифровые технологии позволяют создавать пространственный звук, что делает звуковое сопровождение кино более реалистичным и погружающим. Также цифровые методы звукозаписи и монтажа обеспечивают более четкое и точное воспроизведение звуковых эффектов, диалогов и музыки. В целом, цифровые технологии вносят существенный вклад в повышение качества и репрезентативности кинопродукции. Они позволяют создавать более реалистичные и качественные визуаль-

ные и звуковые эффекты, делая фильмы более впечатляющими и убедительными для зрителя. **Таким образом, цифровые технологии способствуют повышению репрезентативности и достоверности кинематографического производства.**

Эволюция цифровых медиа, новые аудиовизуальные технологии, а также современные веб-платформы для фильмов изменили решимость художников в создании фильмов, тем самым, создав новые жанры в кинопроизводстве. Цифровые медиа и технологии позволяют художникам более свободно экспериментировать с визуальными и звуковыми эффектами, создавая удивительные и захватывающие образы и истории. Они расширяют возможности визуального представления и позволяют воплотить на экране то, что ранее было трудно или невозможно воплотить в реальности. Это включает в себя создание фантастических миров, визуально потрясающих сцен и спецэффектов, а также использование новых методов повествования и экспериментов с формой фильма. Развитие и эволюция новых цифровых медиа, аудиовизуальных технологий, а также современных веб-платформ, во многом, изменили кино в современном столетии. Слияние электронных медиа и фильмов создало феномен цифрового кино, которое представлено как технологическое явление, в котором фильмы создаются, редактируются и распространяются с помощью электронных медиа. Таким образом, цифровые технологии превратили фильм в создание и запись звуков и изображений, при этом основное внимание уделяется тому, как эти два элемента манипулируются, а конечный продукт по-разному доставляется аудитории.

Современные веб-платформы также играют важную роль в преобразовании кинопроизводства. Они предоставляют художникам новые возможности для распространения и дистрибуции фильмов, позволяя достигать широкой аудитории без ограничений традиционных кинотеатров. Это способствует развитию независимого кино и созданию экспериментальных проектов, которые могут найти свою аудиторию и вдохновить других художников. Благодаря этим изменениям в кинопроизводстве появились новые жанры и форматы фильмов, такие как интерактивное кино, виртуальная реальность, альтернативные концовки и многое другое. Художники стали более смелыми и креативными в своих подходах, стремясь удивить и вовлечь зрителя в новые и непредсказуемые способы. В целом, эти изменения отражают постоянное развитие киноиндустрии и стремление художников к инновациям и техническому совершенству, что приводит к возникновению новых жанров и впечатляющих кинематографических работ. Фильмы делаются с использованием цифровых технологий, что вносит неизгладимый вклад в формирование трансформирующегося языка киноискусства.

Главный элемент этой трансформации заключается в изменениях, представленных в виде визуальных восприятий, созданных с помощью визуальных технологий, встроенных в кино для современного зрителя. На этом фронте эволюция цифровых медиа изменила искусство кинопроизводства с точки зрения его визуального представления, объединив традиционные методы с электронными медиа, чтобы создать новую практику, которая предлагает цифровое изображение

с освежающей эстетической презентацией. Определяющими характеристиками цифрового кино в этом случае являются пространственные отношения, созданные в пространстве между тем, что находится перед камерой, и тем, что находится за ней, как это определено технологией. Эволюция цифровых медиа и технологий изменила кинематографический опыт, создав новый эстетический язык в кинематографической практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Saurabh Sharma How Advanced Technology is Revolutionising Filmmaking [Электронный ресурс]. -Режим доступа: <https://raindance.org/how-advanced-technology-is-revolutionising-filmmaking/> (дата обращения 15.07.2023)
2. Implications of Digital Transformation on Film Aesthetics [Электронный ресурс]. -Режим доступа: <https://peachyessay.com/sample-essay/implications-of-digital-transformation-on-film-aesthetics/>(дата обращения 15.07.2023)
3. Стругова Е.А. Реализм как свойство и как эффект кинематографического образа в концепции Андре Базена: историко-теоретический аспект // Артикульт. 2020. №1 (37). С. 85-97.
4. Kristen M. Daly New Mode of Cinema: How Digital Technologies are Changing Aesthetics and Style [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.kinephanos.ca/2009/new-mode-of-cinema-how-digital-technologies-are-changing-aesthetics-and-style/>(дата обращения 15.07.2023)
5. Astruc A. «The Birth of a New Avant-Garde: La Camera Stylo.» The New Wave. Ed. Peter Graham. Garden City: Doubleday & Company, 1948. 17-23.
6. Manovich L. «Cinema as Cultural Interface www.manovich.net, 1997. 21 February 2009. Digital Cinema and the History of a Moving Image [Электронный ресурс]. - Режим доступа:http://www.manovich.net/vis242_winter_2006/Digital%20Cinema.rtf/(дата обращения 15.07.2023)
7. Gunning T. «Fritz Lang Calling: The Telephone and Circuits of Modernity.» Allegories of Communication: Intermedial Concerns from Cinema to the Digital. Eds. John Fullerton and Jan Olsson. Rome, Italy: J. Libbey Pub., 2004. 19-39.
8. Belton J. «Digital Cinema: A False Revolution». *October* 100 (2002): 99-114.
9. Belton J. "Cinema Scope and Historical Methodology." *Cinema Journal*, vol. 28, no. 1, 1988, pp. 22–44. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/1225015>.

© Стоичков Красимир Панев (krasi@manufactura.eu).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ СИМВОЛОВ В ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ МУЗЫКЕ

A STUDY OF CULTURAL SYMBOLS IN TRADITIONAL CHINESE MUSIC

Zhang Shanzhu
Guo Jingyu

Summary: As an art genre with rich cultural overtones and deep historical heritage, the cultural symbols embedded in Chinese traditional music have always been the focus of much attention in cultural studies and artistic circles. This article is an in-depth study of cultural symbols in traditional Chinese music based on a combination of semiotics, musicology and cultural studies. The relevance of this study depends on the existence and promotion of the artistic power of cultural symbols in traditional Chinese music. In the international arena, where cultural competition is also an important area for raising the international status of countries, it is important to achieve intercultural communication through cultural symbols unique to music, have a powerful impact on listeners, and create an identifiable national cultural icon that can be understood by anyone without translation. Through the study of cultural symbols in Chinese traditional music, focusing on the five aspects of traditional symbols of festivals and holidays, traditional martial arts symbols, traditional diet symbols, linguistic symbols of Chinese characters and multicultural symbols, the essence of this study is to fully explore the cultural symbols in Chinese traditional music, show the cultural charm of Chinese traditional music and appreciate it. The aim of the research is to promote and convey the essence of Chinese traditional music and culture, and to form a strong cultural nation.

Keywords: Chinese traditional music, cultural symbols, development and transmission.

Чжан Шанжу

Аспирант, Московский педагогический государственный университет
50490873@qq.com

Го Цзинюй

Аспирант, Московский педагогический государственный университет
gggjy19940829@gmail.com

Аннотация: Как жанр искусства с богатым культурным подтекстом и глубоким историческим наследием, культурные символы, заложенные в китайской традиционной музыке, всегда были предметом пристального внимания в культурных исследованиях и художественных кругах. Данная статья представляет собой углубленное исследование культурных символов в традиционной китайской музыке, основанное на сочетании семиотики, музыковедения и культурологии. Актуальность данного исследования зависит от существования и продвижения художественной силы культурных символов в традиционной китайской музыке. На международной арене, где культурная конкуренция также является важной сферой для повышения международного статуса стран, важно достичь межкультурной коммуникации с помощью культурных символов, уникальных для музыки, оказать мощное воздействие на слушателей и создать идентифицируемую национальную культурную икону, которая может быть понята любым человеком без перевода. Посредством изучения культурных символов в китайской традиционной музыке, сосредоточившись на пяти аспектах традиционных символов фестивалей и праздников, традиционных символов боевых искусств, традиционных диетических символов, лингвистических символов китайских иероглифов и мультикультурных символов, суть данного исследования заключается в том, чтобы полностью изучить культурные символы в китайской традиционной музыке, показать культурное очарование китайской традиционной музыки и оценить ее. Целью исследования является продвижение и передача сущности китайской традиционной музыки и культуры, а также формирование сильной культурной нации.

Ключевые слова: китайская традиционная музыка, культурные символы, развитие и передача.

Символы состоят из «означающего» и «означаемого». Означающее - это мысленный отпечаток звука или акустического образа, а означаемый - понятие. Символы имеют как физический облик, так и культурный подтекст, которые тесно связаны и перекликаются друг с другом [1]. Обычно мы воспринимаем форму символов и понимаем их содержание. Например, распространенными символами в символике китайского Нового года являются иероглифы удачи, весенние свитки, петарды и т.д. Как символы, они передают благословения людей на праздник, их чаяния и пожелания счастливой жизни родным и близким, являются символами удачи и доброй воли. Традиционная китайская музыка содержит следующие основные типы музыкальных символов:

1. Традиционные символы празднования фестивалей

Традиционные символы празднования фестиваля являются в музыке чаще всего, включая такие элементы, как китайский Новый год (праздник весны, весенний фестиваль), весенний транспорт (пассажироперевозки во время китайского нового года), красные конверты, петарды, красные фонарики, весенние свитки и иероглифы судьбы(удачи). Как крупнейшее событие миграции населения в мире, туристическое движение Праздника Весны, стремительный поток людей и пригородные поезда чрезвычайно визуально шокируют, а звуки фейерверков в музыке также передают живую атмосферу Праздника

Весны через слух, показывая радость праздника Весны, звук петард также является звуковым напоминанием об оживленной атмосфере китайского Нового года. Вызывали ностальгию у далеких от дома странников и вызывали психологический резонанс у зрителей. Праздничные элементы красных конвертов, петард, красных фонариков, весенних свитков и символов судьбы ловко связывают обычай раздачи новогодних денег и получения красных конвертов с благословением здоровья, а новогодние красные конверты посылают послание ожидания и благословения на будущее, элементы китайской культуры богаты и наполнены ароматом китайского Нового года [2].

Например, «Земля возвращается к весне(大地回春)» - песня, подчеркивающая приход весны, возрождение жизни и новые начинания. В песне используются такие инструменты, как эрху, гучжэн и флейта, а мелодия красива и мелодична, что очень характерно для традиционной китайской музыки [3]. Песня может показать радость и предвкушение людей в сценах весеннего транспорта, подчеркивая воссоединение с домом и облегчая боль разлуки. В то же время мелодия песни может вызывать тоску по родному городу и семье, выражая стремление людей к семье и дружбе, заставляя их чувствовать тепло и умиление. Одной из самых классических песен во время китайского Нового года является «Юй чжоу чан вань(渔舟唱晚,Поющая вечером рыбацкая лодка)», в которой описывается красота цветущего персикового пруда, которая не так глубока, как глубокий смысл сосны(вот две строки, заимствованные из стихотворения древнекитайского поэта Ли Бая, чтобы выразить глубину любви и дружбы.), и выражает традиционные обычаи и добрые пожелания людей встречать Новый год, молиться об удаче и собираться вместе во время китайского Нового года.

Помимо праздников, связанных с Праздником весны, есть еще Фестиваль драконьих лодок и Праздник середины осени. Например, «Плавание по морю зависит от рулевого(大海航行靠舵手)» - песня на тему Фестиваля драконьих лодок, в нем показаны сцены, в которых моряки мчатся на лодках-драконах и приносят жертвы драконам, продемонстрировано уникальное очарование китайской традиционной культуры Праздника лодок-драконов; «Предисловие к жизни лошади Дунъян(赠东阳马生序)» - одна из самых популярных песен во время традиционного китайского Праздника середины осени, содержание песни в основном посвящено традиционному значению Праздника середины осени, с красивой поэзией и глубоким смыслом, поется о полнолунии и воссоединении семьи в Праздник середины осени. Песни поэтичны и глубоки, в них отмечается благоприятное значение полнолуния и воссоединения семьи. Эти песни являются классикой традиционной китайской музыки и неотделимы от культуры и искусства празднования тра-

диционных китайских фестивалей. Благодаря исполнению этих песен можно передавать и пропагандировать традиционную культуру этих фестивалей.

2. Традиционные символы боевых искусств

Китайское боевое искусство, передававшееся тысячелетиями, имеет строгую философию и систематическую теорию техники и боя. Оно эффективно для укрепления организма, устранения болезней и продления жизни, защиты от врагов, управления людьми для победы и культивирования тела. Оно выражает уникальный культурный дух и эстетическую концепцию китайского народа, которая до сих пор восхищает иностранную аудиторию [4]. Элементы кунг-фу, боевых искусств и нунчаку, содержащиеся в музыке, по-прежнему впечатляют и демонстрируют тонкость и глубину китайских боевых искусств. Например, песня «Крадущийся тигр, затаившийся дракон(卧虎藏龙)» основана на тематической песне фильма «Крадущийся тигр, затаившийся дракон(卧虎藏龙)», в которой используется ряд китайских инструментов, таких как гучжэн, эрху, флейта и пипа, а символы боевых искусств отражены в ритме, подъеме и спаде и силе мелодии; Песня «Китайское кунг-фу(中国功夫)» - это песня, пропагандирующая китайские боевые искусства и традиционную культуру, символы боевых искусств отражены в тексте и ритме. Песня передает стремление мастеров боевых искусств к духу боевых искусств и их любовь к традиционной культуре; Песня «Тайцзи(太极)» посвящена базовым движениям тайцзицюань и основана на мелодии традиционной китайской музыки с элементами народной музыки. Символы боевого искусства отражены в ритме, подчеркивая взаимодействие между интенсивностью и спокойствием тайцзицюань [5].

3. Традиционные диетические символы

Китайская культура питания имеет долгую историю, и палочки для еды, как традиционная китайская посуда, являются наиболее часто используемым китайцами инструментом для еды. Палочки для еды также являются культурой для китайского народа, они содержат просвещение, наследие, привязанность и ностальгию, и пара палочек для еды несет в себе тысячелетние китайские эмоции, делая китайскую жизнь вкусной. Кроме того, палочки для еды имеют более глубокое символическое значение [6], например, «палочку легко сломать, но пару палочек трудно сломать», символизируя коллективное сознание и командный дух китайского народа. Например, в песне «Палочки для еды из кости слоновой кости(牙骨筷子)» из Юньнани палочки для еды с костями используются как метафора непосредственной тоски влюбленных, находящихся за тысячи миль друг от друга, как гласит текст: «Сестры, палочки для еды из кости слоновой кости (mah), пара маленьких нишуан (yeh), потертая одна (mah) в реке Чанг (n), и одна (mah) в Пучжэ

(n) хэй (yeh). Палочки для еды из кости слоновой кости должны сочетаться попарно, палочки для еды из кости слоновой кости должны сочетаться попарно [7].

4. Символы китайских иероглифов

Китай всегда был страной с чрезвычайно богатым культурным наследием, а китайская письменность, кроме того, собирает в себе сущность китайской культуры. От истории создания Цан Цзе до развития и эволюции Цзягувэнь, надписей, Чжуаньшу, Кайшу, Синшу и Цаошу - все они подчеркивают очарование китайских иероглифов. В 2015 году VisitBritain (название, используемое Британской туристической администрацией (англ. British Tourist Administration)) выступил за то, чтобы китайцы называли дороги, живописные места и здания в Великобритании на китайском языке, что не только представляет бесконечное очарование китайских иероглифов, но и распространение именованых китайских иероглифов в Соединенном Королевстве и международном сообществе также позволит иностранной аудитории понять китайскую культуру [8].

В тексте песни «Тайцзи ту суй (太极图序)», например, есть слова «цянь кунь (乾坤)», «Инь и ян (阴阳)» и другие фигуры и понятия из Тайцзи ту. В тексте песни «Ритм ясного голоса (清音幽韵)» встречаются названия некоторых китайских каллиграфических иероглифов, таких как «Чжуаньшу», «Кайшу» и «Синшу» и т.д. В тексте песни «Великая река уходит на восток (大江东去)» для описания пейзажей используются китайские иероглифы, такие как «Древняя дорога, западный ветер, тощий конь» и «Одинокый парус, далекое отражение, голубое небо иссякло». В тексте песни «Вечная радость встречи (永遇乐)» используются такие китайские стихи, как «Встреча талантов» и «Как можно подчиниться власти, гнуть спину и преклоняться».

5. Мультикультурные символы

Символы традиционного театрального искусства, традиционных ремесел, многонациональных культурных традиций и национальных особенностей широко

распространены. К ним относятся искусство пекинской оперы и культура росписи лица; искусство вырезания из бумаги; танцы этнических меньшинств; серебряные украшения, ремесла этнических меньшинств и архитектурные культуры со своими особенностями. Все эти мультикультурные символы подчеркивают глубину и всеохватность китайской культуры и ее разнообразие, показывая миру загадочный, этнический, уникальный и разнообразный Китай [9]. А культурное значение, которое они содержат, включает в себя идею гармонии между человеком и природой, традиции праведности и взаимопомощи, а также традиционные добродетели семьи. Например, «Идти к родительскому дому жены (走娘家)» - народная песня, отражающая традиционные свадебные обычаи сельских районов южного Китая, демонстрирующая чистоту и глубину родственных связей в китайских семейных отношениях. Песня выражает тесное сотрудничество и общение между невесткой и родственниками, свекром и свекровью по поводу свадьбы и семейных обязанностей, выражает чистоту человеческих чувств и родственных связей в традиционных китайских семьях; «Десять проводов Красной Армии (十送红军)» - песня, описывающая крутые горы и высокий боевой дух Красной Армии. В тексте песни много элементов семейных добродетелей и важности любви и праведности, выражающих дух солдат Красной Армии, которые мужественно переносят холод и жару, лишения и трудности, демонстрируя свою сильную и непреклонную решимость ради своей страны и своих близких, ради жизни и счастья [10].

Заключение

В заключение следует отметить, что культурные символы в традиционной китайской музыке являются важной частью традиционной китайской культуры и важным воплощением уникального очарования традиционной китайской музыки. Изучая и исследуя эти культурные символы, мы можем лучше понять и оценить культурный подтекст и уникальную ценность китайской традиционной музыки, а также приложить усилия и внести вклад в лучшее продвижение и передачу китайской традиционной музыкальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фань Хун, Чжоу синьцы. Символическое представление и инновационная коммуникация китайских традиционных фестивалей в строительстве национального имиджа[J]. Искусство и дизайн (теория), 2022, 2(12):26-29с. (На китайском языке).
2. Ян Цюи. Мультиперспективная классификация китайских народных песен[J]. Народная музыка, 2009(01):8-9с. (На китайском языке).
3. Чэнь Шо. Зарубежная коммуникация и инновации национального имиджа в области интегрированных СМИ[J]. Любитель новостей, 2022(12):95-97с. (На китайском языке).
4. Ван Хуэйминь. Анализ наследия и развития китайских народных песен[J]. Ялуцзян (Издание второй половины луны), 2014(10):100с. (На китайском языке).
5. Фу Бои. Сравнительное исследование классификации народных песен в китайской традиционной музыке[J]. Художественное обозрение, 2020(15):11-13с. (На китайском языке).

6. Пань На. Краткое обсуждение художественного очарования китайских народных песен[J]. Панорама музыки, 2014(03):145с. (На китайском языке).
7. Тянь Хунянь. Воплощение культурной мягкой силы - Голос Китая как пример [J]. Обзор литературы, 2016:20-25с. (На китайском языке).
8. Пань На. Краткое обсуждение художественного очарования китайских народных песен[J]. Панорама музыки, 2014(03):145с. (На китайском языке).
9. Ван Нин. Влияние текущего развития современной музыкальной культуры на культурную мягкую силу Китая[J]. Художественное образование, 2015:89с. (На китайском языке).
10. Ло Цзе. Военно-музыкальная дипломатия: использование музыки для демонстрации имиджа страны - интервью с Цзоу Жуй, руководителем военного оркестра Народно-освободительной армии Китая[J]. Познание мира, 2014(06):60-62с. (На китайском языке).

© Чжан Шанжу (50490873@qq.com), Го Цзинюй (gggjy19940829@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА ЛИЧНОСТИ НА ВЫЯВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ МУЗЫКАЛЬНЫХ ВУЗОВ

Гаврилова Екатерина Игоревна

Аспирант, Воронежский государственный педагогический университет
art11002@mail.ru

Петров Денис Сергеевич

доцент, кандидат философских наук, Воронежский государственный университет
den_petrov@rambler.ru

THE INFLUENCE OF THE PSYCHOLOGICAL TYPE OF PERSONALITY ON THE IDENTIFICATION OF THE PROFESSIONAL POTENTIAL OF STUDENTS OF MUSIC UNIVERSITIES

**E. Gavrilova
D. Petrov**

Summary: The article discusses the relationship between the concepts of «professional potential» and «psychological type of personality» in the context of the study of individual characteristics and creative abilities of students of musical specialties. Based on many years of experience with this category of students, a new look at the assessment of the positive and negative aspects of specific psychotypes in the context of the musical field of activity is proposed.

Keywords: professional potential, students of music universities, psychological personality type, Jung, Mayer-Briggs, MBTI.

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь понятий «профессиональный потенциал» и «психологический тип личности» в контексте исследования индивидуальных особенностей и творческих возможностей студентов музыкальных специальностей. С опорой на многолетний опыт работы с данной категорией студентов предлагается новый взгляд на оценку положительных и отрицательных сторон конкретных психотипов в контексте музыкальной сферы деятельности.

Ключевые слова: профессиональный потенциал, студенты музыкальных вузов, психологический тип личности, Юнг, Майер-Бриггс, MBTI.

Профессиональный потенциал представляет собой многокомпонентную систему, составные части которой зачастую противопоставлены друг другу. Так, в основе профессионального потенциала можно выделить внутреннюю и внешнюю сторону, нереализованные и реализованные компоненты. Внешние и реализованные параметры профессионального потенциала достаточно легко поддаются диагностике, так как они предстают «в виде наколенных знаний, умений, способностей, готовностей, качеств, позволяющих обеспечивать заданный уровень качества профессиональной деятельности» [3, с. 290]. С другой стороны, внутренние и нереализованные компоненты профессионального потенциала выявить и проанализировать весьма затруднительно, так как они связаны с глубинными особенностями личности. Однако именно эти компоненты профессионального потенциала позволяют говорить о наличии у человека определенных ресурсов, необходимых для успешного осуществления профессиональной деятельности.

Несмотря на значимость изучения внутренних и нереализованных сторон профессионального потенциала, в отношении людей творческих специальностей принято говорить больше о конкретных результатах их профессиональной деятельности. Так, студентов

музыкальных специальностей зачастую оценивают с позиций их достижений и предшествующего жизненного опыта, по которому, безусловно, можно прогнозировать развитие профессионального потенциала, но который не дает полноценного представления о нем. Знание психологического типа личности, на наш взгляд, способствует расширению представлений о специфике мировосприятия человека, системе мотивировки, духовно-нравственных ориентиров. Поняв, как человек оценивает каждое конкретное явление окружающей действительности, как он смотрит на свое творчество, какие цели ставит перед собой и, что самое главное, как относится к самому процессу постановки и достижения этих целей, можно определить, какое место занимает творчество в его жизни, может ли человек раскрыться через творчество и насколько успешным и долгосрочным будет это раскрытие.

Представление о вышеприведенных свойствах личности вложено в структуру понятия «психологический тип», под которым в данном исследовании будем понимать «преобладающую диспозицию (расположенность) психического или психофизически нейтрального вида, присущее группе людей при их сопоставлении» [2, с. 22]. Несмотря на то, что за последние десятилетия система представлений о психологическом типе была значи-

тельно расширена и качественно улучшена, сегодня не существует единого взгляда на типологию компонентов, входящих в структуру этого понятия. Регулярно появляются новые классификации и научные обоснования, в которых выделяются более подробные аспекты психологического типа. Как отмечает В.Ю. Асланян, «с одной стороны, типология систематизирует уже существующие представления, а, с другой, а – задает общее направление дальнейшего исследования» [1, с. 285]. Приведем основные типологические характеристики, которые лежат в основе большинства существующих на сегодняшний день классификаций.

В первую очередь, нельзя не упомянуть типологию К. Юнга, который на основе архетипов выстроил систему психологических характеристик человека, представленных в виде комплекса из четырех бинарных оппозиций. На основе этих пар сегодня существуют детально разработанные психодиагностические методики, например, MBTI (Myers-Briggs Type Indicator) – типология Майер-Бриггс.

- Интроверты и экстраверты – интроверты, по Юнгу, находят энергию во внутреннем мире, в то время как экстраверты черпают ее из взаимодействия с другими людьми.
- Интуитивный и сенсорный способ восприятия информации. Сенсоры получают и обрабатывают информацию на уровне конкретных материальных ощущений, в то время как интуиты больше доверяют интуитивно полученной информации.
- Мыслительно-логический и эмоционально-чув-

ственный тип. Многие психологи разделяют эти две категории на понятия «логика» и «чувство». Люди мыслительно-логического типа принимают решения на основе последовательного и объективного взвешивания рациональных вариантов, в то время как люди эмоционально-чувственного типа опираются на собственные эмоции в принятии решения.

- Воспринимающий и решающий. Эти две категории могут также быть выражены понятиями «восприятие» и «суждение». Первый тип характеризуется иррациональным предпочтением действовать без детальной предварительной подготовки, в то время людям второго типа свойственно заранее упорядочивать информацию и планировать действия наперед [4].

Вышеприведённые оппозиции можно считать базовыми категориями психологического типа в современной психологии. Сочетание вышеприведенных характеристик позволяет оценить специфику мировосприятия личности. Коротко охарактеризуем комбинации четырех типов и рассмотрим, какие свойства принесет знание определенного типа в определение профессионального потенциала у студентов музыкальных специальностей. В нижеприведенной таблице мы постарались обобщить наш многолетний опыт работы со студентами музыкальных специальностей, с которыми проводились диагностические исследования по выявлению доминирующего психотипа. В таблице отражены как положительные, так и отрицательные стороны, свидетельствующие о профессиональном потенциале

Таблица 1.

Характеристика профессионального потенциала студентов музыкальных специальностей с разными психологическими типами (по методике Юнга и Майер-Бриггс)

№	Номинация по MBTI	Расшифровка	Профессиональный потенциал студентов музыкальных вузов	
			Положительные стороны	Отрицательные стороны
1	INTJ	Интроверсия, интуиция, логика, суждение	Любознательные, любят браться за сложные задачи, ставить перед собой большие цели, экспериментировать в разных музыкальных стилях	Часто не могут сосредоточиться на решении рутинных задач, связанных с изучением основ музыки, застревают на больших планах
2	INTP	Интроверсия, интуиция, логика, восприятие	Свободолюбивые и очень креативные, могут находить много вариантов воспроизведения одной и той же мелодии	Ставят слишком высокие стандарты, во всем ищут эксперименты, стараются переделать тексты и мелодии под себя, под свой стиль
3	ENTJ	Экстраверсия, интуиция, логика, суждение	Целеустремленные и уверенные, практически не испытывают застенчивости и страха перед сценой	Иногда чересчур амбициозны, тяжело воспринимают критику в свой адрес и из-за этого долго совершенствуют музыкальные навыки
4	ENTP	Экстраверсия, интуиция, логика, восприятие	Хорошо осознают свои слабые и сильные стороны, умеют подбирать для себя те сферы деятельности, где их сильные стороны будут проявлены в максимальном объеме	Плохо проявляют себя в командной работе, нуждаются в постоянных поощрениях, испытывают раздражение, если не могут справиться с простой задачей
5	INFJ	Интроверсия, интуиция, чувство, суждение	Очень творческие, наделяют смыслом каждое свое действие, умеют последовательно и активно развивать свои музыкальные навыки	Не берутся за решение задач, если не испытывают достаточной мотивации

№	Номинация по MBTI	Расшифровка	Профессиональный потенциал студентов музыкальных вузов	
			Положительные стороны	Отрицательные стороны
6	INFP	Интроверсия, интуиция, чувство, восприятие	Находят наслаждение и вдохновение в музыке, с готовностью связывают с ней свою жизнь, выражают себя через музыку	Стеснительные, увлекаясь вдохновением, часто забывают решать рутинные задачи, необходимые для развития музыкальных навыков
7	ENFJ	Экстраверсия, интуиция, чувство, суждение	Креативные и решительные, всегда полны энтузиазма, с готовностью берутся за любые задачи, отлично выражают себя на сцене	Не всегда объективно оценивают уровень развития своих навыков, нуждаются в регулярной системе одобрения и поддержке со стороны
8	ENFP	Экстраверсия, интуиция, чувство, восприятие	Очень творческие, при этом активные и не стеснительные, у них всегда много идей и способов самовыражения, способны отдавать себя музыке без остатка	Не могут сфокусироваться на решении одной задачи, их концентрация легко теряется, если появился новый источник вдохновения
9	ISTJ	Интроверсия, ощущение, логика, суждение	Очень усидчивые и внимательные, могут прикладывать много усилий для решения задач и развития навыков	Не всегда проявляют необходимую для занятий музыкой креативность мышления, им проще следовать уже готовым шаблонам и правилам
10	ISFJ	Интроверсия, ощущение, восприятие, суждение	Трудолюбивые и последовательные в решении задач, хорошо показывают себя в командных видах музыкальной деятельности (хор, ансамбль)	Стеснительные, когда дело доходит до сольных выступлений, плохо воспринимают критику, не всегда проявляют креативность
11	ESTJ	Экстраверсия, ощущение, логика, суждение	Амбициозные и решительные, умеют грамотно показывать свои сильные стороны, объективно оценивают собственные возможности	Не любят оставаться без внимания, часто тратят слишком много сил на решение задачи, в результате чего могут быстро «выгореть»
12	ESFJ	Экстраверсия, ощущение, чувство, суждение	Энергичные и исполнительные, хорошо справляются с любыми видами задач, могут проявить себя практически в любых сферах музыкальной деятельности	Испытывают затруднение в решении задач, требующих нестандартного и креативного мышления, не всегда проявляется творческий потенциал
13	ISTP	Интроверсия, ощущение, логика, восприятие	Трудолюбивые, умеют концентрироваться на развитии определенных навыков, но при этом проявлять креативность и гибкость мышления	Плохо справляются с большим количеством разнородных задач, так как излишне фокусируются на чем-то одном, испытывают стресс от дедлайнов и ощущения несвободы
14	ISFP	Интроверсия, ощущение, чувство, восприятие	Эксцентричные и очень творческие, отдают музыке всю страсть и концентрацию	Не всегда рационально выстраивают линию поведения, ставят недостижимые цели
15	ESTP	Экстраверсия, ощущение, логика, восприятие	Отлично справляются с перегрузками и разнородными задачами, проявляют лидерские качества, креативность, но при этом последовательность	Не могут долго фокусироваться на однородных задачах, страдают без внимания, лучше проявляют себя как сольные артисты, чем командные исполнители
16	ESFP	Экстраверсия, ощущение, чувство, восприятие	Энергичные и умеющие проявлять нестандартное мышление личности, которые любят пробовать себя в тех сферах музыкальной деятельности, в которой они находятся в центре внимания	Плохо справляются с задачами, требующими строгих сроков сдачи, не проявляют достаточной усидчивости в овладении навыками игры на музыкальных инструментах

учащихся. (Таб. 1.)

Так как сегодня накоплено достаточно много знаний в исследовании психологического типа, нам представляется целесообразным использовать для диагностики комбинации разных методик. Например, при определении профессионального потенциала студентов музыкальных специальностей, значимой может оказаться и методика определения психотипов, предложенная Дж. Холландом. Его методика ориентирована на определение оптимальной профессиональной деятельности, следовательно выделяет: реалистичный, интеллектуаль-

ный, социальный, конвенциональный, предприимчивый и артистичный тип личности [5]. Нелишним будет и определение доминирующего типа темперамента (холерик, флегматик, сангвиник, меланхолик).

Таким образом, многостороннее исследование психологического типа личности позволяет определить внутреннюю сторону профессионального потенциала, связанную с личностными особенностями студента-музыканта и позволяющую говорить о его творческих ресурсах и потенциальных возможностях в определенной сфере музыкальной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асланян В.Ю. Типология личности: методика типологизации в психологии // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2019. – Т. 8 № 2 (27). – С. 285-291.
2. Колесов С.Г. Психологический тип в психологии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – С. 22-25.
3. Степанова И.Ю. Профессиональный потенциал человека как фактор востребованности непрерывного образования для обеспечения качества жизни // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. – 2015. – С. 289-293.
4. Юнг К. Архетипы и коллективное бессознательное. – М.: АСТ, 2018. – 150 с.
5. Holland J.L. Exploring careers with a typology: What we have learned and some new directions // American Psychologist. – 1996. – № 51. – P. 397-406.

© Гаврилова Екатерина Игоревна (art11002@mail.ru), Петров Денис Сергеевич (den_petrov@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Воронежский государственный педагогический университет

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ У КЛИНИЧЕСКИХ ПСИХОЛОГОВ: ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА

Гайченя Татьяна Андреевна

Практикующий психолог-психотерапевт;
Московский Институт Психоанализа (г. Москва)
help@tatianaszn.ru

EMOTIONAL BURNOUT AMONG CLINICAL PSYCHOLOGISTS: CAUSES AND PREVENTION

T. Gaichenia

Summary: Nowadays, due to the rapidly growing role of social assistance and a wide variety of helping professions (including clinical psychologists), the importance of the level of competence of the above mentioned specialists, as well as their mental health, is increasing desperately. That is a necessary requirement not only for the efficiency of their work, but also for the safety reasons for their patients.

However, in the conditions of modern work realities, specialists in this field are most often prone to burnout syndrome due to the fact that their work requires constant emotional involvement and empathy to victims of difficult situations and life circumstances, including such difficult topics for each person as loss, violence, grief, death, alcoholism, drug addiction and other kinds of addictions, and so on.

This article describes the possible causes of clinical psychologists' burnout, as well as measures that can be aimed at preventing this phenomenon.

The scientific and practical significance of this article is that the process of emotional burnout is typical for many specialists of helping professions, and this explains the purpose of this study — the article can help them prevent the process of emotional burnout and professional deformation, as well as find out tools that could become the prevention of this process in future.

Keywords: emotional burnout, clinical psychologist, prevention of emotional burnout, professional deformation.

Аннотация: В настоящее время, в связи со стремительно возрастающей ролью социальной помощи и большим разнообразием помогающих профессий (в том числе таких как клинические психологи), возрастает значение компетентности специалистов данной сферы деятельности, а также состояние их психического здоровья. Это является обязательным условием не только для результативности, выполняемой ими работы, но и для обеспечения безопасности их клиентов.

Однако, в условиях современных реалий работы, специалисты данной сферы наиболее часто подвержены синдрому эмоционального выгорания в связи с тем, что их работа подразумевает постоянную эмоциональную включенность и сопереживание жертвам тяжелых ситуаций и жизненных обстоятельств, затрагивающие такие тяжелые темы для каждого человека как утрата, насилие, горе, смерть, алкоголизм, наркомания и другие виды зависимостей, и так далее.

Данная статья описывает возможные причины эмоционального выгорания у клинических психологов, а также меры, которые могут быть направлены на предотвращение и профилактику данного феномена.

Научная и практическая значимость данной статьи заключается в том, что процесс эмоционального выгорания характерен для многих работников помогающих профессий, и из этого вытекает цель проведения данного исследования — статья может помочь многим специалистам помогающих профессий предотвратить процесс эмоционального выгорания и профессиональной деформации, а также ознакомиться с инструментами, которые могут стать профилактикой данного процесса впоследствии.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, клинический психолог, предотвращение и профилактика эмоционального выгорания, профессиональная деформация.

В настоящее время, в связи с широким и повсеместным развитием сферы социальной помощи, а также широким распространением помогающих профессий, к которым относится такая профессия как клинический психолог, вопрос эффективности и компетентности специалистов данных направлений, а также состояние их психического и эмоционального здоровья, выходят на первый план. Это необходимое условие, как и для эффективности, выполняемой ими работы, так и для обеспечения безопасности, как и для них самих, а также для их клиентов.

Однако, в условиях современных реалий работы, данные специалисты наиболее часто подвержены синдрому эмоционального выгорания в связи с тем, что их работа подразумевает постоянную эмоциональную включенность и сопереживание жертвам тяжелых ситу-

аций и жизненных обстоятельств, затрагивающие такие тяжелые темы для каждого человека как утрата, насилие, горе, смерть, алкоголизм, наркомания и другие виды зависимостей, и так далее.

К. Маслач дала определение синдрому эмоционального выгорания так: «Эмоциональное выгорание — это синдром эмоционального истощения, деперсонализации и снижения личностных достижений, который может возникать среди специалистов, занимающихся разными видами помогающих профессий» [1].

Термин «эмоциональное выгорание» означает изменение отношения специалиста, как и к самому себе, так и к рабочему процессу, что может выражаться следующим:

— апатия, эмоциональное истощение, отсутствие желания и необходимости продолжать работу;

- потеря квалификации, желание поменять сферу деятельности, хроническая усталость, когда работа выполняется только по формальным признакам и становится непродуктивной;
- сомнения в уровне своей собственной компетенции, а также необходимости данной работы, как и для других людей, так и для социума в целом. Могут возникать обесценивание и такие мысли как «моя работа никому не нужна, не приносит пользы и является абсолютно бессмысленной».

Научная и практическая важность данной статьи заключается в том, что процесс эмоционального выгорания характерен для многих людей, работающих в помогающих профессиях, и из этого вытекает цель проведения данной работы – данное исследование может помочь многим специалистам помогающих профессий предотвратить процесс эмоционального выгорания и профессиональной деформации, а также ознакомиться с инструментами, которые могут стать профилактикой данного процесса впоследствии, на протяжении всей их работы с людьми.

Синдром эмоционального выгорания относится к процессу профессиональной деформации личности. Наиболее часто данному синдрому подвержены те специалисты, которым в силу своей работы приходится общаться с большим количеством людей и, зачастую в таком случае, от качества и результата данной коммуникации зависит уровень результатов их собственной профессиональной удовлетворённости и их деятельности в целом. Доказано, что наиболее часто синдрому профессиональной деформации личности подвержены специалисты помогающих профессий.

Что подразумевает собой такой термин как «синдром профессионального выгорания»? В первую очередь, это стрессовая реакция организма сотрудника на перенапряжение и рабочие стрессы, которая включает, как и психологические, так и поведенческие компоненты. Специалист становится менее сконцентрированным, проявляется отсутствие мотивации к работе, он отдаляется, как и от близких, так и от любых других людей, вследствие чего может проживать чувство «абсолютного одиночества и ненужности». Силы и хорошее настроение его покидают, он погружается в апатию и становится не в состоянии выполнять работу и свои рабочие обязанности. Как следствие, ухудшается здоровье, он начинает болеть – данные процессы могут выступать как вторичные выгоды, чтобы не работать по причине эмоциональной и психической перегруженности.

Как уже было отмечено выше, выделяют три ключевых признака процесса профессиональной деформации личности клинического психолога:

1. Полное истощение организма, апатия, отсутствие мотивации и желания продолжать профессиональную деятельность;
2. Обесценивание результатов своей деятельности, чувство никчемности и невозможности кому-то помочь;
3. Отстранение, как и от рабочих процессов, так и от клиентов и близких людей.

Впоследствии Г. Соннек (1994) добавил к этим трем симптомам еще один — витальную нестабильность, и все вместе они представляют собой первые признаки «развития предсуицидального состояния». Он приводит следующие симптомы витальной нестабильности: депрессия, подавленное настроение, возбудимость, чувство стесненности, тревожность, беспокойство, чувство безнадежности и раздражительность. Эмоциональное выгорание, по его мнению, представляет собой реальную специфическую угрозу здоровью, в особенности в профессиональных группах врачей [2].

Причем обычно перед процессом эмоционального выгорания присутствует период, когда специалист чрезмерно активно работает, увлечен рабочим процессом слишком сильно, слишком эмоционально включается в процессы своих учеников и клиентов, забывая про восстановление и отдых. В психологии есть такое понятие, как колесо жизненного баланса, которое охватывает основные сферы жизни: работу, личную жизнь, хобби, окружение, личностное развитие и рост, духовную сферу, и если случается дисбаланс в одной из сфер, то это может неизбежно привести к процессу выгорания.

То же самое происходит и в процессе работы, когда специалист работает и вкладывается в рабочий процесс чрезмерно, то это может привести к синдрому эмоционального выгорания. Именно на этой стадии происходит полное истощение организма и апатия, так как, зачастую, специалист может отказываться от удовлетворения своих базовых потребностей: в пище, во сне, что приводит к нарушению баланса и как следствие, к истощению – эмоциональному и физическому.

Далее включается компенсаторный механизм психики, и специалист бессознательно стремится отдалиться от работы и своих клиентов, так как они начинают представлять опасность для функционирования его организма и нормальной жизни. Это проявляется в низком уровне вовлеченности в работу, безразличии и отсутствии эмпатии к клиентам и процессам, происходящим на работе, никакие процессы не вызывают в специалисте эмоциональный отклик. Этот процесс очень опасен, так как именно он формирует ядро профессиональной деформации личности клинического психолога.

Третий этап данного процесса – обесценивание сво-

ей работы и своих достижений, что может выражаться также отсутствием мотивации к работе, тревожным мыслям, падением самооценки, убеждении, что продолжать практику далее бессмысленно, потому что это не принесит никаких значимых результатов.

К факторам, способствующим эмоциональному выгоранию, можно выделить следующие:

- высокая рабочая нагрузка;
- отсутствие или недостаток социальной поддержки со стороны коллег и начальства;
- необходимость внешне проявлять эмоции, не соответствующие реальным: например, необходимость быть эмпатичным [3].

Среди факторов, которые способствуют синдрому эмоционального выгорания в сфере оказания непосредственно психологической помощи, стоит отметить:

- невозможность подготовиться заранее к сессии, что может вызывать повышенный уровень стресса и тревожности;
- ограниченное время работы с клиентом, что также может вызывать стресс и тревожность;
- частые контакты с клиентами, которые поднимают тяжелые темы: тему утрату, смерти, насилия, тему алкогольной и других видов зависимостей, тему инцеста;
- незащищенность от эмоций, которые клиент может переносить на психолога (так называемое понятие «переноса» в психологии) – зачастую это тяжелые эмоции как гнев, агрессия, разочарование, обида, злость, раздражение и так далее;
- необходимость быть эмпатичным, понимающим, принимающим и спонтанным;
- столкновение с кризисными ситуациями у клиентов в работе: суицидальными мыслями, темами потери, утраты, насилия, инцеста, которые вызывают очень много эмоций и являются тяжелыми для проживания, как и для клиента, так и для психолога.

Синдром профессионального выгорания формируется как совокупность личностных факторов специалиста, так и стрессов, связанных с профессиональной деятельностью.

Данный синдром является очень опасным, так как может привести к длительному отстранению специалиста от профессиональной деятельности и отсутствию мотивации, как и в сфере работы, так и в жизни в целом.

Особенно сложно определить синдром эмоционального выгорания в самом начале, в связи с тем, что самому специалисту зачастую это бывает неподвластно, поэтому в данном случае ключевую роль играет внимание коллег и атмосфера в коллективе, где работает клиниче-

ский психолог. Именно дружеская поддержка, эмпатия и внимание со стороны коллег могут помочь выявить симптомы эмоционального выгорания и обратить внимание психолога для того, чтобы предпринять меры по его предотвращению.

В случае выявления у клинического психолога синдрома эмоционального выгорания, во-первых, необходимо предпринять меры по предотвращению данного процесса, а также выявить и донести до него способы профилактики и инструменты, с помощью которых можно будет предотвратить повторение данного синдрома впоследствии.

Для предотвращения синдрома эмоционального выгорания личности можно выделить следующие способы:

1. Метод предоставления психологической помощи людям, которые подверглись данному синдрому.

Среди методов, которые могут быть использованы, выделяют следующие: личная психотерапия, супервизия, групповая терапия, балинтовские группы.

Рассмотрим подробнее каждый из методов:

- а) **личная психотерапия** – каждый психолог и психолог-консультант в рамках своего становления как специалиста в обязательном порядке должен проходить личную психотерапию. Дело в том, что психотерапевт работает своей личностью. А инструмент этот требует постоянной огранки, так как очень важно, чтобы психотерапевт был максимально искренним на сессиях с клиентами, мог выдерживать переживания любой силы, быть надежной опорой и поддержкой. Поэтому практикующие психологи и психологи-консультанты почти постоянно находятся в процессе личной терапии, что также важно для профилактики профессионального выгорания. В конце концов, психотерапевты — тоже люди, которые проходят через разные жизненные этапы и потрясения. Им тоже необходима поддержка, необходимо решать различные трудности, и они за этим обращаются к своим психотерапевтам.
- б) **супервизия** подразумевает под собой наблюдение более опытного коллеги (супервизора) за работой клинического психолога, а именно: обсуждение процесса терапии его клиентов, сильных и слабых сторон клинического психолога как специалиста, поиск возможных ошибок в процессе работы и их исправление. Для более широкого и четкого понимания какого-либо психологического или эмоционального процесса клиента важно участие другого, иначе специалист оказывается в замкнутом круге своих мыслей и чувств, что может впоследствии привести к нервному срыву или серьезнейшему психическому расстройству.

Специалисты помогающих профессий склонны к эмоциональному выгоранию как к защитному механизму психики от интенсивных нагрузок, поэтому супервизия – обязательное условие для эффективной и продуктивной работы.

- в) **групповая терапия** представляет собой форму психотерапии, в которой специально созданная группа людей регулярно встречается под руководством психотерапевта-ведущего для достижения определенных целей: разрешения внутренних конфликтов и снятия напряжения; коррекции отклонений от нормы поведения различного рода способами, получения поддержки от других участников группы, а также для выполнения иной психотерапевтической работы.
- г) **балинтовские группы** являются эффективным способом повышения профессиональных коммуникативных навыков, снятия профессионального стресса и уменьшения синдрома эмоционального выгорания.

В настоящее время данная технология используется не только в коллективах врачей и психологов, но также среди учителей, социальных работников, священников, полицейских и других специалистов, которые связаны с профессиональной коммуникацией. Основными преимуществами балинтовской группы являются безопасность обсуждения, анализ и эмоциональная поддержка ее участников.

2. Метод создания психологических групп, в которые включаются специалисты, подвергнувшиеся синдрому эмоционального выгорания. Данный метод хорош тем, что работает над основным симптомом выгорания – нарушением коммуникативных составляющих в межличностных отношениях. Цель данных тренингов – восстановление навыков коммуникации, снижение уровня профессионального стресса, эмоциональная и психологическая поддержка, и, как результат, избавление от синдрома эмоционального выгорания.

Для профилактики профессиональной деформации личности клинического психолога можно выделить три основных направления: информирование, эмоциональную поддержку, повышение значимости профессии клинического психолога. Рассмотрим подробнее каждый из методов:

- 1. Информирование** – процесс объяснения человеку, работающему в помогающей профессии о том, что такое эмоциональное выгорание, о методах самопомощи в случае, если специалист начинает отмечать у себя симптомы данного синдрома (повышенная утомляемость, апатия, отсутствие желания работать и так далее), о методах, которые позволят сохранить работоспособность, психиче-

скую и эмоциональную стабильность и здоровье.

- 2. Эмоциональная поддержка** – процесс общения в профессиональном кругу с целью улучшения психологического и эмоционального климата как в коллективе, так и отдельных работников; проведение практикумов и супервизионных и интервизионных групп с целью повышения уровня квалификации работников, улучшения их психического состояния для снятия тревожности, напряжения и других негативных эмоциональных проявлений.
- 3. Повышение значимости, как и профессии в целом, так и каждого сотрудника по-отдельности.** В данном случае имеется в виду проведение мероприятий, направленных на структурирование и организацию процессов рабочей деятельности, а также направленных на улучшение уровня компетенций и подготовки каждого отдельного сотрудника, что снижает уровень сомнений в своих компетенциях и профессиональных качествах. Также в данный пункт можно включить систему поощрения и мотивации сотрудников, систему объективной оценки результатов трудовой деятельности и повышения уровня мотивации к работе клинических психологов.

Основополагающими навыками, которые могут препятствовать процессу эмоционального и профессионального выгорания, являются навыки психолога контейнировать как и эмоции клиента, так и свои собственные, а также умение отделять проблемы клиента от своих, чтобы не «проваливаться» в чувство собственной никчемности и беспомощности.

Чем лучше навык эмоционального контейнирования, тем лучше психолог справляется с сильно эмоционально заряженными ситуациями, которые зачастую являются в работе: тяжелые состояния клиентов, ситуации клиентов, столкнувшихся с посттравматическим стрессовым расстройством, клиентами, переживающими потерю и утрату: смерть близких, чрезвычайные ситуации и так далее.

Чем лучше психолог умеет отделять проблемы клиента от своих собственных, тем меньше вероятность того, что он начнет обесценивать результаты своей деятельности и себя как специалиста. Для того, чтобы улучшить вышеописанные навыки, клиническому психологу и психологу-консультанту рекомендуется регулярно проходить личную терапию и супервизии, возможно даже в различных подходах психотерапии: гештальт-супервизии (для того, чтобы сконцентрироваться на личностных переживаниях, осознаниях и опыте), супервизиях в когнитивно-поведенческом подходе (чтобы разобрать конкретные проблемные случаи в деятельности психолога-консультанта) и так далее.

На настоящий момент, проблема эмоционального выгорания среди клинических психологов очень актуальна и крайне мало изучена, однако, в связи с увеличением количества людей, работающих в социальной сфере, данная проблема набирает все большие и большие обороты и, несомненно, требует решения. Описанные в

данной статье причины возникновения эмоционального выгорания приводят к тому, что средний срок продолжительности работы психологов-консультантов составляет от трех до пяти лет, что, несомненно, очень мало и требует значительных мер для корректировки данного показателя и увеличения эффективности данной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Maslach C. Jackson S.E. The measurement of experienced burnout. J. Occup. Beh. 1981.
2. Лэнгле А. Экзистенциальный анализ синдрома эмоционального выгорания. М.: Генезис, 2007.
3. Чутко Л.С., Козина Н.В. Синдром эмоционального выгорания. Клинические и психологические аспекты. М.: МедПресс-Информ, 2014.

© Гайченя Татьяна Андреевна (help@tatianaszn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский институт психоанализа

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЙ: ОТ МАНИПУЛЯЦИИ ДО АДАПТИВНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

CONSTRUCTING DEFINITIONS: FROM MANIPULATION TO ADAPTIVE INTELLIGENCE

V. Gut
E. Dotsenko

Summary: Approaches to creating definitions of scientific concepts, their methodology and the methods used are discussed. The processes (sometimes poorly realized) are described, due to which definitions “ripen” in the scientific community: the author’s appeal to his linguistic instinct (the practice of word usage), the explicit formulation of a previously implicit definition, the coordination of the views of different authors, the approval of the norm for using the concept. On the example of the concepts of «interpersonal manipulation», «intelligence» and «emotional intelligence», possible ways of purposefully constructing definitions are discussed, their possibilities are analyzed. A procedure for constructing a definition of the concept of «adaptive intelligence» based on the results of an empirical study is proposed. An assessment of the definition obtained in this way is given: adaptive intelligence is the ingenuity, resourcefulness/ingenuity and skills, positively recognized by society, shown by an individual or group in solving vitally urgent problems.

Keywords: adaptive intelligence, intelligence, emotional intelligence, definition, implicit definitions, everyday consciousness.

Гут Валерий Викторович
кандидат психологических наук, компания AQ Institute
(г. Москва)
valeriy_gut@mail.ru
Доценко Евгений Леонидович
доктор психологических наук, профессор, Тюменский
государственный университет
dotsenko_e@bk.ru

Аннотация: Обсуждаются подходы к созданию определений научных понятий, их методология и используемые методы. Описываются процессы (порой слабо осознаваемые), благодаря которым в научном сообществе «вызревают» определения: обращение автора к своему языковому чутью (практике словоупотребления слов), явное формулирование имплицитного прежде определения, согласование представлений разных авторов, утверждение нормы использования понятия. На примере понятий «межличностная манипуляция», «интеллект» и «эмоциональный интеллект» обсуждаются возможные способы целенаправленного конструирования определений, анализируются их возможности. Предложена процедура конструирования определения понятия «адаптивный интеллект» на основе результатов эмпирического исследования. Дана оценка полученного таким образом определения: адаптивный интеллект – это позитивно признаваемые обществом изобретательность, находчивость/смекалка и умения, проявленные индивидом или группой при решении жизненно острых задач.

Ключевые слова: адаптивный интеллект, интеллект, эмоциональный интеллект, определение, имплицитные определения, быденное сознание.

Определить понятие – значит очертить содержание, к которому это понятие отсылает [1, с. 34]. То, как автор научной работы обращается с определениями (заемными или своим), выступает ярким индикатором его методологической «зрелости». По этому основанию можно выделить несколько способов обращения с определениями.

«Инфантильное» (наивное) обращение: центральное понятие работы (реферата или курсовой) не определяется вовсе или берется случайно выбранное из популярного словаря (иногда просто толкового); чаще встречается у школьников и первокурсников. Для ряда задач легковесное отношение к определениям бывает оправданным, например, касательно часто используемых понятий, но как правило это все же небрежность.

«Детское» (эгоцентрическое) обращение: приводит ряд определений без анализа и комментариев, далее звучит псевдо-аргумент «по нашему мнению» или «на наш взгляд» и выбирается какое-то из упомянутых

определений для использования в своей работе. Это обращение характерно для многих студентов и недавних выпускников – молодых специалистов, для которых научные тексты как явление из неведомой реальности.

«Отроческое» (протестное) обращение: приводится ряд определений без анализа и комментариев (или комментарии минимальны), далее звучит решительное «мы не согласны с данным определением» и через переход «по нашему мнению» или «на наш взгляд» автор предлагает собственное определение. Такое обращение в ходу у начинающих свою работу аспирантов и у самостоятельно работающих над научной проблемой «независимых исследователей».

«Детское» и «Отроческое» обращения уместно квалифицировать как застольные (чай, кофе, спиртное без излишеств), так как они воспроизводят типичный для неформальной компании сценарий беседы – обмениваться личными мнениями и настаивать на собственной правоте.

«Юношеское» (аналитическое) обращение: анализ чужих определений опирается на задачи или ограничения своей научной работы («ничего личного, только логика»). Собственное определение (если автор не присоединился к какому-то из существующих) создается как модификация чужого или хорошо аргументированная компиляция из нескольких определений. Встречается не очень часто, характерно для авторов с заметным статусом в научном мире.

«Взрослое» (методологическое) обращение состоит в том, что сначала выдвигаются требования к искомому определению, затем рефлексированы основания для поиска релевантных критериев, затем выполняется процедура набора и отбора критериев, и в завершение предлагается формулировка, в которую заложен необходимый и достаточный набор признаков определяемого понятия. Правда, методологически корректное конструирование определения – это пока что экзотическое явление для психологии. Приходится констатировать, что в отношении ясности используемых понятий уровень научного дискурса в целом производит грустное впечатление [2].

Вместе с тем, методологическая зрелость может быть атрибутирована не только исследователю, но и самому научному понятию, так что приведенная типология способов обращения с определениями может отражать еще и процесс «созревания» самого понятия, проявляясь в его определении. Определения принято разделять на явные и неявные [1, с. 34]. Явные, вероятно, соотносимы с более «зрелыми» понятиями, чем неявные. Последние уместнее было бы называть косвенными, поскольку они все же вербализованы. Самыми незрелыми будем считать понятия, которыми пользуются, несмотря на отсутствие определения; будем называть их имплицитными, чтобы не путать с неявными.

Цель данной работы – отрефлексировать опыт создания определений научных понятий, обсудить методологию и методы, используемые для этого. Мы намерены рассмотреть процессы (порой слабо отрефлексированные), благодаря которым в научном сообществе создаются («вызревают») определения, показать возможные способы целенаправленного конструирования определений, оценить их возможности. Выполним это на примере понятий «межличностная манипуляция», «интеллект» и «эмоциональный интеллект». В завершение предложим процедуру конструирования определения понятия «адаптивный интеллект» с опорой на результаты эмпирического исследования.

От имплицитной модели автора к коллективному определению

Ряд имеющихся определений слишком оптимистич-

но называются общепринятыми. С одной стороны, сам атрибут «общепринятое» сомнителен в качестве признания, поскольку научный дискурс полемичен по своей природе. А с другой, многие «общепринятые» определения есть результат такого компромисса, который угрожает разрушением самому определяемому понятию (как будет показано на примере определения интеллекта).

В самом наивном виде опорой для определения некоего понятия выступает *лингвистическая интуиция* автора (чувство языка). Ее содержание – это имплицитное семантическое поле понятия, которое сложилось в результате привычной для данного автора практики словоупотребления. Практика словоупотребления реализуется «воспроизведением устойчивых сочетаний слов в различных текстах: один реализовавшийся текст вызывает ответную реакцию в виде другого материального текста, в котором неизбежно воспроизводятся те-заурусные единицы первого текста» [3, с. 16].

Формулировка определения некоего понятия находится автором как экспликация этих интуитивных представлений (имплицитного определения) – субъективно-го смысла, которому требуется придать статус понятного всем значения¹. Вербальными индикаторами того, что автор в заметной степени руководствуется своими интуитивными представлениями, выступают эрзац-аргументы вида «я считаю», «по нашему мнению», «мы склонны думать, что», «как нам представляется» и т.п. Вероятно, с ростом научной квалификации исследователя в его текстах таких индикаторов становится меньше.

Однако каким бы аргументированным не являлось предложенное автором определение, с момента его презентации в силу вступает процесс коллективной работы над этим понятием в форме научного дискурса. Каждый читатель в фоновом режиме (автоматическом, неререфлексируемом) сравнивает чье-то определение со своими имплицитными представлениями (сравнение реализуется как семантический резонанс) – и откликается на него, занимая позицию сторонника (при высокой степени совпадения) или оппонента (при критическом расхождении).

Полемика с коллегами тоже способна строиться на методологически наивном уровне «я считаю» или «мы не согласны», отражая незрелость возможно уже не столько исследователей, сколько самого понятия. Столкновение с другими «я считаю» снова поднимает вопрос практики словоупотребления, теперь уже в узком кругу лиц с повышенной компетентностью в предмете обсуждения. Но даже с аргументами уровня «я считаю» зрелость суждений все равно имеет тенденцию повышаться. Потому что, во-первых, нельзя бесконечно обмениваться мнениями,

1 Этот процесс подобен тому, который обеспечивает языковое творчество ребенка [4].

их следует обосновывать. Как правило, запускается рефлексия участников и в отношении изменений в содержании понятия, и – что важно – в отношении собственного стиля ведения полемики. И, во-вторых, семантический материал, с которым имеет дело дискурс, становится все более «плотным» и «насыщенным»: обнаруживаются все более тонкие оттенки значения – фрагменты семантики обсуждаемого понятия. Его семантическое поле становится коллективным (заведомо эксплицитным), наполняется новыми оттенками.

С годами в семантическом поле понятия выделяется ядро высокого согласия между коллегами, практика словоупотребления нормируется. Она то – норма употребления понятия – и принимается большинством пользователей за общепризнанное определение. Отметим наличие подмены: общепринятым является не суть определение, а *нормированная практика употребления понятия* (по факту еще недоопределенного).

В идеале исходно субъективные представления, пройдя процесс согласования, постепенно становятся научными понятиями: *устоявшееся* (зрелое, сложившееся) **определение есть результат компромисса интуиций очерченного круга авторов** (этих авторов мы затем находим в ответах поисковых систем).

Жизнь, правда, не столь идеальна. Значительную роль в становлении понятий играет т.н. «человеческий фактор». С одной стороны, важную роль играет предприимчивость отдельных ученых, их настойчивость и работоспособность, высокая убедительность, а порой и банальные интриги. С другой, решающим фактором часто выступает консолидация позиций группы авторов в виде научных школ – у этих коллективов есть возможность игнорировать альтернативные суждения/аргументы, а то и подавлять их, создавать впечатление высокой согласованности позиций.

Технически существует минимум две задачи, сильно не совпадающие между собой по условиям решения: 1) определить уже существующее понятие, которое имеет солидную практику или давнюю традицию своего использования; 2) дать определение еще не существующему понятию, ввести его в научное употребление как новое. Представляется, пути решения этих задач будут различны. Но ни в том, ни в другом случае мнением автора ограничиться не удастся – нормы научного дискурса требуют обоснования как набора критериев (их полноты и достаточности), так и формулировок. Эскизно опишем некоторые из способов конструирования определений.

Анализ уже сложившейся семантики словоупотребления

Сравнительно благоприятна ситуация, когда некое

слово (или словосочетание) имеет давнюю практику своего использования, да еще и в различных контекстах. Этого достаточно, чтобы выполнить анализ сложившейся практики, проследить изменения семантического поля, лежащего за этим словом или словосочетанием. Так, когда мы встали перед необходимостью дать определение межличностной манипуляции [5], то столкнулись с тем, что авторы почти не заботились об обосновании предложенного определения, а опирались на него как на исходное положение. Лишь один автор ввел дополнительную процедуру – предложил определить манипуляцию через обобщение нескольких случаев (ситуаций), содержащих феномен межличностной манипуляции [6]. Правда, критерии отбора самих ситуаций снова остались за пределами обсуждения. А это значит, они извлекались из семантической интуиции (имплицитного определения) самого автора, как это имело место и у других коллег, сразу предлагавших свое определение.

Мы приняли за основу положение, что **семантические интуиции авторов опираются на** один и тот же фундамент – **практику употребления слова** «манипуляция». Индивидуальные имплицитные представления представляли собой тот фрагмент этой практики, с которым имел дело конкретный автор. Историческая реконструкция этой практики (начиная с римского войска: *manipula* – отряд особого назначения) показала, что семантика слова несколько раз менялась (семантически сдвигалась), будучи используемой метафорически. А в итоге: «полная метафора психологической манипуляции содержит три важнейших признака: идею «прибирания к рукам», обязательное условие сохранения иллюзии самостоятельности решений и действий адресата воздействия, искусность манипулятора в выполнении приемов воздействия» [5, с. 47]. Эти критерии и были заложены в определение межличностной манипуляции: «это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [там же, с. 59].

Ясно артикулированные основания (положения) практически не оставляют места субъективным искажениям со стороны автора определения. А наличие детально описанной процедуры конструирования определения позволяет коллегам обнаружить источники искажений и предложить свои корректировки. Однако нашлись авторы, которые после цитирования определения межличностной манипуляции, заявляли о своем «несогласии с Доценко».

Уважаемые коллеги – любители протестного обращения с определениями! У вас нет методологического права не соглашаться с автором, предложившим процедуру конструирования интересующего вас определения. Зато у вас есть возможность **подвергнуть анализу эту про-**

цедуру. Для того она и прописывалась, чтобы убрать «мнение» автора! Фраза «мы не согласны с автором» – это застольная реплика, не достойная серьезного исследователя. Говоря так, мы опускаемся до борьбы «мнений», что подрывает устои научной полемики, в своей основе настроенной на логику и предметную (а не на субъективную) аргументацию.

Разумеется, «снижение стиля» само по себе не катастрофа, но потери чувствительны. Показательна в этом свете история постепенного (стихийного) формирования определения понятия «интеллект».

Естественное согласование семантик в ходе научного дискурса

Состояние дел в определении понятия «интеллект» часто упоминается специалистами как пример низкой согласованности между исследователями. Чего не скажешь о лингвистической интуиции авторов, отсылающей к корням понятия. Латинское *intellectus* (понимание, рассудок) производно от *intelligere* (воспринимать, познавать, мыслить); однако последнее само образовано от двух праиндоевропейских корней: *enter* (между) и *leg* (собирать, подбирать) [7]. Т.е. глубинное значение «интеллект» указывает на умение выбирать необходимое (что уже непросто), а еще и находить связь между отобранным и условиями задачи. Примечательно, что в этом заключается суть идеи инсайта (вюрцбургская школа)! В нем мы имеем предельно формальное и обобщенное видение сути мышления и обеспечивающего его интеллекта.

Кроме того, Р.Дж. Стернберг с соавторами реконструировали имплицитные (т.е. отсылающие к архаике) представления обывателей и профессионалов (специалистов по интеллекту), и обнаружили, «что у людей есть хорошо сформированные прототипы, соответствующие различным видам интеллекта, что эти прототипы очень похожи у экспертов и неспециалистов, что прототипы тесно связаны с некоторыми психологическими теориями интеллекта и что прототипы используются при оценке собственного и чужого интеллекта» [8, р. 47]. Это указание на множественность имплицитных семантик, имеющих в обыденном сознании (влияющем на исследователей), что несомненно осложняет выработку согласованного понимания природы интеллекта.

Как показали дальнейшие исследования имплицитных теорий интеллекта, большинство научно сформулированных свойств интеллекта обнаруживаются и в представлениях неспециалистов об интеллекте и разуме. Это навеивает мысль, что специалисты и непрофессионалы

«черпают» из общего семантического источника. Правда, характеристики интеллекта неравномерно распределены между опрашиваемыми участниками исследований (согласно притче, разные слепцы имели доступ к разным частям слона). Обнаружены различия как между социальными группами [9], так и между культурами [10]. Так что «изучение имплицитных теорий в разных культурах помогает понять конкретные ценности, которые каждая культура разделяет в отношении интеллекта, наряду с более универсальными убеждениями» [11, р. 3]. Неустойчивость результатов рождает предположение, что результаты зависят и от индивидуального (по сути, случайного) состава выборок. Объяснение сильного разброса в результатах находим в том, что в обыденном сознании существует *несколько различных прототипов* интеллигентности/интеллекта (*intelligence*) – высококачественного сочетания качеств людей (*intelligent persons*), по которым можно предсказать их успешность в проявлении интеллекта [8]. Вероятно, верно, что исследователи по преимуществу эксплицируют свои неявные представления об изучаемой реальности – каждый свои, но суммарно картина получает шанс быть весьма полной. Хотя одновременно и пестрой, противоречивой.

И вот он – продукт достигнутого в результате десятилетий поиска компромисса: «*Интеллект – это очень общая умственная способность, которая, среди прочего, включает в себя способность рассуждать, планировать, решать проблемы, мыслить абстрактно, понимать сложные идеи, быстро учиться и учиться на собственном опыте*» [12]. Родовая отнесенность задана как «очень общая умственная способность» (к сожалению, без указания в чем она состоит). Далее идет перечень детализаций этой способности, с указанием на его неполноту: «среди прочего». Это определение-коллекция, перечисляющая как рядоположенные не вполне однородные феномены (и мыслительные процессы, и умения). Образно говоря, это мешок, из которого уже что-то достали («способность рассуждать» и далее по тексту), но из которого вполне может быть извлечено еще что-то новое. То есть, определение не определяет понятие целиком и однозначно – это и есть цена компромисса. Если опереться на программную работу [13], то термин «интеллект» еще не может быть признан научным термином².

Под определением официально подписались 52 специалиста, что действительно беспрецедентно для психологии. Это из числа многих тысяч исследователей, правда, эти 52 – признанные в научном сообществе люди. Не согласным с данным определением коллегам остается руководствоваться операциональным определением 100-летней выдержки: «интеллект – это то, что измеряют

2 Авторы обсуждают следующие признаки термина: предметная отнесенность, наличие дефиниции и точность [13, с. 720-722]. Далее они предлагают расширенный список признаков, но для наших задач и этих трех достаточно для указанного умозаключения.

тесты» («Intelligence is what the tests test») [14]. Грустная прелесть его в том, что при таком понимании каждый имеет возможность измерять именно то, что сам считает интеллектом – то, что согласуется с его имплицитными представлениями, корреспондирует к его прототипам. Заметим, без оглядки на «устоявшееся» и даже согласованное определение. Похоже, процесс согласования «мнений» придется повторять уже на новом витке развития понятия «интеллект».

Создание новой семантической реальности

В отношении понятия «эмоциональный интеллект» мы имеем особый случай. Задача инициаторов состояла в том, чтобы дать определение еще не существующему понятию, ввести в научный дискурс новый термин (словосочетание). Решить такую задачу непросто, потому что не к чему адресовать свое определение – предмет отсылки еще не известен. Соответственно, у коллег (и других пользователей) еще нет ни имплицитной семантики (языковой интуиции), ни практики использования/употребления пока не существующего понятия. Но были два существенных условия. Первое заключалось в том, что нет и разнобоя мнений – казалось бы, чистая доска, пиши на ней что хочешь. Однако второе условие состояло в том, что было необходимо преодолеть сложившееся как в обыденных представлениях, так и в науке противопоставление интеллекта и эмоций, ума и чувств. Оксюморон – явление литературное, в жизни же трудно убедить людей, что существует «пламенный лед» или «спокойная ярость».

Задачу облегчило то, что в представлениях его авторов и коллег уже начала выделяться предметная область, которую призван был обозначить будущий термин *emotional intelligence*: в мышлении все чаще обнаруживались эффекты от эмоций, а в эмоциях все чаще обнаруживались подобные мышлению процессы. Необходимость совмещения интеллекта и эмоций складывалась также в психотерапевтической практике (А. Эллис), а в психосоматике было описано противоположное эмоциональному интеллекту явление – алекситимия (П. Сифнеос). То есть, в науке и практике *новый термин уже ожидался* для обозначения новой предметной «почвы» – представлений о характере реальности (возможно, лишь мыслимой), к которой этот термин будет адресоваться.

Наконец, в 1990 году появилось понятие эмоционального интеллекта, под которым понималась «когнитивная способность (*saracity*) рассуждать об эмоциях и использовать эмоции для улучшения мыслительной деятельности; [которая] включает способности (*abilities*) точно

различать эмоции, вызывать эмоции для содействия мышлению, понимать эмоции и эмоциональные знания и осознанно регулировать эмоции, чтобы способствовать эмоциональному и интеллектуальному росту» [15, р. 197]. Как справедливо квалифицировала это определение И.Н. Андреева, эмоциональный интеллект – «это вид интеллекта, связанный с обработкой, интерпретацией и использованием эмоциональной информации» [16, с. 989]. Нет ничего необычного в том, что вид интеллекта выделен по предмету приложения интеллектуальных усилий. Выделил же в 1983 году Х. Гарднер семь различных форм интеллекта: пространственный, музыкальный, лингвистический, логико-математический, межличностный, внутриличностный и телесно-кинестетический. Неясно лишь, за что эмоциональный получил особые привилегии.

Потом произошло нехарактерное для науки событие – в дискурс было вовлечено население, не обладающее исследовательскими компетенциями. Произошло это благодаря популярному изданию [17]. Эту публикацию можно оценить или как средство оказания давления на научных оппонентов; или как стремление превратить понятие в коммерческий бренд. Обе версии предполагают манипулирование общественными ожиданиями, использование населения как средства решения не декларируемых задач.

В России эта манипулятивность, вероятно, оказалась более выраженной. Как показала Ю.А. Авдеева, в англоязычной версии мы имеем дело с термином *emotional intelligence*, в котором «нет той противопоставленности разума чувствам, которая остается в русском варианте «эмоциональный интеллект»» [18, с. 66]. Поэтому словосочетание «эмоциональный интеллект» может восприниматься как оксюморон в связи с имплицитной оппозицией интеллекта эмоциональной сфере человека» [там же].

Реконструкция семантических полей обыденного сознания

По отношению к понятию «адаптивный интеллект» стоит иная задача: с одной стороны, понятие уже существует [19; 20], а с другой, необходимость в этом понятии слабо артикулирована, а само оно почти сливается с понятием «практический интеллект» [21³]. Как результат, понятие адаптивного интеллекта пока используется ограничено и еще не раскрыт его теоретический и прикладной потенциал, в частности, психотехнический.

Как было показано выше, стихийное формирование признаваемого научным сообществом определения

3 Найдены два определения практического интеллекта: «способность формировать субъективное психологическое пространство в окружающем нас мире» [21, с. 9]; и «способность адаптироваться к повседневным условиям существования, формировать их и делать выбор условий, оптимальных для индивида» [там же, с. 12].

требует значительного времени, но не гарантирует его качество и жизнестойкость. Для разработки определения адаптивного интеллекта требуется найти решение, которое бы ускорило этот процесс и одновременно обеспечивало бы *соответствие искомого определения следующим требованиям:*

- отсылает к понятной и доступной феноменологии;
- согласовано с конструктами обыденного сознания, отражающими реальность, к которой отсылает определение адаптивного интеллекта;
- удобное для использования в тренингах, хорошо мотивирует их участников.

Перефразируя известную поговорку, в нашем случае новое – это хорошо отрефлектированное старое. А именно:

1. Практика словоупотребления может быть обобщена до любых видов *устоявшихся практик*: решения задач, ритуалов, отношений – всего, что совершается регулярно, в силу чего накопило в себе социальный опыт. К этим практикам можно обратиться, даже если релевантной практики словоупотребления пока еще нет.
2. В качестве респондентов и экспертов стоит привлекать не только профессионалов, но и наивных *носителей обыденного сознания*. Исследовательская задача состоит в том, чтобы извлечь их конструкты и имплицитные модели («карты»), презентующие интересующие нас социальные практики (отраженные в таких «картах» «территории»), и из них уже построить обобщенную модель. Для начала достаточно извлечь лишь материал для будущего определения («указатели, метки»), а детальные описания оставить для последующей работы. Наличие репрезентативной выборки респондентов позволит сократить затраты на согласование субъективных позиций небольшого числа исследователей.

Использование реконструированных семантик обыденного сознания в качестве материала для создания нашего определения правомерно по следующим соображениям.

Во-первых, выше было показано, что и профессионалы, и обыватели черпают семантический материал из одних источников (см. [8]). Основное различие между ними состоит в языковой компетентности – в специализированном тезаурусе и навыке формулирования своих мыслей. Это различие преодолевается за счет настройки процедур сбора данных.

Во-вторых, идеографические практики (проективные

тесты, психосемантические методы, беседа, ассесмент-центры, психотерапия...) показывают, что респонденты знают реальность, в которой они живут, не хуже исследователей. Последние порой даже не догадываются о характере имплицитно имеющихся у респондентов конструктов. Это тем более справедливо в отношении адаптивного интеллекта. Поэтому обращение к обыденным представлениям способно хорошо *дополнить прозрения* ученого.

И, в-третьих, создание научного понятия начинается с метафоризации [22] – семантического сдвига исходного значения⁴ в направлении, которое задается исследовательскими задачами. Учитывая, что «...речь идет скорее об общих ассоциациях, зачастую трудно определимых, ибо метафора зарождается на базе расплывчатых понятий, которыми оперирует человеческое подсознание» [23, с. 15], в этом сдвиге значения автор снова(!) адресует к своему лингвистическому чутью (субъективному). Порождая формулировки, автор еще раз адресует к своей компетенции (заведомо индивидуальной). В результате рождается понятие со слабым соответствием характеру общественной практики, порой и вовсе не жизнеспособное. (Например, как если бы адаптивному интеллекту дать такое определение: «сложная, многоуровневая система, которая состоит из четырех способностей человека: ценностей, способности поддерживать эмоциональную стабильность в условиях изменений и неопределенности, интеллектуальной гибкости и специальных коммуникативных навыков»).

Технически работа по **реконструкции семантических полей обыденного сознания** строится так:

- готовится *стимульный материал* – набор слов, высказываний, изображений и т.п., семантически релевантный предмету исследования; он позволяет настроить респондентов на предметную область – актуализирует в их образе мира релевантные этой области конструкты;
- сбор данных – респондентам поручается выполнить некую *работу с этим материалом*: просим описать что-то в нем, дать ассоциации, сделать высказывание, дать объяснение, сравнить между собой материал и т.п.; соответственно, выборки респондентов подбираются под задачи исследования;
- *фиксируется продукт* со сгенерированными респондентами текстами, в которых проявлено содержание актуализированных конструктов;
- из полученного продукта *извлекается* (семантически сгущается) необходимый исследователю *результат* с помощью содержательного (контент-анализ) или математического инструментария.

4 Примеры метафоризации: «психоаналитический подход» (психоанализ не ходит), «картина мира» (мир не нарисован), не говоря уже о «черной дыре» или «кротовых норах».

Психосемантический подход (именно он представлен в этих процедурах) – это универсальная технология сбора семантической продукции от респондентов (экспертов), содержательной работы с ней, тонкого анализа данных и широкие интерпретативные возможности теоретических положений. Процедура эта организуется в два этапа: феноменологическое исследование и субъективное шкалирование. Для конструирования определения адаптивного интеллекта достаточно феноменологического исследования (извлечь конструкты, игнорируя связи между ними). Поэтому мы остановились на такой **методике** (процедуре):

Стимульный материал – письменное описание ситуаций, содержащих проявления адаптивного интеллекта; *процедура сбора данных* – просим респондентов вынести суждения в отношении ситуаций (ответить на 3 вопроса); полученные *данные* – тексты ответов на вопросы, содержащие фрагменты представлений респондентов о практике решения острых жизненных задач; *выявляем* с помощью контент-анализа релевантный адаптивному интеллекту набор конструктов с указанием их семантического веса (частота упоминания).

Детальное описание самого исследования и обсуждение полученных результатов выполнено в специальной публикации [24]. В ней же предложено искомое определение адаптивного интеллекта:

Адаптивный интеллект – это вид практического интеллекта, порождающий позитивно признаваемые обществом изобретательность, находчивость/смекалку и умения, проявленные индивидом или группой при решении жизненно острых задач.

Жизненно острые задачи – это те, что направлены:

- на выживание – буквально на спасение своей жизни (в самых острых случаях), своей собственности, социального статуса или символически – на спасение своего социального лица (вид перед людьми),
 - на сохранение целостности участников ситуации (физического, социального или психического здоровья), пригодности и используемости важного для человека имущества,
 - на защиту идентичности – своей индивидуальности (права быть собой) или групповой идентичности (права быть частью выбранного для себя сообщества).

Указанные в определении *изобретательность, находчивость/смекалка и умения* указывают, что владелец адаптивного интеллекта сам отвечает за все:

- надо найти решение – проявить изобретательность (подобно архитектору),
- надо придумать, как осуществить решение – про-

явить находчивость и смекалку (так же, как инженер рассчитывает проект вслед за архитектором), — да еще и самому все воплотить в жизнь – проявить нужные для этого умения (подобно строителю, без которого ни замысел, ни проект не станут строением).

Изобретательность, находчивость/смекалка и умения вместе подчеркивают тотальную ответственность решающего задачу и за процесс, и за успешность – он отвечает за них своей жизнью, здоровьем, достоинством, идентичностью, социальным благополучием, именем, «лицом», достатком и т.п.

Позитивно признаваемые обществом – позволяет подчеркнуть, что решая свою острую жизненную задачу, человек (группа) получает полезный результат: сохраненные жизнь и/или здоровье, восстановленное достоинство, полезное многим приспособление, масштабируемый опыт и т.п. Признак указывает на возникновение в результате решения задачи новой ситуации: публичную подотчетность и *ответственность* участников за полученный в ходе решения результат, за его возможные последствия. Для некоторых профессий или задач этот моральный момент крайне важен: какой ценой одержана победа (потери, затраты), экологические последствия (ущерб природе или отношениям), политический резонанс и т.п.

Оценка возможностей созданного определения

Как и требовалось, определение отсылает к понятной и общедоступной феноменологии: это острые ситуации с задачей на выживание (реальное или символическое) и способы ее решения.

Определение согласовано с конструктами обыденного сознания, в силу того что создано на языке будущих пользователей. Самые яркие конструкты – *изобретательность, находчивость/смекалка и умения* – отражают самые значимые свойства адаптивного интеллекта: практическую привязанность к контексту (к ситуации и ее условиям), поисковый характер активности и невозможность делегировать решение кому-то другому!

Это определение получено в результате процедурного согласования «мнений», выполненного на новом методологическом уровне; вместо экспликации имплицитных представлений одного автора (или нескольких) мы получили коллективные представления наивных пользователей.

При этом оно согласуется с традицией научных исследований – есть указание на родовую принадлежность понятия (*вид практического интеллекта*) и его видовые характеристики. А также соответствует совре-

менным тенденциям в исследованиях интеллекта [20] – отсылку к этике и мудрости (*позитивно признаваемые обществом*) и ситуативную обусловленность.

Самый интересный результат – своеобразный «бонус» от респондентов – состоит в том, что три критерия *изобретательность, находчивость/смекалка и умения* составляют полный цикл решения любой задачи: освобождение автомобиля из снежного затора в пустынном месте, быстрое устранение хозяйственной проблемы перед приходом гостей, отстаивание себя перед сверстниками⁵, утрата паспорта в загранпоездке и т.п. Говоря в строительной метафоре, сам себе и архитектор, и инженер, и строитель.

Как и планировалось, определение удобно для использования в тренингах – задает логику тематического плана: описание ситуаций (постепенно повышая их остроту), анализ найденных решений, последовательная отработка изобретательности (жизненного творчества), находчивости/смекалки, тренировка умений, оценка экологичности, этичности, конструктивности найденных решений и воплощения их в жизнь. То же касается и мотивационного обеспечения⁶ участия в тренингах благодаря остроте решаемых жизненных проблем и привлекательности тезауруса (изобретательность, находчивость, смекалка).

Выводы

В работе описана процедура создания определенных научных понятий, состоящая в согласовании ин-

дивидуальных представлений до вида, когда результат принимается в кругу референтных коллег. На примере определения интеллекта показано, что это длительная процедура, не гарантирующая жизнестойкость полученного результата.

Более быстрые пути предполагают целенаправленный сбор семантического материала – от анализа практики словоупотребления до опроса специалистов и наивных респондентов. Затем требуется его дополнительная обработка, как минимум с помощью контент-анализа. Эффективность такой работы была обсуждена на примере определения понятий «межличностная манипуляция» и «эмоциональный интеллект». В полном виде этой работы следует привлекать психосемантические методы, вплоть до математических средств снижения размерности данных.

Была предложена процедура конструирования определения понятия «адаптивный интеллект» с опорой на результаты эмпирического исследования (само исследование подробно представлено в другой публикации). Показаны возможности полученного в результате такой процедуры определения: оно отсылает к понятной и общедоступной феноменологии, создано на языке будущих пользователей, отражает практическую привязанность к контексту, поисковый характер активности и невозможность делегировать решение на другого, при этом согласуется с традицией научных исследований, соответствует современным тенденциям в исследованиях интеллекта, к тому же удобно для использования в тренингах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев Д.А. Логика: конспект лекций с задачами. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 240 с.
2. Киселева Н.И. Основные подходы к рассмотрению научного понятия и характеристике термина // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – 2(58). – С. 306-312.
3. Осокина С.А. Основания лингвистической теории тезауруса: дис. ... доктора филологических наук. – Барнаул, 2015. – 451 с.
4. Гридина Т.А. Языковая интуиция как эвристический вектор детской речи // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 11. – С. 172-179.
5. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.
6. Rudinow J. Manipulation // Ethics. – 1978. – 88(4). – P. 338-347.
7. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymonline.com/index.php?term=intellect> (дата обращения: 07.04.2023).
8. Sternberg R.J., Conway B.E., Ketron J.L., Bernstein M. People's conceptions of intelligence // Journal of Personality and Social Psychology. – 1981. – 41(1). – P. 37-55. DOI:10.1037/0022-3514.41.1.37
9. Fitzgerald J.M. & Mellor S. How Do People Think About Intelligence? // Multivariate Behavioral Research. – 1988. – 23(2). – P. 143-157. DOI: 10.1207/s15327906mbr2302_1
10. Swami V., Furnham A., Maakip I., Ahmad M.S., Nawi N.H.M., Voo P.S.K. et al. Beliefs about the meaning and measurement of intelligence: a cross-cultural comparison of American, British and Malaysian undergraduates // Applied Cognitive Psychology. – 2008. – 22(2). – P. 235-246. DOI:10.1002/acp.1356
11. Rachev N. Students' concepts of intelligence: Prototypes and implicit theories // Bulgarian Journal of Psychology. – 2009. – P. 304-316.

5 Девочка на детской площадке залазит на кораблик: «Во что вы здесь играете?» – «Мы – команда пиратов», – ответили так, будто им уже никто не нужен. – Ответ был мгновенный и творческий: «Значит, я буду вашим капитаном!»

6 Р. Стернберг подчеркивал отличие адаптивного интеллекта от логического по степени заинтересованности индивида в решении проблемной задачи [19]

12. Gottfredson L.S. Mainstream science on intelligence: an editorial with 52 signatories, history, and bibliography // *Intelligence*. – 1997. – 24(1). – P. 13-23.
13. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А. Еще раз к вопросу об определении термина // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – 13(3). – С. 710–729.
14. Boring E.G. Intelligence as the Tests Test It // *New Republic*. – 1923. – 36. – P. 35-37.
15. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D. Emotional intelligence: Theory, Findings, and Implications // *Psychological Inquiry*. – 2004. – 15 (3). – P. 197-215. DOI:10.1207/s15327965pli1503_02
16. Андреева И.Н. Об истории развития понятия «эмоциональный интеллект» // *Вопросы психологии*. – 2008. – № 5. – С. 83-95.
17. Goleman D. *Emotional intelligence*. – N.Y.: Bantam Books, 1995. – 352 p.
18. Авдеева, Ю.А. История и этимология формирования семантики слова «интеллект» в английском и русском языках. – 2020. – 4(40). – С. 63-70. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2020.40.4.07>
19. Sternberg R.J. Adaptive Intelligence: Intelligence Is Not a Personal Trait but Rather a Person \times Task \times Situation Interaction. // *Journal of Intelligence*. – 2021. – 9(4):58. DOI:10.3390/jintelligence9040058
20. Sternberg R.J. Adaptive Intelligence: Its Nature and Implications for Education // *Education Sciences*. – 2021. – 11(12): 823. DOI:10.3390/educsci11120823
21. *Практический интеллект* / Р. Дж. Стернберг, Дж. Б. Форсайт, Дж. Хедланд и др. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.
22. Мишанкина Н.А. *Метафора в науке: парадокс или норма?* – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 282 с.
23. Гак В.Г. *Метафора: универсальное и специфическое* // *Метафора в языке и тексте*. – М.: Наука, 1988.
24. Гут В.В. *Адаптивный интеллект: опыт феноменологической настройки определения (в печати)*.

© Гут Валерий Викторович (valeriy_gut@mail.ru), Доценко Евгений Леонидович (dotsenko_e@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тюменский государственный университет

ОБОСНОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОГРАММЫ ПО УЛУЧШЕНИЮ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЮНОШЕЙ, ОСУЖДЕННЫХ К АЛЬТЕРНАТИВНЫМ НАКАЗАНИЯМ

JUSTIFICATION OF THE USE OF A PROGRAM TO IMPROVE THE EMOTIONAL STATE OF YOUNG MEN SENTENCED TO ALTERNATIVE PUNISHMENTS

*S. Kara-Giaur
N. Zanozin
S. Gorokhova*

Summary: The article presents the results of the implementation of a program to reduce anxiety and aggression among young men sentenced to punishment without isolation from society. The program was developed based on the results of a diagnostic examination conducted on the basis of the criminal executive inspection of Dzerzhinsk FKU UII GUF SIN of Russia in the Nizhny Novgorod region. Based on the results obtained during the diagnostic study, we made the appropriate conclusions and proved the feasibility of implementing a program aimed at reducing anxiety and aggressiveness in the FSIN system in relation to persons sentenced to alternative types of punishment. The value of the program lies in the possibility of helping youngsters in serving their sentences and teaching them generally accepted behavioral skills in society.

Keywords: young men sentenced to punishment without isolation from society, resocialization, penitentiary psychology.

Кара-Гиаур Сергей Юрьевич

*Нижегородский государственный педагогический
университет имени Козьмы Минина
serzh.cara@yandex.ru*

Занозин Николай Валерьевич

*кандидат исторических наук, доцент, Институт
пищевых технологий и дизайна – филиал Нижегородского
государственного инженерно-экономического
университета
nzanozin@mail.ru*

Горохова Светлана Александровна

*кандидат педагогических наук, старший преподаватель,
Институт пищевых технологий и дизайна – филиал
Нижегородского государственного инженерно-
экономического университета
sveta_gorokhova@mail.ru*

Аннотация: В статье представлены результаты внедрения программы по снижению тревожности и агрессивности среди юношей, осужденных к наказаниям без изоляции от общества. Программа была разработана исходя из результатов диагностического обследования, проводимого на базе уголовно-исполнительной инспекции г. Дзержинска ФКУ УИИ ГУФСИН России по Нижегородской области. На основании полученных в ходе диагностического исследования результатов нами были сделаны соответствующие выводы и доказана целесообразность внедрения программы направленной на снижение тревожности и агрессивности в системе ФСИН в отношении лиц, осужденных к альтернативным видам наказания. Ценность программы заключается в возможности помощи подросткам в отбытии ими наказания и обучению их общепринятым навыкам поведения в обществе.

Ключевые слова: юноши, осужденные к наказаниям без изоляции от общества, ресоциализация, пенитенциарная психология.

Постановка проблемы

В настоящее время вопросы, связанные с коррекцией индивидуально-психологических особенностей юношей, осужденных к наказаниям без изоляции от общества, являются очень востребованными. Они привлекают внимание как общества в целом, так и специалистов различных направлений, в том числе педагогов и психологов.

При изучении индивидуально-психологических особенностей исследователям надо понимать, что осуждение, не связанное с изоляцией подростков от общества, это не освобождение от наказания, а возможность его отбыть на свободе, подразумевающее серьезные ограничения для человека в его общественной жизни [6].

Все эти обстоятельства приводят к неопределенности будущего, опасности возможной социальной изоляции усиливают угнетенное состояние, приводят к тревожности, нарушениям в поведении, депрессиям и агрессивности [4]. Напряженное психологическое состояние, усугубляется переживаниями, связанными с кризисом подросткового возраста [5].

В соответствии с темой нашего исследования важнейшим определением будет понятие психологического сопровождения осужденных без изоляции от общества. Наиболее точное и четкое определение дается З.А. Колесниковой, которая рассматривает психологическое сопровождение лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества как форму регуляции девиантного поведения [1].

Анализ источников по указанной тематике свидетельствует о достаточно большом количестве исследований в отношении лиц, осужденным к наказаниям, связанным с изоляцией от общества. Прежде всего, это конечно касается лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы и совсем не уделяется внимание индивидуально-психологическим особенностям осужденных к альтернативным видам наказания. Данный пробел является серьезной проблемой, в связи с тенденцией постоянного роста числа лиц, осужденных к наказаниям без изоляции от общества.

В этой связи большой интерес для нас представляет исследование Н.Е. Колесниковой. По ее мнению, основной целью психологического сопровождения является интегративное включение индивида в социальную среду [2].

Проведенная нами работа по внедрению программы связанной со снижением тревожности и агрессивности, была ориентирована на юношей возраста 16 – 17 лет. Как показывает практика исполнения наказаний, именно юноши данного возраста чаще всего совершают наиболее тяжкие и опасные преступления.

Изложение основного материала статьи

В нашем эмпирическом исследовании мы использовали следующие психодиагностические методики:

- Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера (в адаптации Ю.Л. Ханина).
- Личностный опросник Г. Айзенка (подростковый вариант).
- Личностная агрессивность и конфликтность (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев).

— Опросник «Самочувствие, активность, настроение» (В.А. Доскин, Н.А. Лаврентьева, В.Б. Шараев, М.П. Мирошниченков) [8].

В исследовании приняло участие 60 юношей, осужденных к альтернативным видам наказания. Исследование проводилось на базе филиала уголовно-исполнительной инспекции г. Дзержинска ФКУ УИИ ГУФСИН России по Нижегородской области.

На первом этапе исследования нами была проведена диагностика по выявлению проблем, связанных с индивидуально-психологическими особенностями подростков. Результаты диагностического исследования по методике САН свидетельствуют о достаточно хороших показателях исследуемых респондентов, небольшие проблемы, связанные с активностью, не являются проблемой для подростков.

Применение опросника Г. Айзенка, позволило нам определить тип темперамента исследуемых юношей. Преобладающим типом темперамента среди исследуемых подростков являются сангвиники – 27 (45%). Можно так же говорить о большом количестве юношей 22 (37%) холериков и о полном отсутствии такого типа темперамента как меланхолики.

Более подробно необходимо остановиться на методике Е.П. Ильина, П.А. Ковалева, которая направлена на выявление склонности субъекта к конфликтности и агрессивности [3]. Результаты тестирования представлены в таблице 1.

Таким образом, нами были выявлены проблемы, связанные с негативной и позитивной агрессией, в меньшей степени проявляются в конфликтности.

Таблица 1.

Показатели агрессивности и конфликтности.

	Позитивная агрессия		Негативная агрессия		Конфликтность	
	Норма	Выше нормы	Норма	Выше нормы	Норма	Выше нормы
Количество человек	36	24	36	24	48	12
%	60	40	60	40	80	20
Средний балл	4,36	8,2	4,91	8,37	5,66	8,16

Таблица 2.

Показатели личностной и ситуативной тревожности.

	Ситуативная тревожность (СТ)			Личностная тревожность (ЛТ)		
	Высокий уровень	Умеренный уровень	Низкий уровень	Высокий уровень	Умеренный уровень	Низкий уровень
Количество человек	0	30	30	42	12	6
%	0	50	50	70	20	10
Средний балл	0	39,43	33,6	52,76	37,16	32,5

С целью диагностики личной и ситуативной тревожности нами была использована методика диагностики тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина [8].

Результаты по данной методике представлены в таблице 2.

По приведенным в таблицах данным, отчетливо видно, что уровень ситуативной тревожности у большинства несовершеннолетних юношей находится либо на низком, либо умеренном уровне. Однако, уровень личной тревожности осужденных является высоким у подавляющего большинство исследуемых подростков (70%).

Для проведения дальнейшего исследования нами были выделены две группы юношей. В первую экспериментальную группу будут входить подростки, имеющие наиболее высокие показатели по шкале негативной агрессии и личностной тревожности – 20 юношей.

Во вторую группу вошли подростки имеющие показатели в норме, или близкие к ней – 40 юношей.

На формирующем этапе исследования с участниками экспериментальной группы была разработана и реализована тренинговая программа по снижению агрессивности и тревожности подростков.

Цель программы: снижение тревожности и агрессивности подростков.

Задачи:

1. Обучать приемам реагирования негативных эмоций и регулирования своего эмоционального состояния;
2. Обучать способам целенаправленного поведения, внутреннего самоконтроля и сдерживания негативных импульсов;
3. Формировать адекватную самооценку;
4. Формировать навыки межличностного общения.

Коррекционная программа рассчитана на 12 академических часов: 12 аудиторных занятий по 60 минут, проводятся 3 раза в неделю.

Сроки реализации методики: 1 месяц.

Предполагаемые результаты реализации программы – это снижение уровня тревожности и агрессивности.

Календарно - тематическое планирование упражнений с юношами, осужденными к наказаниям без изоляции от общества, представлено в таблице 3.

Следующим очень важным направлением программы будет работа с родителями. Обстановка дома и содействие родителей будет положительно способствовать реализации программы. Правильный подход и участие

Таблица 3.

Календарно-тематическое планирование занятий с юношами, осужденными к наказаниям без изоляции от общества.

Мероприятие	Цель
Занятие 1. Вводное	Знакомство участников друг с другом, правилами.
Занятие 2. О пользе и вреде эмоций.	Актуализация опыта и знаний, относящихся к эмоциональной сфере.
Занятие 3. Эмоции правят мною или я ими.	Умение управлять и регулировать свои эмоции.
Занятие №4. В поисках достойных путей выражения чувств.	Обучение умению распознавать и описывать свои чувства и чувства других людей, а также пониманию относительности в оценке чувств.
Занятие №5. Обида.	Закрепление навыков уверенного поведения; обучение тому, как справляться с обидой; формирование более адекватной самооценки.
Занятие №6. «Я учусь владеть собой» Тревожность.	Снятие симптомов тревожности у подростков. Формирование навыков саморегуляции.
Занятие №7. Мир глазами агрессивного человека	Обучение подростков навыкам распознавания деструктивного поведения; формирование более адекватной самооценки на основе обратной связи; создание позитивного эмоционального фона в группе.
Занятие №8. Я контролирую свой гнев.	Снижение уровня агрессивности путем обучения навыкам адаптивного поведения, предупреждение и преодоление агрессивного, конфликтного поведения. Формирование навыков саморегуляции.
Занятие №9. Настаивание на своей точке зрения.	Научить подростков неагрессивно настаивать на своем мнении.
Занятие №10. Я и другие.	Осознание своего «Я», анализ индивидуальных особенностей.
Занятие 11. Повышение самооценки.	Формирование чувства уверенности, повышение самооценки; поддержание позитивной самооценки.
Занятие 12. Заглянем в будущее.	Создание условий для саморазвития; формирование навыков построения жизненной перспективы.

Тематическое планирование работы с родителями.

Мероприятие	Содержание
Беседа с родителями	Выявление проблем у подростков в семье и во взаимоотношениях со сверстниками в общеобразовательных учреждениях.
Собрание с родителями, чьи дети являются участниками тренинга.	Демонстрация результатов проведенного диагностического исследования. Рассказ о целях и задачах программы, знакомство родителей с основными блоками программы.
Проведение открытого занятия.	Приглашение родителей на одно из занятий тренинга (по желанию).
Совместная встреча сотрудников УИИ с родителями.	Дискуссия о проблемах подростков. Выступление сотрудников УИИ по вопросам профилактики противоправного поведения подростков. Особое внимание необходимо уделить теме агрессивности и тревожности и их влияние на поведение детей.
Собрание с родителями.	Подведение итогов программы, обсуждение ее результатов и ее последствия на поведение подростков дома и в учебном заведении.

родителей в реализуемой программе будет очень важным и положительным фактором позитивного воздействия и влияния на подрастающее поколение.

Программа работы с родителями включают в себя пять мероприятий, указанных в таблице 4.

Коррекционно-развивающая программа будет неполной без проведения методической работы. Данные мероприятия направлены на совершенствование знаний в области психологии сотрудников уголовно-исполнительной инспекции, занимающихся вопросами осуществления контроля, за лицами, осужденными к наказаниям без изоляции от общества, а так же родителей подростков принимающих участие в программе. Данная деятельность должна позволить сотрудникам учреждения, родителям, педагогам обогатить свои психологические знания, а сотрудникам учреждения еще и оптимизировать работу с категорией осужденных без изоляции от общества.

Методическая работа состоит из следующих мероприятий:

1. Оперативное совещание сотрудников уголовно-исполнительной инспекции;
2. Совместная работа с образовательными учреждениями, где проходят обучение юноши, осужденные к наказаниям без изоляции от общества;
3. Выставка литературы на базе уголовно-исполнительной инспекции (памятки, брошюры, сайт);
4. Работа с заинтересованными службами, участвующими в профилактической работе с юношами, осужденными к наказаниям без изоляции от общества.

Таким образом, разработка программы строилась в соответствии с целями и задачами нашего исследования. При этом учитывались возрастные и индивидуальные особенности подростков, осужденных к альтернативным видам наказания.

После внедрения коррекционно-развивающей программы был проведен контрольный этап эксперимента. На данном этапе была проведена повторная диагностика осужденных юношей с целью выявления достоверно значимых отличий показателей тревожности и агрессивности на начало и конец эксперимента. Для этого были использованы те же методики, что и на этапе констатирующего эксперимента. При этом наиболее пристальное внимание нами было уделено именно тем методикам, по которым на этапе констатирующего эксперимента были выявлены наиболее высокие показатели:

1. «Личная агрессивность и конфликтность Е.П. Ильина, П.А. Ковалева».
2. Диагностика тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина.

После проведения контрольного этапа были получены результаты, которые отражены в таблице 5.

Результаты диагностики экспериментальной группы на контрольном этапе свидетельствуют о незначительных позитивных изменениях в индивидуально-психологических особенностях юношей, осужденных к альтернативным видам наказания. Так результаты тестирования на предмет негативной агрессии по методике «Личная агрессивность и конфликтность Е.П. Ильина, П.А. Ковалева» свидетельствуют о том, что показатели по данной шкале практически не изменились. Исходя из среднего балла, полученного при тестировании до и после проведения тренинга, изменения в лучшую сторону по шкале негативной агрессии будут незначительными, а именно на 0,8 балла.

Что касается изменений шкалы личностной тревожности по методике «Диагностика тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина», то позитивные изменения в лучшую сторону более значительные. Так, исходя из сравнительного анализа средних показателей до и после проведения тренинга, негативная агрессия у подростков контрольной группы уменьшилась в среднем на 3,35 балла, что является положительным, но в целом

Таблица 5.

Результаты изучения тревожности, агрессивности и конфликтности у экспериментальной группы до и после формирующего эксперимента.

Методики	Шкалы	Средний балл до тренинга	Средний балл после тренинга
«Диагностика тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л.Ханина»	Личностная тревожность	57,8	54,45
	Ситуативная тревожность	38,15	37,65
«Личная агрессивность и конфликтность Е.П. Ильина, П.А. Ковалева».	Конфликтность	6,75	6,9
	Негативная агрессия	8,85	8,05
	Позитивная агрессия	5,85	6,25

незначительным позитивным изменением. Общий средний балл контрольной группы по-прежнему является очень высоким – 54,45. В соответствии с ключом к тесту «Диагностика тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина» данный показатель свидетельствует о высокой степени личностной тревожности подростков контрольной группы. Тем не менее, мы можем говорить о положительной динамике, которая наблюдается после проведения нашей тренинговой программы.

Проведенное исследование показало, что после проведения формирующего этапа эксперимента у подростков экспериментальной группы наблюдаются незначительные позитивные изменения, особенно по шкале личностной тревожности по методике «Диагностика тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина».

Тем не менее, проведенная тренинговая программа, направленная на нормализацию негативной агрессии и личностной тревожности у юношей, осужденных к наказаниям без изоляции от общества, считаем достаточно полезной. Проведенный комплекс мероприятий (в виде тренинга, практических упражнений и игр, рефлексивных техник) благоприятно сказался на общем состоянии подростков, наметилась положительная тенденция в поведении юношей, незначительно, но изменились в лучшую сторону показатели по негативной агрессии и личностной тревожности.

Выводы

В ходе внедрения коррекционно-развивающей программы, нами была реализована цель и все поставленные задачи.

После проведения контрольного тестирования нами были получены результаты, свидетельствующие о незна-

чительных позитивных изменениях в индивидуально-психологических особенностях юношей, осужденных к альтернативным видам наказания.

Так результаты тестирования на предмет негативной агрессии по методике «Личная агрессивность и конфликтность Е.П. Ильина, П.А. Ковалева» свидетельствуют о том, что показатели по данной шкале практически не изменились. Исходя из среднего балла, полученного при тестировании до и после проведения тренинга, изменения в лучшую сторону по шкале негативной агрессии будут незначительными.

Что касается изменений шкалы личностной тревожности по методике «Диагностика тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина», то позитивные изменения в лучшую сторону более значительные.

Анализ полученных в ходе исследования результатов, исходя из t-критерий Стьюдента, свидетельствует о незначительных изменениях после внедрения коррекционно-развивающей программы. Так, исходя из таблицы критических значений, полученные показатели находятся в зоне незначительности.

Тем не менее, подводя итоги формирующего эксперимента, мы можем говорить о положительной динамике, которая наблюдается после проведения нашей тренинговой программы. Поведение юношей, осужденных к наказаниям без изоляции от общества, изменилось в лучшую сторону.

Таким образом, можно говорить о целесообразности внедрения программы в рамках системы исполнения наказания, направленной на снижение тревожности и агрессивности осужденных юношей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесникова З.А. Психологическое сопровождение лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2010 г. – С. 16-17// URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-psihologicheskogo-soprovozhdeniya-osuzhdennykh-k-nakazaniyam-bez-izolyatsii-ot->

- obschestva (Дата обращения: 10.12.2022).
2. Колесникова З.А. Психологическое сопровождение лиц, осужденных отбывающих наказание без изоляции от общества: учебное пособие. Псков, 2014 – С. 67-68
 3. Методическое руководство. Сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» [Текст] / Н.В. Дворянчиков, В.В. Делибалт, Е.Г. Дозорцева, М.Г. Дебольский, А.В. Дегтярев, Р.В. Чиркина, А.В. Лаврик, – Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. 198 с.
 4. Морозова Л.Б. Горбунов В.П. Проблемы выявления склонности к пассивной агрессии [Текст]// Нижегородский психологический альманах. 2021. № 2. С. 20 // URL: psykaf417.esrae.ru/10-91 (Дата обращения: 30.05.2022).
 5. Никитина А.А., Кара-Гиатур С.Ю. Индивидуально-психологические особенности несовершеннолетних юношей, осужденных к наказаниям без изоляции от общества [Текст] // «Нижегородский педагогический альманах». №2. 2022.
 6. Никитина А.А., Кара-Гиатур С.Ю. Особенности психологического сопровождения различных категорий осужденных [Текст] // «Нижегородский педагогический альманах». №1. 2022.
 7. Психологические тесты для профессионалов [Текст] / авт. сост. Н.Ф. Гребень. – Минск: Современ. шк., 2007. – 496 с.
 8. Сборник психологических тестов. Часть I: Пособие [Текст]/ Сост. Е.Е. Миронова – Мн.: Женский институт ЭНВИЛА, 2005. – 155 с.
 9. Зарембинская Е.Л. Развитие системы наказаний, альтернативных лишению свободы [Текст]// Преступление и наказание. 2012. № 5. С. 8 – 17.

© Кара-Гиатур Сергей Юрьевич (serzh.cara@yandex.ru), Занозин Николай Валерьевич (nzanozin@mail.ru),
Горохова Светлана Александровна (sveta_gorokhova@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина

ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННЫЕ ПРЕДИКТОРЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ ПЕДАГОГОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

VALUE-MOTIVATIONAL PREDICTORS OF JOB SATISFACTION AMONG SCHOOL TEACHERS

**N. Koroleva
S. Shingaev
E. Yesaulova**

Summary: The article presents the results of an empirical study of the value and motivational characteristics of personality, satisfaction with the profession and pedagogical activity of teachers of secondary schools. It is revealed that with an increase in work experience, internal work motivation decreases, satisfaction with professional communication and privileges, high existential meaningfulness of life, which creates prerequisites for professional burnout of teachers. It is shown that the components of satisfaction with activity and profession are mediated by various value-motivational complexes. Satisfaction with external working conditions is characteristic of teachers with internal motivational conflicts and may be compensatory in nature. Satisfaction with certain aspects of the profession is determined by their compliance with the value-motivational orientation of the teacher. The data obtained can be used to develop programs for psychological support of teachers' activities.

Keywords: work motivation, values, career orientations, existence, job satisfaction, teachers.

Королева Наталья Николаевна

Доктор психологических наук, профессор, Российский
государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
korolevanatalya@mail.ru

Шингаев Сергей Михайлович

Доктор психологических наук, доцент, Санкт-
Петербургская академия постдипломного
педагогического образования
sshingaev@mail.ru

Есаулова Екатерина Александровна

Соискатель, Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
ekaterina-esaulo@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования ценностно-мотивационных характеристик личности, удовлетворенности профессией и педагогической деятельностью у педагогов общеобразовательных школ. Выявлено, что с увеличением стажа работы снижается внутренняя трудовая мотивация, удовлетворенность профессиональным общением и привилегиями, высокой экзистенциальной осмысленностью жизни, что создает предпосылки профессионального выгорания педагогов. Показано, что составляющие удовлетворенности деятельностью и профессией опосредованы различными ценностно-мотивационными комплексами. Удовлетворенность внешними условиями труда свойственна педагогам с внутренними мотивационными конфликтами и может носить компенсаторный характер. Удовлетворенность определенными аспектами профессии определяется их соответствием ценностно-мотивационной направленности учителя. Полученные данные могут быть использованы для разработки программ психологического сопровождения деятельности педагогов.

Ключевые слова: трудовая мотивация, ценности, карьерные ориентации, экзистенция, удовлетворенность трудом, педагоги.

Введение

Социокультурные трансформации современности обуславливают повышение значимости системы образования во всех сферах общественной жизни. Образование выступает важнейшим фактором развития экономического и технологического развития общества, является транслятором социокультурного опыта, обеспечивает условия для гармоничного развития личности. В настоящее время возрастают требования к содержанию и качеству образования [9,17]. Трансформация образовательной системы является необходимым ответом на вызовы времени, прежде всего, связанными с усилением роли воспитания и формирования мировоззренческой позиции обучающихся, широким внедрением

цифровых образовательных технологий в образовательный процесс, обеспечением доступности образования для различных категорий обучающихся, с необходимостью подготовки квалифицированных кадров для инновационной экономики страны, обладающих широким спектром универсальных и профессиональных компетенций, способных к самообразованию, саморазвитию и ценностному самоопределению в меняющемся мире [13]. В связи с этим возрастают требования к личности и профессиональной деятельности педагога. Современный педагог не только транслирует обучающимся знания в различных предметных областях, но и формирует целостную картину мира, обеспечивает преемственность ценностей и смыслов, транслирует интеллектуальный и духовный опыт подрастающему поколению.

Роль учителя в современной системе образования – это, прежде всего, роль наставника, воспитателя, обладающего готовностью к реализации педагогической миссии, предполагающей формирование ценностной направленности личности обучающегося, устойчивой гражданской позиции, обеспечение условий для позитивной социализации и самореализации подрастающего поколения¹ [12]. При этом личность учителя, его ценностно-мотивационная направленность оказывает существенное влияние на формирование личности обучающихся. Учитель, осознающий ценность и смысл своего труда, переживающий удовлетворение от своей работы, способный проявлять творческую инициативу, повышать педагогическое мастерство, становится авторитетным значимым взрослым для учеников, пробуждает интерес к познанию, осуществляя воспитание собственным примером [14]. В связи с этим проблема исследования ценностно-мотивационной сферы и удовлетворенности трудом современного учителя приобретает особую актуальность.

Удовлетворенность трудом выступает ключевым фактором эффективности профессиональной деятельности. Это базовая составляющая социального самочувствия сотрудника, целостная характеристика адаптации к профессии, отражающая соответствие условий, процесса и результата труда, ценности и престижа профессии собственным ожиданиям и установкам. Удовлетворенность трудом включает в себя переживание положительных эмоций в процессе работы, позитивное отношение к деятельности и профессии. Удовлетворенность трудом тесно связана с мотивацией профессиональной деятельности, социально-психологическим климатом в коллективе, самооценкой результативности и значимости своего труда [2, 10]. Удовлетворенность педагогов своим трудом является важным фактором, влияющим на качество образования, способствует минимизации рисков в педагогической деятельности, способствует повышению академической успешности обучающихся² [19, 21]. В то же время, удовлетворенность трудом определяет приверженность педагога своей профессии, играет важную роль при принятии решения о продолжении учителем профессиональной деятельности. Низкий уровень удовлетворенности работой может стать причиной высокой трудовой мобильности учителей, приводить к уходу из профессии [15]. Неудовлетворенность профессиональными достижениями, сниженный интерес к работе у педагогов связаны с повышением тревожности, эмоционального дискомфорта [11].

Удовлетворенность профессиональной деятельностью педагогов по данным Линчук Т.П. и др., во многом определяется такими характеристиками, как опыт и стаж работы, социально-психологический климат в коллективе, материальные и организационные условия труда, интенсивность эмоциональных нагрузок [7]. В исследовании Гончар С.Н. выявлено, что в целом у большинства педагогов наблюдается высокий уровень удовлетворенности трудом. Им свойственно позитивное отношение к своей деятельности, стремление к повышению профессиональной квалификации, сотрудничеству, высокая степень ответственности за результат своего труда [1]. В работе Молчановой Л.Н. показано, что педагоги с высокой удовлетворенностью трудом обладают большим адаптационным потенциалом, эмоциональным равновесием, адекватными представлениями о себе и других людях, стремлением к достижению высоких результатов [8]. Как показывают результаты исследования Колесниковой Е.М. и Митрохиной Е.В., снижение удовлетворенности трудом в педагогической деятельности, по мнению учителей, в основном опосредовано неудовлетворенностью заработной платой, большим количеством обучающихся в классах и группах, интенсивностью труда и большими нагрузками, переутомлением, ухудшением здоровья, нехваткой времени на отдых, большим количеством работы с документами, переживанием недостаточной правовой защищенности учителя, низкой престижности профессии, недооценки компетентности учителя руководством и др. Способствует повышению удовлетворенности трудом высокая внутренняя мотивация, возможности самореализации и познания нового, социальная востребованность, любовь к детям [4].

Бесспорно, удовлетворенность трудом тесно связана с мотивацией и ценностной направленностью работников фактически во всех сферах профессиональной деятельности. Но именно в педагогической профессии ценностно-мотивационная сфера личности учителя приобретает особое значение и выступает ведущим фактором, определяющим позитивное отношение к своему труду. В то же время, несмотря на достаточно большое количество исследований данной проблемы, эмпирические результаты, полученные различными исследователями, характеризуются неполнотой и внутренней противоречивостью. Так, по данным исследования, проведенного Кожевиной А.П., Дубровиной С.В., для большинства педагогов характерна высокая мотивация достижения успеха, стремление ставить реалистичные цели, ориентация на самореализацию в карьере и ма-

1 Грохольская О.Г. Детерминанты реализации воспитательного компонента в условиях обновления образования // Обучение, развитие, воспитание нового поколения страны: сборник статей II Всероссийского профессионально-исследовательского конкурса, Петрозаводск, 30 января 2023 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. – С. 7-15.

2 Бреус И. В. Удовлетворенность трудом педагогов образовательной организации // Молодёжь Сибири - науке России: Международная научно-практическая конференция, Красноярск, 27 апреля 2022 года. Том I. – Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии. 2022. С. 111-115.

териальную независимость, стремление к уважению и социальному престижу. Для них важны условия работы, возможности карьерного роста, групповая сплоченность в коллективе, признание заслуг [3]. Несколько иные результаты получены в работе Шабановой Т.Л., Беляевой Т.К., Фоминой Н.В. [16]. Полученные авторами данные показывают, что большинство педагогов имеют высокий уровень организационной лояльности. Ведущими мотивами деятельности выступают не только самореализация и активность, но и материальное жизнеобеспечение. При этом около половины учителей имеет сниженную удовлетворенность трудом. Педагогам также свойственны внутренние конфликты, связанные с высокой самоофективностью и критичностью по отношению к себе. Результаты, полученные Burić I., Мое А., свидетельствуют о том, что самоофективность и положительные эмоции связаны с удовлетворенностью педагогической деятельностью и определяют энтузиазм учителя, который оказывает положительное влияние на когнитивное и личностное развитие обучающихся [18]. Исследование Skaalvik E.M., Skaalvik S. подтверждает связь удовлетворенности трудом с самооценкой достижений, высокой мотивацией деятельности, низким уровнем эмоционального истощения и отсутствием стремления сменить работу у педагогов [20]. По данным Ленской И.Ю. Казаковой А.Ф. [6], ведущими мотивами профессиональной деятельности педагогов выступают осознание ценности и значимости воспитания молодежи, потребность в передаче опыта, увлеченность педагогической деятельностью, переживание ее как призвания. В наибольшей мере педагоги удовлетворены такими аспектами труда, как график работы, условия труда, климат в коллективе, возможности саморазвития, уровень заработной платы. В то же время, молодые педагоги неудовлетворены высоким уровнем ответственности, своими достижениями в работе; педагоги среднего возраста - возможностями самореализации и отношениями с руководством, педагоги старшего возраста испытывают снижение интереса к профессии и сужение возможностей для саморазвития. Интересно, что учителя молодого и зрелого возраста определяют взаимоотношения в коллективе и как фактор, снижающий удовлетворенность трудом. Ларионовой Л.А. [5] выявлено, что высокая удовлетворенность работой связана с ценностными ориентациями на личную и общественную значимость труда, творчество, руководство, общение. Низкая удовлетворенность трудом свойственна педагогом с высокой ценностью материальной обеспеченности, страхом неудачи и осуждения.

Таким образом, анализ современных исследований в области мотивации и удовлетворенности профессиональной деятельностью педагогов показал, что данная проблема имеет высокую актуальность и практическую ценность, однако, результаты различных эмпирических исследований являются фрагментарными, частично несогласованными между собой. Это обуславливает

необходимость дальнейшего изучения взаимосвязей характеристик ценностно-мотивационной сферы с различными аспектами удовлетворенности трудом у учителей. Исходя из этого, целью нашего исследования стало выявление ценностно-мотивационных предикторов удовлетворенности трудом у педагогов общеобразовательных организаций с различным стажем работы.

Организация и методы исследования

В эмпирическом исследовании приняли участие педагоги общеобразовательных школ г. Санкт-Петербурга в количестве 53 человек, из них 6 мужчин и 47 женщин. Все респонденты имеют профильное высшее образование. Средний возраст участников составил 30,1 года, средний стаж работы по педагогической профессии – 7,25 года. В работе были использованы следующие методы: психодиагностическое тестирование, опросные методы (анкетирование), методы математико-статистического анализа данных. Для выявления характеристик ценностно-мотивационной сферы педагогов были использованы следующие методики: опросник для диагностики мотивов профессиональной деятельности специалистов» Т.Н. Францевой; опросник «Якоря карьеры» Э. Шейна в адаптации В.А. Чикер и В.Э. Винокуровой); методика изучения ценностей личности Ш. Шварца в адаптации Карандашева В. Н.; опросник «Шкала экзистенции» А. Лэнгле, К. Орглер, С.В. Кривцовой. Для диагностики удовлетворенности трудом была применена методика изучения мотивации и удовлетворенности профессиональной деятельностью Г.В. Лозовой. Сведения о социально-демографических характеристиках респондентов были собраны посредством разработанной нами анкеты. Математико-статистическая обработка данных осуществлялась посредством описательных статистик, однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), корреляционного анализа с применением коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты исследования

Для выявления различий в выраженности показателей ценностно-мотивационной сферы и удовлетворенности трудом у педагогов общеобразовательных организаций в зависимости от стажа работы нами был применен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). (Таб. 1.)

Как свидетельствуют данные, приведенные в таблице 1, педагоги со стажем работы до 5 лет в большей мере удовлетворены такими характеристиками своей профессии, как возможности для широкого круга общения, получение различного рода профессиональных льгот и привилегий. При этом у молодых учителей более выражена мотивация познания и самореализации в профессиональной деятельности. Они ориентированы на

Таблица 1.

Различия в ценностно-мотивационных характеристиках и удовлетворенности трудом в группах педагогов с различным стажем работы (однофакторный дисперсионный анализ)

Показатели	Стаж работы до 5 лет		Стаж работы более 5 лет		F	p
	среднее	ст. откл	среднее	ст. откл		
Удовлетворенность профессией: возможности для широкого общения	1,81	1,29	0,88	0,83	10,32	0,002
Удовлетворенность профессией: профессиональные льготы и привилегии	1,38	0,92	0,84	0,95	4,13	0,047
Познавательная мотивация	34,10	2,45	32,34	3,19	4,56	0,038
Мотивация самореализации	39,90	6,24	32,59	7,33	14,13	0,000
Карьерная ориентация «Менеджмент»	6,96	1,02	6,34	1,00	4,76	0,034
Карьерная ориентация «Стабильность работы»	6,92	1,59	5,86	1,92	4,41	0,041
Карьерная ориентация «Стабильность места жительства»	5,59	1,97	6,74	1,74	4,97	0,030
Карьерная ориентация «Служение»	7,73	1,25	6,03	1,70	15,55	0,000
Карьерная ориентация «Интеграция стилей жизни»	6,70	1,40	5,50	1,98	5,73	0,020
Ценность «Конформность» (индивидуальные приоритеты)	6,38	2,48	3,50	2,09	20,73	0,000
Ценность «Универсализм» (индивидуальные приоритеты)	4,67	2,76	6,72	2,59	7,54	0,008
Ценность «Стимуляция» (индивидуальные приоритеты)	7,48	3,66	9,38	1,56	6,80	0,012
Ценность «Гедонизм» (индивидуальные приоритеты)	5,29	2,31	6,81	2,31	5,56	0,022
Ценность «Власть» (индивидуальные приоритеты)	7,33	2,59	5,31	2,63	7,55	0,008
Самодистанцирование	34,95	4,60	30,44	5,02	10,96	0,002
Самотрансценденция	60,71	8,32	52,13	13,05	7,16	0,010
Свобода	42,43	6,58	35,75	6,59	13,03	0,001
Персональность	95,67	10,54	82,56	14,85	12,26	0,001
Экзистенциальность	86,33	12,96	75,94	13,82	7,53	0,008
Общий показатель экзистенциальной исполненности	182,00	18,85	158,50	26,41	12,43	0,001

служение, менеджмент, стабильную работу, интеграцию стилей жизни, на ценности конформности и власти. У педагогов со стажем до 5 лет более выражены такие характеристики экзистенции, как свобода, персональность, экзистенциальность, переживание экзистенциальной исполненности. Учителя со стажем работы более 5 лет менее удовлетворены коммуникативными возможностями в профессии, льготами и привилегиями. Они в меньшей степени стремятся к познанию и самореализации, в карьере более ориентированы на стабильности места жительства, меньше переживают наполненность жизни смыслами. В их индивидуальные ценностные приоритеты включаются универсализм, гедонизм, стимуляция.

В результате корреляционного анализа были выявлены взаимосвязи характеристик удовлетворенности трудом и показателями ценностно-мотивационной сферы у педагогов. Рассмотрим достоверные (на уровне статистической значимости 0,01) корреляции показателей удовлетворенности деятельностью и ценностно-мотивационных характеристик. Необходимо отметить, что высокий

ранг ценности (методика Ш. Шварца) означает ее низкий приоритет (наиболее приоритетная ценность имеет ранг 1), соответственно здесь и далее отрицательная корреляция интерпретируется как высокая значимость ценности. Так, учителя с выраженной познавательной трудовой мотивацией выше оценивают удовлетворенность содержанием профессиональной деятельности ($r=-0,60$). При этом удовлетворенность общественной значимостью деятельности выше у педагогов с низкой значимостью трудовой мотивации жизнеобеспечения ($r=-0,46$), но ориентированных на стабильность места жительства ($r=0,41$). Удовлетворены организацией труда учителя с низким уровнем экзистенциальной исполненности жизни ($r=-0,41$), низкой значимостью служения в карьере ($r=-0,38$), ориентированных на достижения ($r=-0,40$), но не ценящие универсализм ($r=0,57$). Позитивно оценивают местоположение работы педагога с низкой ценностью гедонизма ($r=0,36$), высокой ценностью традиций ($r=-0,37$), сниженным переживанием ответственности ($r=-0,37$) ориентированные на стабильность места жительства ($r=0,37$). Высоко оценивают санитарно-гиги-

енические условия труда респонденты с невысокой коммуникативной мотивацией ($r=-0,37$) и активностью в работе ($r=-0,44$), сниженной ответственностью ($r=-0,42$), не ориентированные на безопасность ($r=0,42$), но стремящиеся к универсализму и передаче традиций ($r=-0,36$). Неудовлетворенность отношениями с коллегами более свойственна учителям с высоким уровнем экзистенциальной ответственности ($r=-0,38$). Способность к экзистенциальному самодистанцированию у педагогов способствует удовлетворенности отношениями с обучающимися ($r=0,40$). Педагоги, удовлетворенные отношениями с руководством, в меньшей степени реализуют в работе мотивацию активности ($r=-0,41$).

Обратимся к анализу взаимосвязей ценностно-мотивационных характеристик и удовлетворенности профессией. Так, престижность профессии высоко оценивают учителя с высокой значимостью ценностей достижения ($r=-0,35$) и власти ($r=-0,36$). Личным профессиональным статусом удовлетворены те, кто ориентирован на ценность гедонизма ($r=-0,36$), имеет высокую профессиональную мотивацию жизнеобеспечения ($r=0,39$) и активности ($r=0,43$), не ориентирован на стабильность места жительства. ($r=-0,39$). Соответствие профессии характеру выше оценивают учителя с высокой значимостью ценности достижений ($r=-0,49$), низкой ценностью универсализма ($r=0,39$) и гедонизма ($r=0,36$), но со сниженным уровнем экзистенциальной самотрансценденции ($r=-0,38$) и ответственности ($r=-0,41$). Удовлетворенность возможностями для самосовершенствования в профессии связана с ценностной ориентированностью на традиции ($r=-0,36$) и низкой значимостью ценности безопасности ($r=0,45$). Удовлетворенность возможностями для проявления творчества в работе предполагает невысокую значимость профессиональной мотивации взаимодействия с людьми ($r=-0,40$) и жизнеобеспечения ($r=-0,56$), ориентацию на стабильность места жительства в карьере ($r=0,38$), отсутствие стремления к вызову и риску в работе ($r=-0,44$), высокую ценность передачи традиций ($r=-0,38$) и низкую значимость гедонизма ($r=0,42$). Возможности для широкого общения, которые предоставляет профессия, высоко оценивают учителя с выраженной мотивацией самореализации ($r=0,68$) и жизнеобеспечения ($r=0,44$), ориентированные при построении карьеры на профессиональную компетентность ($r=0,56$), служение ($r=0,48$), интеграцию стилей жизни ($r=0,39$), ценящие универсализм ($r=-0,36$), самостоятельность ($r=-0,52$), гедонизм ($r=-0,40$), с высоким уровнем самотрансценденции ($r=0,45$), персональности ($r=0,53$), общей экзистенциальной исполненности собственной жизни ($r=0,41$). Удовлетворенность материальной стороной профессии, доходами у педагогов также коррелирует с мотивацией жизнеобеспечения ($r=0,50$) и самореализации ($r=0,67$), с ориентацией на профессиональную компетентность ($r=0,46$), служение ($r=0,53$), интеграцию стилей жизни ($r=0,50$), на ценности универсализма ($r=-0,36$), само-

стоятельности ($r=-0,52$), гедонизма, ($r=-0,540$), с высоким уровнем самотрансценденции ($r=0,54$), свободы ($r=0,37$), персональности ($r=0,56$), экзистенциальной исполненности ($r=0,48$). Позитивная оценка профессиональных льгот и привилегий связана с мотивацией самореализации ($r=0,42$), карьерными ориентациями на служение ($r=0,41$) и интеграцию стилей жизни ($r=0,38$), низкой ценностью власти ($r=0,40$), высокими показателями экзистенции – самотрансценденция ($r=0,53$), свобода ($r=0,40$), ответственность ($r=0,36$), персональность ($r=0,52$), экзистенциальность ($r=0,40$), общий уровень экзистенциальной исполненности ($r=0,51$).

Обсуждение результатов

В результате проведенного эмпирического исследования выявлена специфика ценностно-мотивационных предпосылок удовлетворенности трудом у учителей общеобразовательных организаций с различным стажем работы. Молодые педагоги более позитивно оценивают возможности коммуникации, льготы и привилегии профессии учителя; для них более значима внутренняя мотивация деятельности. В построении карьеры играет значимую роль стабильность работы, управление другими людьми, а также реализация гуманистической миссии, и в то же время, возможность сочетания работы с другими сферами жизни, такими, как семья, дружеское общение, хобби и т.п. Им свойственна более высокая значимость ценностей, предполагающих сдерживание социально неприемлемых действий и побуждений, стремление к доминированию. Для данной группы педагогов характерно переживание экзистенциальной исполненности, связанной с эвдемонистическим психологическим благополучием. Они способны внутренне дистанцироваться от собственных эмоций и представлений, оценивать жизненные ситуации с различных позиций; осознают ценность своего внутреннего мира, цели собственной жизни, переживают причастность к миру и другим людям, Молодые учителя в большей степени чувствуют себя внутренне свободными и открытыми, стремятся менять жизнь в лучшую сторону. С возрастанием стажа работы снижается удовлетворенность коммуникацией и профессиональными привилегиями, профессиональная мотивация познания и самореализации, чувство наполненности жизни экзистенциальными смыслами. Педагоги со стажем работы более 5 лет в большей степени ориентированы на стабильность места жительства, ценят стремление к благополучию людей и природы; вместе с тем, для них становится важным наслаждение жизнью и новые впечатления. По всей видимости, это связано с проявлениями профессионального выгорания и попытками его компенсации через повышение ценности универсализма, актуализацию потребностей в разнообразии, и положительных эмоциях.

Различные аспекты удовлетворенности деятельно-

стью и профессией у педагогов опосредованы разными ценностно-мотивационными комплексами. Среди характеристик удовлетворенности деятельностью в большей степени с ценностно-мотивационной сферой связана удовлетворенность условиями труда. Так, позитивная оценка организации труда свойственна учителям, ориентированным на собственные достижения, но не считающим важными служение и защиту благополучия других, внутренне закрытым, неудовлетворенным собственной жизнью. Педагоги, для которых важна стабильность места проживания, не склонные принимать ответственность за свою жизнь, ценящие традиции и групповые нормы поведения, более удовлетворены местоположением работы. Учителя, не стремящиеся к активности и взаимодействию в работе, переживающие сложности в управлении собственной жизнью, но высоко ценящие защиту благополучия других, поддержку традиций, позитивно относятся к санитарно-гигиеническим условиям труда. По всей видимости, удовлетворенность внешними условиями деятельности более свойственна педагогам с внутренними ценностно-мотивационными конфликтами и носит компенсаторный характер. Удовлетворенность внутренними действиями присуща учителям с внутренней трудовой мотивацией и ценностными установками на саморазвитие, реализацию гуманистических смыслов профессии. Так, интерес к содержанию труда испытывают педагоги с выраженной мотивацией познания; высоко оценивают общественную значимость деятельности учителя, которые не испытывают материальных затруднений и связывают свою жизнь с определенным регионом, ценят сложившиеся отношения с его жителями, семьей, друзьями; позитивно оценивают отношения с учениками педагоги, способные к рефлексивному отстранению от собственных переживаний, с высоким уровнем самообладания. В то же время, педагоги с высокой готовностью к целенаправленным действиям, инициативой, часто не удовлетворены отношениями с руководством. Учителя, принимающие на себя ответственность за собственные действия и поступки, с развитым чувством долга, неудовлетворены отношениями с коллегами. Возможно, высокий уровень самостоятельности и активности не всегда воспринимается позитивно руководителями авторитарного стиля, обостренное чувство ответственности и долга приводит к высокой требовательности по отношению к сотрудникам.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди различных аспектов удовлетворенности профессией в наибольшей степени связаны с ценностно-мотивационной сферой возможности широкого общения, материальные доходы, льготы и привилегии профессии. Учителя, сочетающие внешнюю и внутреннюю мотивацию труда, связанную как с материальным вознаграждением, так и с саморазвитием, ориентированные на самостоятельность, профессионализм и служение людям, ценящие возможность сочетать работу с другими сферами, получать удовольствие, переживающие уникальные смыслы

собственной жизни, позитивно оценивают уровень доходов, профессиональное общение, а также привилегии, которые дает им профессия. По всей видимости, такие педагоги характеризуются реалистичными ожиданиями от профессии и адекватно оценивают те возможности, которые дает им педагогический труд. Значимость ценностей, связанных с успехом и доминированием, способствует более высокой оценке престижа профессии. Стремление к активным действиям, ориентация на получение удовольствия и материальных благ выступает предпосылкой для удовлетворенности личным статусом в профессии. Удовлетворены возможностями творчества и самосовершенствования в профессии учителя, для которых важно поддерживать и транслировать традиции, ориентированные на стабильную работу. Иными словами, различные типы ценностно-мотивационной направленности педагогов опосредуют удовлетворенность определенными аспектами профессии: это профессиональная компетентность и смысловая наполненность жизни; профессиональные достижения; материальное благополучие; творчество и самосовершенствование в профессии.

Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что ценностно-мотивационные характеристики личности педагогов выступают внутренними предикторами удовлетворенности трудом, однако, внутренняя мотивация, значимость профессиональных ценностей и удовлетворенность профессией может снижаться с увеличением стажа работы, что связано с риском профессионального выгорания. В то же время, позитивное отношение к внешним и внутренним условиям педагогической деятельности связано с различными ценностными ориентирами и мотивацией труда. Высокая оценка педагогами внешних условий может носить компенсаторный характер при выраженных ценностно-мотивационных конфликтах; противоречие между ценностной направленностью и реальным содержанием труда может снижать удовлетворенность внутренними условиями деятельности. При этом прослеживается соответствие типа ценностно-мотивационной направленности и определенных аспектов удовлетворенности профессией, которые придают личностный смысл деятельности педагога. Полученные данные могут стать основой для разработки программ психологического сопровождения деятельности учителя, повышения мотивации и психологического благополучия педагогов. Безусловно, удовлетворенность трудом является полидетерминированным явлением и определяется не только личностными, но и объективными факторами. В связи с этим перспективой работы может стать выявление взаимосвязей ценностно-смысловых характеристик и показателей удовлетворенности трудом с различными параметрами образовательной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончар, С.Н. Исследование удовлетворенности профессиональной деятельностью учителей // Психологическое благополучие современного человека: Материалы Международной заочной научно-практической конференции. Екатеринбург, 20 марта 2019 года. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, Российское психологическое общество. 2019. С. 671-675.
2. Зоркова В.А., Козлова В.Э. Технология оценки удовлетворенности трудом персонала современной организации // Вестник экономики, права и социологии. 2022. №3. С. 152-155.
3. Кожевина А.П., Дубровина С.В. Мотивация профессиональной деятельности педагогов общеобразовательных организаций // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. №5. С. 39-43.
4. Колесникова Е.М., Митрохина Е.В. Воспитатели и учителя об условиях труда и организационной поддержке // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. №1. С. 13-34. DOI:10.19181/vis.2017.20.1.443
5. Ларионова Л.А. Взаимосвязь ценностных ориентаций и удовлетворенности профессиональной деятельностью у учителей начальных классов // Социальная компетентность. 2021. Т. 6, № 1(19). С. 47-59.
6. Ленская И.Ю., Казакова А.Ф. Удовлетворенность трудом как основополагающий фактор результативности педагогической деятельности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. №. 7 (160). С. 16-25.
7. Линчук Т.П., Михалева И.М., Посканная Д.П. Социально-психологические факторы, влияющие на удовлетворенность педагогической деятельностью // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. №. 8 (79). С. 282-287.
8. Молчанова Л.Н. Критериально-функциональное содержание профессионально-личностной идентичности у педагогов высшей школы с учетом удовлетворенности профессиональной деятельностью // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347. С. 142-146.
9. Мусаелян Л.А., Зырянов С.Г. Глобальные вызовы России и некоторые проблемы системы отечественного высшего образования // Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 40—52. DOI 10.22394/1996-0522-2022-2-40-52.
10. Пацакула И.И. Организационно-управленческие и социально-психологические условия повышения удовлетворенности трудом персонала предприятия // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. 2020. Т. 2. № 3(8). С. 103-108.
11. Погорелов Д.Н. Взаимосвязь удовлетворенности трудом и тревожности у педагогов образовательных учреждений различного типа // Тенденции дополнительного профессионального образования в контексте современной образовательной политики: материалы VII Международной научно-практической конференции. Челябинск, 6 декабря 2016 г. / Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования. Челябинск: ЧИППКРО, 2016. С. 129-135.
12. Скуднова Т.Д. Институт наставничества как социальный феномен // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. №1. С. 258-263.
13. Соловьева Т.С. Глобальные вызовы Российской системы образования // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 9 (431). С. 201-209. DOI:10.24411/1994-2796-2019-10923
14. Удалова А.Э. К вопросу об актуализации наследия КД Ушинского в подготовке современного педагога // Вестник МГПУ. Серия «современный колледж». 2023. №1(5). С. 58-66.
15. Филинкова Е.Б. Удовлетворенность трудом как фактор готовности педагогов к смене работы // Вестник Брянского государственного университета. 2015. №2. С. 122-126.
16. Шабанова Т.Л., Беляева Т.К., Фомина Н.В. Изучение социально-психологических характеристик эффективности педагогического коллектива в зависимости от мотивационно-личностных качеств учителей // Проблемы современного педагогического образования. 2020. №. 67-2. С. 352-356.
17. Яковлева Н.Г. Российское образование: глобальные и национальные вызовы формированию человеческого потенциала // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. №1. С. 36-46.
18. Burić I., Moe A. What makes teachers enthusiastic: The interplay of positive affect, self-efficacy and job satisfaction // Teaching and teacher education. – 2020. Т. 89. С. 103008.
19. Gradišek P., Habe K. Calling at work—important predictor of job satisfaction in university teachers // Pedagogoska Obzorja. 2020. Vol. 35. №. 3-4. С. 179-194.
20. Skaalvik E.M., Skaalvik S. Teacher burnout: relations between dimensions of burnout, perceived school context, job satisfaction and motivation for teaching. A longitudinal study // Teachers and Teaching. 2020. Т. 26. №. 7-8. С. 602-616.
21. Stankovska G., Angelkoska S., Osmani F., Grncarovska S.P. Job Motivation and Job Satisfaction among Academic Staff in Higher Education. Current Business and Economics Driven Discourse and Education: Perspectives from Around the World. BCES Conference Books. 2017. Vol. 15. pp. 159–166.

© Королева Наталья Николаевна (korolevanatalya@mail.ru), Шингаев Сергей Михайлович (sshingae@mail.ru),

Есаулова Екатерина Александровна (ekaterina-esaulo@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА И ВЫДЕЛЕННЫХ АСПЕКТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

STUDY OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PROFESSIONAL STRESS AND SOME ASPECTS OF THE PSYCHOLOGICAL HEALTH OF THE MILITARY PERSONNEL

A. Kurbanov
A. Stepanov
V. Fateeva

Summary: The article considers the results of the study of the level of severity and features of the relationship between professional stress and the psychological health of civil servants, analyzes the correlation relationship between professional stress and the psychological health of military personnel.

Keywords: stress, level of professional stress, psychological health.

Курбанов Артур Хусаинович

доктор экономических наук, профессор, Военная академия материально-технического обеспечения имени А.В. Хрулева
kurbanov-83@yandex.ru

Степанов Андрей Юрьевич

Военная академия материально-технического обеспечения имени А.В. Хрулева

Фатеева Виктория Владимировна

Тольяттинский государственный университет
vika.09_92@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены результаты исследования уровня выраженности и особенностей взаимосвязи профессионального стресса и психологического здоровья государственных служащих, проанализирована корреляционная взаимосвязь профессионального стресса и психологического здоровья военнослужащих.

Ключевые слова: стресс, уровень профессионального стресса, психологическое здоровье.

В современных условиях происходит преобразование системы взаимодействия человека с окружающей его средой. С одной стороны, новые технологии приносят в жизнь индивида значительную долю комфорта и удобства, а с другой – увеличивает количество отрицательных факторов, оказывающих на него непосредственное влияние. Так, с каждым днем меняется устоявшийся порядок коммуникации в различных сферах общества, растет темп профессиональной деятельности, социальной напряженности. Все это не может не способствовать развитию усталости, которая в свою очередь зачастую приводит к нарушениям в психических и физиологических процессах организма.

Стресс – это неотъемлемая часть жизнедеятельности современного человека. Многие люди испытывают постоянное стрессовое состояние по тому или иному поводу. Профессиональный стресс занимает одно из ключевых мест в системе стресс-факторов и их влияния, как на физическое, так и на психологическое здоровье человека. Однако, невзирая на большую значимость проблемы нарушений психологического здоровья человека, связанных с факторами профессионального стресса, проблема изучения причины происхождения и характера проявления самого профессионального стресса на примере представителей отдельных профессий недостаточно изучена и мало представлена в научной литературе.

Данное противоречие позволяет сформулировать проблему исследования, которая состоит в определении особенностей появления и протекания профессионального стресса у государственных служащих и в выявлении особенностей взаимосвязи с выделенными аспектами психологического здоровья.

Сегодня наиболее актуальным является изучение влияния профессионального стресса на психологическое здоровье государственных служащих, в особенности военнослужащих, поскольку их деятельность характеризуется высоким уровнем стрессогенности и затрагивает вопросы не только жизни и здоровья отдельного индивида, но и вопросы национальной безопасности [5].

Выявление особенностей взаимосвязи уровня профессионального стресса и определенных аспектов психологического здоровья личности государственного служащего является целью данного исследования.

Основными задачами исследования являются:

- проведение анализа отечественной и зарубежной литературы по изучению проблемы профессионального стресса;
- экспериментальное изучение взаимосвязи между уровнем проявления профессионального стресса, определенных факторов профессиональной деятельности и состоянием психического здоровья.

вья госслужащих;

- формулирование выводов о проделанной работе.

В теоретико-методологическую базу исследования входят теоретические положения по проблемам психологического здоровья и профессионального стресса, которые разработаны отечественными и зарубежными психологами такими, как Г.С. Никифоров, В.А. Ананьев, О.В. Хухлаева, И.В. Дубровина, Б.С. Братусь, С.Л. Рубинштейн, А. Маслоу, К. Роджерс и др.

Многочисленные определения понятия «стресс», рассмотренные в литературе, позволяют нам понять, что причины и механизмы его появления также многообразны.

По мнению некоторых зарубежных авторов, стресс отличается временными характеристиками (Д. Брайт, Ф. Джонс) [2]. Отечественные ученые утверждают, что факторы стресса можно разделить на внешние и внутренние (то есть личностные) [3].

Советский и российский психолог В. А. Бодров выделил несколько видов стресса, в его числе и профессиональный стресс. Среди вероятных причин его появления ученый отметил характеристики организации, работы и индивидуальные характеристики [1]. В свою очередь, Н.В. Самоукина выделяет следующие виды профессионального стресса (дистресса) [4]:

- информационный стресс (возникает при необходимости принятия быстрого решения и отсутствии необходимой информации для решения задачи);
- эмоциональный стресс (возникает при ощущении отрицательных эмоций и наличии межличностных деловых конфликтов);
- коммуникативный стресс (связан с индивидуальными особенностями донесения информации работниками).

Таким образом, анализ отечественной и зарубежной литературы показал, что подходы к данной проблеме довольно разнообразны, что говорит о важности исследования вопроса профессионального стресса.

Эмпирической базой является исследование, которое проводилось в нескольких воинских частях в 2023 году. В нём приняли участие 80 военнослужащих мужского пола в возрасте от 18 до 43 лет из них 60 военнослужащих по контракту (20 офицеров (далее «категория 1»), 20 курсантов («далее – «категория 2»), 20 сержантов, старшин, прапорщиков (далее – «категория 3»), 20 военнослужащих срочной службы (далее – «категория 4»).

Эмпирическое исследование было ориентировано на проверку и подтверждение гипотезы о взаимосвязи профессионального стресса государственных служащих с выбранными переменными психологического здоровья.

В связи с этим в исследовании применялись психодиагностические методики, которые широко используются в прикладных психологических исследованиях и зарекомендовали себя как методики надежные и валидные, а именно:

- опросник «Оценка удовлетворенности качеством жизни» Н.Е. Водопьяновой;
- методика на «Выявление личностной и ситуативной тревожности» Ч.Д. Спилбергера, адаптированная Ю.А. Ханиным;
- методика «Шкала организационного стресса» А. Маклина, адаптированная Н.Е. Водопьяновой;
- методика «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда;
- методика «Шкала оценки профессионального стресса» К. Вайсмана.

В эмпирическом исследовании каждая из методик была применена для конкретной цели исследования.

В рамках выявления уровня личностной тревожности у испытуемых групп была применена методика на «Выявление личностной и ситуативной тревожности» Ч.Д. Спилбергера. Данная шкала оценки позволяет определить личности, относимые к категории высокотревожных, низкотревожных и с умеренным уровнем тревожности. При высоком уровне личностной тревожности любая ситуация может обладать стрессовым воздействием на личность и вызывать выраженную тревогу. Очень высокая личностная тревожность прямо коррелирует с наличием невротического конфликта, с эмоциональными и невротическими срывами и психосоматическими заболеваниями [6]. Таким образом, показатель уровня тревожности может являться одним из факторов нарушения психологического здоровья личности государственного служащего.

Данные исследования показали, что на момент проведения опроса средний уровень личностной тревожности присутствовал у 45 % офицеров, 30% курсантов, 30% контрактников, 20% срочников (рис. 1). Высокий уровень тревожности присутствовал лишь у 10 % контрактников.

Для оценки качества жизни был применен опросник Н.Е. Водопьяновой. Главным показателем является переживание психологического благополучия или комфорта, что в свою очередь может служить индикатором динамики здоровья. Такое переживание удовлетворенности связывается, в том числе с удовлетворенностью самореализации и психологическим здоровьем личности. Так, результаты исследования показали, что индекс качества жизни (далее – ИКЖ) всех испытуемых довольно высок, лишь 5% из состава сержантов, старшин, прапорщиков имеют низкий ИКЖ (рис. 2).

Для измерения восприимчивости к организационному стрессу была использована «Шкала организационного

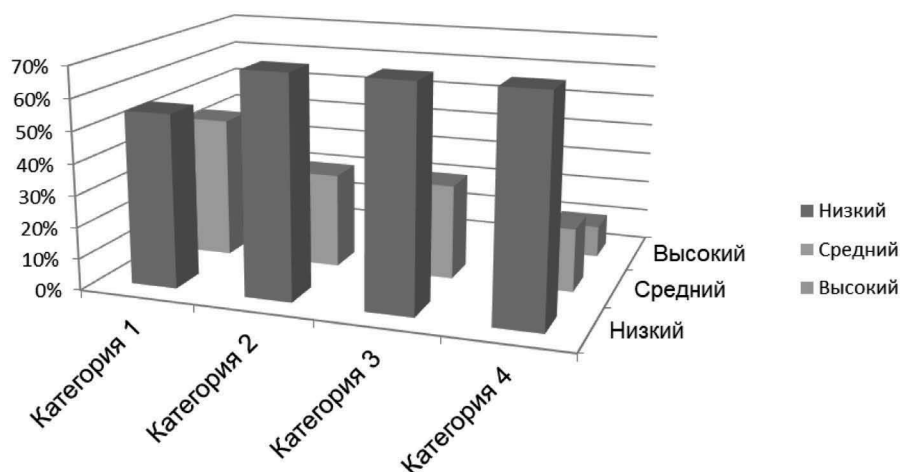

Рис. 1. Уровень личностной тревожности

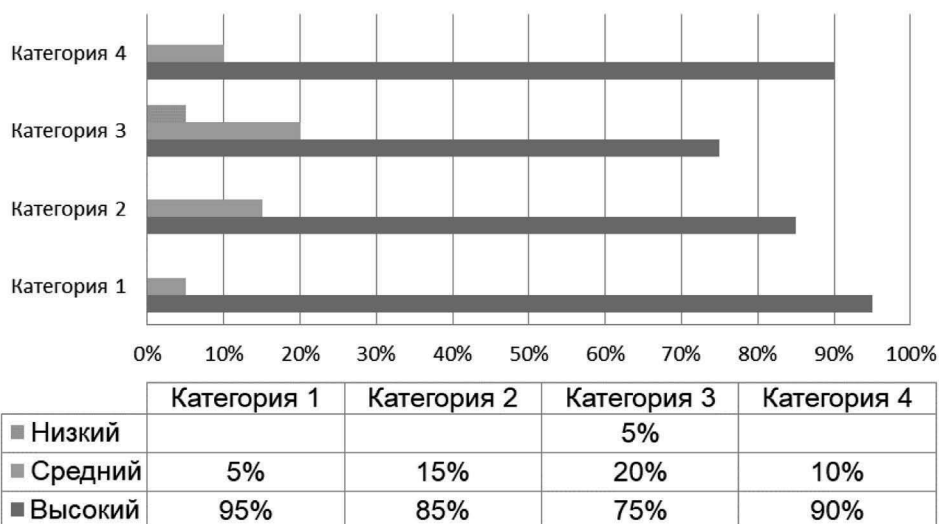

Рис. 2. Оценка качества жизни (ИКЖ)

стресса» А. Маклина, адаптированная и валидизированная Н.Е. Водопьяновой, которая позволяет нам определить общий индекс и несколько дополнительных показателей. При низких значениях индекса организационного стресса мы можем говорить о лучшей восприимчивости к стрессу и устойчивости продуктивной деятельности. Согласно полученным данным низкий уровень организационного стресса наблюдается у военнослужащих срочной службы – 75%. У остальных групп респондентов преобладает средний уровень: 45% из состава офицеров, 40% из состава курсантов, 50% из состава сержантов, старшин, прапорщиков контрактной службы (рис. 3).

Для диагностики уровня выраженности профессионального стресса была применена методика К. Вайсмана. Исследование показало, что у 35% курсантов и 5% опрошенных офицеров, военнослужащих из состава сержантов, старшин, прапорщиков контрактной службы

и военнослужащих срочной службы определен высокий уровень профессионального стресса. В последнее время данный процент испытуемых чувствует больший упадок сил, чем обычно и испытывают трудности в выполнении привычного объема работы. У 70% офицерского состава, 35% у военнослужащих из категории сержантов, старшин, прапорщиков, у 30% курсантского состава, у 30% военнослужащих срочной службы был определен средний уровень профессионального стресса.

Испытуемые, согласно полученным данным, периодически испытывают неприятные чувства: усталость, не способны отвлечься от профессиональных задач или окружающих обстоятельств на некоторое время. Низкий уровень профессионального стресса выявлен у 65% военнослужащих срочной службы, 60% из категории сержантов, старшин, прапорщиков, у 35% курсантов, у 25% офицеров (рис. 4).

Организационный стресс

Рис. 3. Уровень организационного стресса

Профессиональный стресс

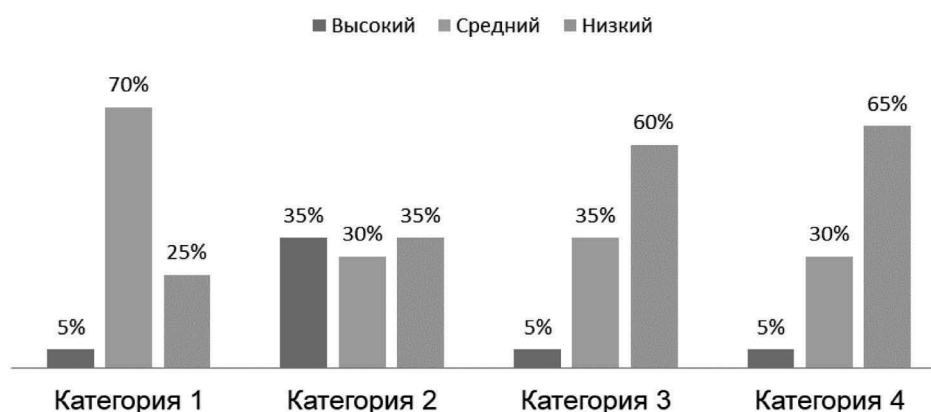

Рис. 4. Уровень профессионального стресса

Показатели высокого и среднего уровня профессионального стресса по данной методике, могут говорить о состоянии напряжения и перегруженности, которое возникает в процессе выполнения служебной деятельности. Профессиональная деятельность государственных служащих (военнослужащих) сопряжена с определенным уровнем ответственности, разнородностью выполняемых задач и обязанностей, часто меняющимся темпом работы, умственной и физической нагрузкой, а также с эмоционально-отрицательными факторами.

Так, опросник К. Роджерса и Р. Даймонда применялся для изучения показателей психологического здоровья. Задачей данной методики является выявление личностных факторов социально-психологической адаптации и дезадаптации, что в свою очередь может помочь разработать программу повышения уровня социально-психологической адаптированности служащих государственной структуры.

В целях проведения анализа по выявлению взаимосвя-

зи профессионального стресса и психологического здоровья личности государственного служащего были выделены следующие интегральные показатели психологического здоровья: адаптация; самовосприятие; принятие других; интернальность; эмоциональная комфортность; стремление к доминированию.

Обнаруженные достоверные корреляционные связи между переменными испытуемых рассмотрим ниже (табл. 1).

Таким образом, положительно коррелированные переменные свидетельствуют о том, что если значение одной переменной возрастает, то другая переменная тоже возрастет. Согласно полученным данным при увеличении уровня профессионального стресса или уровня организационного стресса увеличиваются следующие показатели психологического здоровья: дезадаптивность; неприятие себя и других; внешний контроль; эскапизм.

В частности, при увеличении уровня профессиональ-

Таблица 1.

Данные анализа корреляции между показателями профессионального стресса, организационного стресса и переменными социально-психологической адаптации испытуемых.

Переменные	Организационный стресс	Профессиональный стресс
Адаптивность	-0,502**	-0,451**
Дезадаптивность	0,501**	0,658**
Принятие себя	-0,400*	-0,377*
Непринятие себя	0,511**	0,552**
Принятие других	-0,346*	-0,314*
Непринятие других	0,449**	0,629**
Эмоциональный комфорт	-0,417**	-0,551**
Эмоциональный дискомфорт	0,360*	0,545**
Внутренний контроль	-0,279	-0,068
Внешний контроль	0,528**	0,561**
Доминирование	-0,167	-0,0786
Ведомость	0,450**	0,406**
Эскапизм (уход от проблем)	0,494**	0,648**
Примечание: ** – корреляция значима на уровне $p \leq 0,01$; * – корреляция значима на уровне $p \leq 0,05$.		

ного стресса, неизменно растёт эмоциональный дискомфорт личности.

И наоборот, разнонаправлено изменяются переменные при отрицательной корреляции. Так, увеличение значений переменной, которая отрицательно коррелирована, влечёт за собой уменьшение другой. Так, при снижении уровня профессионального или организационного стресса повышается свойство адаптации личности к окружающим условиям и наоборот. Также, в лучшую сторону меняются такие показатели как: принятие себя и других, растёт уровень эмоционального комфорта личности.

Полученные данные, позволяют сделать следующие выводы:

— имеется взаимосвязь между выделенными пока-

зателями психологического здоровья и уровнем профессионального стресса у государственных служащих (военнослужащих);

— профессиональный стресс и его факторы оказывают или могут оказать прямое влияние на психологическое здоровье личности;

— исследование показало, что военнослужащие с высоким уровнем и средним уровнем профессионального стресса испытывают внутренний дискомфорт, хуже адаптируются к внешним условиям рабочей и социальной среды и её изменениям.

— при разработке мер по антистрессовому управлению важно обратить внимание на то, чтобы они были направлены не только на снижение последствий тех или иных стресс-факторов, но и на их профилактику.

ЛИТЕРАТУРА

- Бодров, В.А. Проблема преодоления стресса. Часть 3. Стратегии и стили преодоления стресса / В.А. Бодров // Психологический журнал. – 2006. – Том 27. – № 3 (27). – С.106-116.
- Брайт, Д. Стресс. Теории, исследования, мифы / Д. Брайт, Ф. Джонс. – СПб.: Прайм - Евронек, 2003. – 352 с.
- Небылицын, В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий / В.Д. Небылицын. – М.: Наука, 1996. – 267 с.
- Самоукина, Н.В. Психология и педагогика профессиональной деятельности / Н.В. Самоукина. – М.: Тандем, КМОС, 1999. – 352 с.
- Сидоренко, О.А. Результаты психодиагностического исследования взаимного влияния адаптационных способностей военнослужащих срочной службы: сборник трудов конференции / О.А. Сидоренко // Психология личностного взаимодействия в современном обществе. – Чебоксары: Среда, 2022. – С. 141-144.
- КонсультантПлюс: справочная правовая система [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_395844/eab2d4e1a9e8ac1b041300236cd0cc8b7023fa0d/ (дата обращения: 01.08.2023 г.).

© Курбанов Артур Хусаинович (kurbanov-83@yandex.ru), Степанов Андрей Юрьевич, Фатеева Виктория Владимировна (vika.09_92@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АГЕНТ-ОРИЕНТИРОВАННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

AGENT-BASED MODELING OF PSYCHOLOGICAL INFLUENCE

V. Latynov

Summary: The article is devoted to the problem of agent-based modeling of the processes of psychological influence and the dynamics of opinions in large groups. Two stages of research (1970-1990; 2000 — present time) in this scientific field are singled out, their main goals and features are characterized. An assessment of the development prospects of agent-based modeling of psychological influence and opinion dynamics was carried out. It is noted that the integration of the achievements of modern psychology into agent models regarding the expansion of the set of impact effects, mechanisms for the stability of people's opinions, data on the variety of means of influence and personalized influence will significantly increase their predictive value and psychological realism.

Keywords: agent-based modeling, psychological influence, agent-based models, effects of psychological influence, personalized influence.

Латынов Владислав Викторович

кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт психологии Российской Академии Наук, Москва
vladlat5@lenta.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме агент-ориентированного моделирования процессов психологического воздействия и динамики мнений в больших группах. Выделено два этапа исследований (1970-1990 гг.; 2000 г. - настоящее время) в данной научной области, охарактеризованы их основные цели и особенности. Проведена оценка перспектив развития агент-ориентированного моделирования психологического воздействия и динамики мнений. Отмечается, что интеграция в агентные модели достижений современной психологии, касающихся расширения набора эффектов воздействия, механизмов стабильности мнений людей, данных о многообразии средств воздействия и персонализированном воздействии позволит ощутимо повысить их прогностическую ценность и психологический реализм.

Ключевые слова: агент-ориентированное моделирование, психологическое воздействие, агентные модели, эффекты психологического воздействия, персонализированное воздействие.

Для изучения систем, состоящих из большого количества взаимодействующих друг с другом агентов, используется агент-ориентированное моделирование. Основными элементами агентных моделей являются: агенты; среда, в которой они находятся; правила взаимодействия агентов друг с другом и со средой. Задавая правила поведения агентов и варьируя числовые параметры этих правил, можно исследовать закономерности изменения системы в целом.

Агент-ориентированное моделирование активно применяется для изучения динамики мнений и процессов психологического воздействия в больших группах. Так, с его помощью ученые стремятся выяснить, при каких условиях происходит поляризация политических представлений [20], каким образом протекают процессы обсуждения в чатах социальных сетей [18], что способствует эффективности кампаний в области сохранения энергии и внедрения новых технологий [7]. Широкое проникновение социальных сетей во многие сферы жизни людей дает дополнительный стимул для развития агентных моделей [9]. Особенностью современного состояния агент-ориентированного моделирования является его выраженный междисциплинарный характер и активное использование данных социальных наук (психологии, социологии и др.) [10].

Проведение агент-ориентированного моделирова-

ния процессов психологического воздействия и динамики мнений проводится посредством сравнения исходного и конечного распределения мнений в группе при «проигрывании» различных сценариев воздействия. Сценарий - это набор конкретных правил, на основе которого строится файл начальной итерации агентного моделирования. В сценарии задаются различные параметры моделирования (количество итераций — актов взаимодействия агентов, количество и типы агентов, распределение мнений в совокупности агентов, правила обмена сообщениями и т.д.). Варьируя те или иные параметры сценария, ученые получают возможность оценивать степень их влияния на динамику мнений в совокупности агентов.

В нашей статье будет рассмотрено текущее состояние исследований в области агент-ориентированного моделирования процессов психологического воздействия и динамики мнений в больших группах, а также проведена оценка перспектив развития данной научной области.

Агент-ориентированное моделирование процессов психологического воздействия и динамики мнений в больших группах имеет достаточно долгую историю. Можно выделить два этапа изучения данного феномена при помощи этого вида моделирования. На первом этапе (1970 -1990-е гг.) основной целью многих агентных моделей было выяснение того, при каких условиях

достигается консенсус мнений в обществе или большой социальной группе [22]. Агентные модели того времени в значительной степени были основаны на представлениях, почерпнутых из области физики. Появился даже соответствующий термин «социофизика» [11]. Отметим, что в дальнейшем подобный редукционистский подход стал терять популярность и ученые, занятые моделированием динамики мнений, все активнее обращались к данным психологических и социологических исследований [10].

Модели, разрабатываемые на первом этапе, в основном характеризовались относительно простыми представлениями о механизмах динамики мнений [22]. Например, во многих случаях мнение агентов носило бинарный характер («за» или «против» некоторой точки зрения), а также допускалась возможность резкого (с «за» на «против») изменения мнений агентов, что в реальности встречается довольно редко. Кроме того, преувеличивалась рациональность агентов, их ориентация на создание истинного, отражающего реальность мнения.

На втором этапе (2000-е гг. - настоящее время) агент-ориентированного моделирования психологического воздействия и динамики мнений произошло изменение основной цели исследования. Ученые стали уделять существенно большее внимание феномену поляризации общества и появлению «крайних», экстремистских групп, в то время как анализ закономерностей достижения консенсуса стал более редок. Помимо трансформации главной цели моделирования, развитие в направлении усложнения и большего соответствия реальности получили и сами агентные модели. Так, произошло изменение представлений о характере мнения агента (от простого, бинарного (за/против) к дискретному, при котором мнение оценивается значением из некоторого континуума).

На современном этапе развития агент-ориентированного моделирования популярна идея наличия различных типов агентов со специфическими наборами характеристик, в результате чего агенты особым образом действуют и реагируют на поступающую к ним информацию. К примеру, можно упомянуть лидеров мнения, т. е. агентов, имеющих большую сеть контактов и оказывающих ощутимое влияние на мнения других участников взаимодействия [6]. Довольно распространенным стало введение в модели и так называемых агентов-экстремистов, занимающих крайнюю позицию по какому-либо вопросу и активно ее пропагандирующих [25].

Усложнились и представления о механизмах, используемых агентами при анализе поступающей информации и трансформации собственного мнения. Примером такого рода может служить модель ограниченной уверенности, учитывающей степень различия мнений меж-

ду двумя взаимодействующими агентами [22]. Если агент А оценивает степень различия своей позиции с позицией агента Б как небольшую (не достигающую некоторого порогового значения), то агент А, рассматривая идущую от агента Б информацию как достоверную и требующую учета, как правило, корректирует свою позицию с учетом этих новых данных. Если же различия позиций агентов А и Б велики (выше определенного порога), то агент А перестает принимать в расчет аргументы агента Б, воспринимая его как чужого, относящегося к другому лагерю.

В настоящее время все больше ученых считает, что при агент-ориентированном моделировании групповой динамики мнений не следует понимать агентов как полностью рациональных, т.е. ориентированных на выработку представлений, отражающих объективную действительность. Во многих случаях люди стремятся придерживаться ранее сформированной позиции, даже при ее несоответствии реальности [2]. С учетом подобных данных в агентные модели все активнее включаются эмоции и когнитивные искажения как факторы, влияющие на формирование мнений агентов [22].

Современные агентные модели учитывают имеющее место в реальной жизни процессы взаимовлияния мнения агента и его сети контактов [13]. Трансформация мнения человека по некоторому вопросу (например, переход от поддержки к отрицанию определенной точки зрения) вызывает полное или частичное изменение его сети контактов. В результате человек начинает чаще общаться со сторонниками разделяемой им позиции, что выступает дополнительным фактором ее стабильности.

Примером ориентированной на достижение психологического реализма модели является агентная модель динамики мнений по проблеме вакцинации [23]. Эта модель включает разнообразные (с точки зрения характера их коммуникативной активности) источники информации, влияющие на формирование мнений «рядовых» агентов о вакцинации: медицинские работники, средства массовой информации, социальное окружение агентов (т. е. другие агенты), социальные сети. Особенностью этой модели является и выделение двух типов сообщений, которыми обмениваются источники информации и агенты: рациональных (основанных на научных фактах) и эмоциональных (содержащих описание конкретных случаев негативных эффектов вакцинации). Их включение обусловлено результатами эмпирических исследований, показавших, что сторонники вакцинации чаще обосновывают свою позицию ссылками на научные данные, а ее противники — эмоциональными нарративами, содержащими конкретные примеры негативных последствий вакцинации [23].

Как мы показали, в настоящее время агент-ориенти-

рованное моделирование динамики мнений и психологического воздействия развивается в направлении большего соответствия разрабатываемых моделей реальности, признания сложности и многообразия закономерностей принятия решений агентами. Вместе с тем, при построении агентных моделей еще не в полной мере используются достижения современной психологии, учет которых позволит ощутимо повысить реализм и прогностическую силу подобных моделей.

Включение данных современных психологических исследований в агентные модели динамики мнений является далеко нетривиальной задачей. Сложность ее решения связана с феноменом многообразия результатов исследований. Дело в том, что при изучении одной и той же проблемы (например, какой фрейминг убеждающих сообщений более эффективен в плане изменения мнения объекта воздействия: подчеркивание выгод от совершения некоторого действия или указание на негативные последствия в случае отказа от рекомендуемого поведения) в различных исследованиях получают отличающиеся друг от друга результаты. Так, в одних работах сообщения, делающие акцент на выгодах, были более эффективны по сравнению с теми, которые делали акцент на потерях, в других работах между этими сообщениями не было различий в эффективности, в-третьих же лучшую эффективность обнаруживали подчеркивающие потери сообщения [19].

Наличие подобной вариативности результатов осложняет включение полученных данных в агент-ориентированное моделирование, поскольку при создании правил поведения агентов необходимо задавать их точное числовое выражение. А как это сделать, если результаты исследований отличаются друг от друга? Для решения этой проблемы полезным будет использование мета-анализов (т. е. работ, в которых обобщаются данные десятков (а порой и сотен) исследований по одной теме). С их помощью можно, во-первых, выяснить среднюю величину взаимосвязи двух переменных (т.е. степень выраженности определенной психологической закономерности), что позволит применить эти данные при создании правил агентных моделей и во-вторых, прояснить, при каких условиях и под действием каких факторов функционирует та или иная закономерность психологического воздействия [5]. Кроме того, с помощью мета-анализов можно не только выделить факторы, значимые с точки зрения эффективности воздействия конкретной стратегии воздействия, но и ранжировать их по степени влияния на эффективность [14].

Можно выделить несколько направлений интеграции психологического знания в агент-ориентированное моделирование групповой динамики мнений и психологического воздействия. По нашему мнению, при создании агентных моделей следует обязательно использовать

результаты исследований, объясняющие стабильность мнений людей во времени и их устойчивость к воздействию. Хотя специалисты по моделированию ориентированы в большей степени на понимание процессов изменения мнений, однако в реальности большинство людей стремится сохранить и защитить уже сложившуюся у них точку зрения, даже в случае появления противоречащей ей информации [2].

Для понимания механизмов устойчивости мнений необходимо учитывать, что единичное, конкретное мнение человека не изолировано, а включено в более широкий личностный контекст и находится в зависимости от других его убеждений и ценностей. Например, предикторами веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 являлись ориентация на консервативные моральные основания лояльности к своей группе и уважение к авторитетам [4]. Отмечалось влияние личностных черт «большой пятерки» на позитивное отношение к мерам профилактики коронавирусной инфекции [1].

Современные исследования в области психологии воздействия показали, что на стабильность во времени аттитюда и его устойчивость к воздействию оказывает влияние степень уверенности человека в той или иной величине аттитюда [8]. Если некто уверен в своей позиции по определенному вопросу, то изменить его мнение будет сложнее по сравнению с другим человеком, занимающим такую же позицию, но менее в ней уверенным. На степень уверенности в аттитюде влияют такие факторы как полярность позиции (люди, как правило, более уверены в своих оценках объектов в тех случаях, когда оценки принимают крайние значения («сильно нравится», «сильно не нравится»)), компетентность источника информации, касающейся объекта аттитюда (чем выше компетентность, тем больше уверенность в аттитюде), сила аргументов, с помощью которых пытаются изменить аттитюд (чем более сильные, убедительные аргументы используются, тем выше уверенность в аттитюде) [24].

Результаты современных исследований дают основания для разработки новых, более соответствующих реальности правил реагирования агентов. В настоящее время при создании агентских моделей используют два основных правила трансформации мнения агента под воздействием поступившей к нему информации: ассимилятивное (в результате происходит приближение мнения агента к мнению сообщения) и правило контраста (если величина различий между мнениями сообщения и агента достигает определенной (пороговой) величины, то агент изменяет свое мнение в обратном направлении от мнения сообщения) [22]. Однако можно говорить о том, что существует по крайней мере еще один их вариант — асимметричное правило. В работе С. Кноблах-Вестервик с соавт. (2015) обнаружено, что под

воздействием убеждающих сообщений изменения atti- тудов проходили только в направлении их упрочения: изначально позитивное отношение к определенному объекту становилось еще более позитивным [15]. Если же убеждающее сообщение было направлено на критику позиции человека, то оно не вызывало ее изменения.

При агент-ориентированном моделировании психологического воздействия редко учитывается тот факт, что эффективность трансляции некоторого мнения во многом зависит от того, при помощи каких средств воздействия осуществляется его передача. Подобная особенность агентных моделей находится в противоречии с результатами психологических исследований, неоднократно указывающих на важную роль средств воздействия как фактора его эффективности [2].

В психологии выполнено большое количество экспериментальных работ, посвященных самым разным тактикам и приемам воздействия: логическому убеждению, фреймингу, нарративам, апелляциям к эмоциям и др. Обнаружена различная эффективность типов сообщений в случае разных тем, ситуаций и объектов воздействия. Например, С. Зебрегс с соавт., выяснили, что сообщения, основанные на фактах и статистических данных, более эффективны при изменении убеждений и atti- тудов людей, а нарративы — при воздействии на их интенции [27]. Ощутимые различия эффективности нарративов наблюдаются в отношении цели воздействия (т. е. типа поведения, которое стремятся изменить с их помощью) [16]. Так, нарративы весьма успешно побуждают людей к проведению диагностики возможных нарушений здоровья и выполнению мер профилактики, однако оказываются неэффективными при попытках заставить людей отказаться от вредных привычек [21].

Эффективность психологического воздействия во многом зависит от соответствия средств воздействия психологическим особенностям людей, на которых оно направлено [2]. При наличии такого соответствия говорят о персонализированном воздействии. Персонализация воздействия, как правило, способствует росту его эффективности [3]. Так, апеллирование к эмоциям эффективно действовало на экстравертов, а логические

аргументы — на лиц с высоким нейротизмом [26]. Учет особенностей людей — объектов воздействия позволил повысить результативность пропаганды мер профилактики COVID-19 [17]. Эффективность персонализации возрастает в том случае, когда она нацелена на несколько характеристик человека - объекта воздействия, а он сам использует систематический анализ информации (а не эвристики) [3].

При создании агентных моделей следует учитывать и имеющее место в последнее время расширение спектра изучаемых эффектов воздействия. Все чаще и чаще в психологических работах в качестве эффектов воздействия рассматриваются те или иные характеристики сетевого взаимодействия людей: лайки, репосты, комментарии и т.п. Необходимость выделения различных эффектов психологического воздействия обусловлена тем, что для каждого конкретного эффекта результативными могут быть свои специфические средства воздействия. Хорошим примером в данном отношении может служить исследование Э. Гоф с соавт. (2017), в котором сравнивалась эффективность размещаемых в сети «Твиттер» различных типов сообщений, касающихся профилактики рака кожи [12]. Оказалось, что в зависимости от того, какой критерий эффективности использовался, менялась сравнительная эффективность сообщений. Так, при таком критерии как просмотры самыми эффективными оказались сообщения, делающие акцент на негативных эмоциях. Больше всего активных (с оценками и комментариями) просмотров было для сообщений с использованием юмора и позитивных эмоций, а чаще всего репостили сообщения, содержащие статистические данные.

Исследования последних лет продемонстрировали ощутимый прогресс достигнутый в области агент-ориентированного моделирования процессов психологического воздействия и динамики мнений в больших группах. Интеграция в агентные модели достижений современной психологии, касающихся расширения набора анализируемых эффектов воздействия, механизмов стабильности мнений людей, данных о многообразии средств воздействия и персонализированном воздействии позволит ощутимо повысить их прогностическую ценность и психологический реализм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова А.М., Горюнова Н.Б., Кубрак Т.А., Латынов В.В., Махнач А.В. Отношение к мерам профилактики COVID-19: психологические основания и возможности коррекции // Психология. Психофизиология. 2021. Т. 14, № 3. С. 5–18. DOI: 10.14529/jpps210301
2. Латынов В.В. Психология коммуникативного воздействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
3. Латынов В.В. Индивидуальные особенности человека — объекта воздействия как фактор эффективности психологического воздействия // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2022. № 1. С. 39–43. DOI 10.37882/2500-3682.2022.01.04
4. Нестик Т.А., Дейнека О.С., Максименко А.А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 87—104. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.20201100407>

5. Albarracín, D., Wilson, K., Chan, M.P.S., Durantini, M., Sanchez, F. Action and inaction in multi-behaviour recommendations: A meta-analysis of lifestyle interventions // *Health psychology review*. 2018. V. 12. №. 1. P. 1-24. DOI: 10.1080/17437199.2017.1369140
6. Boccara N. Models of opinion formation: influence of opinion leaders // *International Journal of Modern Physics C*. 2008. V. 19. №. 01. P. 93-109. doi:10.1142/S0129183108011954.
7. Castro, J., Drews, S., Exadaktylos, F., Foramitti, J., Klein, F., Konc, T., van den Bergh, J. A review of agent-based modeling of climate-energy policy // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. 2020. V. 11. №. 4. P. e647.
8. Conner M., Wilding S., Norman P. Testing predictors of attitude strength as determinants of attitude stability and attitude-behaviour relationships: A multi-behaviour study // *European Journal of Social Psychology*. 2022. V. 52. №. 4. P. 656-668.
9. Delcea, C., Cofas, L.-A., Trică, C., Crăciun, L., Molanescu, A. Modeling the Consumers Opinion Influence in Online Social Media in the Case of Eco-friendly Products // *Sustainability*. 2019. V. 11. P. 1796. <https://www.mdpi.com/2071-1050/11/6/1796>
10. Flache, A., Mas, M., Feliciani, T., Chattoe-Brown, E. Deffuant G, Huet S., Lorenz J. Models of social influence: Towards the next frontiers // *The Journal of Artificial Society and Social Simulation*. 2017. V. 20. № 2. P. 2.
11. Galam S., Gefen Y., Shapir Y. Sociophysics: A new approach of sociological collective behaviour. I. mean-behaviour description of a strike // *Journal of Mathematical Sociology*. 1982. V. 9. №. 1. P. 1-13. doi:10.1080/0022250x.1982.9989929.
12. Gough, A., Hunter, R.F., Ajao, O., Jurek, A., McKeown, G., Hong, J., McCarthy, M. Tweet for behavior change: Using social media for the dissemination of public health messages // *JMIR Public Health and Surveillance*, 2017. V. 3. №. 1. P. E6313.
13. Holme P., Newman M.E.J. Nonequilibrium phase transition in the coevolution of networks and opinions // *Physical Review E*. 2006. V. 74. №. 5. P. 056108. doi:10.1103/physreve.74.056108.
14. Ismagilova, E., Slade, E.L., Rana, N.P., Dwivedi, Y.K. The Effect of Electronic Word of Mouth Communications on Intention to Buy: A Meta-Analysis // *Information Systems Frontiers*. 2019. V. 22. P. 1203–1226.
15. Knobloch-Westerwick, S., Johnson, B.K., Silver, N.A., Westerwick, A. Science exemplars in the eye of the beholder: How exposure to online science information affects attitudes // *Science Communication*. 2015. V. 37. P. 575-601.
16. Liang Y., Tukachinsky R.H. Narrative persuasion 2.0: Transportation in participatory websites // *Communication Research Reports*. 2017. P. 34. №. 3. P. 201-210.
17. Luttrell A., Petty R.E. Evaluations of self-focused versus other-focused arguments for social distancing: An extension of moral matching effects // *Social Psychological and Personality Science*. 2021. V. 12. №. 6. P. 946-954.
18. Ma S., Zhang H. Opinion expression dynamics in social media chat groups: an integrated quasi-experimental and agent-based model approach // *Complexity*. 2021. V. 2021. P. 1-14.
19. O'Keefe D.J., Wu D. Gain-framed messages do not motivate sun protection: A meta-analytic review of randomized trials comparing gain-framed and loss-framed appeals for promoting skin cancer prevention // *International journal of environmental research and public health*. 2012. V. 9. №. 6. P. 2121-2133.
20. Schweighofer S., Garcia D., Schweitzer F. An agent-based model of multi-dimensional opinion dynamics and opinion alignment // *Chaos: An Interdisciplinary Journal of Nonlinear Science*. 2020. V. 30. №. 9. P. 093139.
21. Shen F., Sheer V.C., Li R. Impact of narratives on persuasion in health communication: A meta-analysis // *Journal of advertising*. 2015. V. 44. №. 2. P. 105-113.
22. Sobkowicz P. Whither Now, Opinion Modelers? // *Frontiers in Physics*. 2020. V. 8. P. 587009.
23. Sobkowicz P., Sobkowicz A. Agent based model of anti-vaccination movements: simulations and comparison with empirical data // *Vaccines*. 2021. V. 9. №. 8. P. 809. doi:10.3390/vaccines9080809
24. Tormala Z.L. The role of certainty (and uncertainty) in attitudes and persuasion // *Current Opinion in Psychology*. 2016. V. 10. P. 6-11.
25. Verma G., Swami A., Chan K. The impact of competing zealots on opinion dynamics // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2014. V. 395. P. 310-331. doi:10.1016/j.physa.2013.09.045.
26. Wang, X., Shi, W., Kim, R., Oh, Y., Yang, S., Zhang, J., Yu, Z. Persuasion for good: Towards a personalized persuasive dialogue system for social good. arXiv preprint arXiv:1906.06725. 2019.
27. Zebregs, S., van den Putte, B., Neijens, P., de Graaf, A. The differential impact of statistical and narrative evidence on beliefs, attitude, and intention: A meta-analysis // *Health communication*. 2015. V. 30. №. 3. P. 282-289.

© Латынов Владислав Викторович (vladlat5@lenta.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ БЫВШИХ ОСУЖДЕННЫХ К ЖИЗНИ В ЗАКОНОПОСЛУШНОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF FORMER CONVICTS TO LIFE IN A LAW-ABIDING SOCIETY: PRACTICAL RECOMMENDATIONS

E. Raspopin

Summary: The aim of the work is to develop practical recommendations for the socio-psychological adaptation of former convicts to life in a law-abiding society. These recommendations are addressed to the relatives and friends of former convicts, the former convicts themselves, as well as specialists who carry out preventive work with these persons. The proposed recommendations deal with issues of behavior in the family and in society, peculiarities of communication with others, personal rights and obligations of a former convict in various life situations, etc. The issues of job search and employment are considered separately.

Keywords: re-socialization, adaptation, psychological assistance, law-abiding society, convicts.

Распопин Евгений Владимирович

кандидат психологических наук, доцент, Уральский
юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)
ev73@mail.ru

Аннотация: Целью работы является разработка практических рекомендаций по социально-психологической адаптации бывших осужденных к жизни в законопослушном обществе. Данные рекомендации адресованы родным и близким бывших осужденных, самим бывшим осужденным, а также специалистам, осуществляющим профилактическую работу с этими лицами. Содержательно предложенные рекомендации касаются вопросов поведения в семье и в обществе, особенностей общения с окружающими, личных прав и обязанностей бывшего осужденного в различных жизненных ситуациях и т.д. Отдельно рассматриваются вопросы поиска работы и трудоустройства.

Ключевые слова: ресоциализация, адаптация, психологическая помощь, законопослушное общество, осужденные.

В настоящее время в сфере правоохранительной деятельности остро стоит проблема профилактики рецидивной преступности [2, 3]. Бывшие осужденные после отбывания наказания не всегда находят свое место в законопослушном обществе и нередко вновь совершают преступления. В целом, основные причины их безуспешной ресоциализации могут быть объединены в три основные группы:

1. деструктивное поведение самого бывшего осужденного (алкоголизм, тунеядство, слабохарактерность и т.п.);
2. негативное влияние со стороны окружающих (дурное влияние старой компании, стигматизация со стороны общества и т.п.);
3. неблагоприятные социально-экономические условия (отсутствие работы, низкий заработок и т.п.) [4].

Исходя из этого, бывшему осужденному нужно помочь выстроить здоровые, конструктивные отношения с самим собой, с другими людьми и с окружающим миром в целом.

В связи с этим, целью данной работы выступила разработка практических рекомендаций по социально-психологической адаптации бывших осужденных к жизни в законопослушном обществе.

Данные рекомендации адресованы, в первую очередь, родным и близким бывших осужденных, перед которыми остро стоит вопрос о том, как помочь им адаптироваться к жизни в нормальном обществе. Также эти рекомендации адресованы самим бывшим осужденным. Наконец, они могут быть полезны сотрудникам правоохранительных органов, осуществляющим профилактическую работу с такими лицами.

Итак, перейдем к рассмотрению этих рекомендаций

Прежде всего, неоценимую помощь в адаптации могут оказать родные и близкие бывшего осужденного. По сути, они могут выступать в роли коуча, помогая ему в достижении позитивных жизненных целей [5]. Вначале они дают конкретные советы и рекомендации о том, как вести себя в той или иной ситуации, а затем все больше делегируют ответственность за свое поведение самому бывшему осужденному.

Один из возможных способов сделать это – составить с ним своего рода контракт, в котором будут прописаны основные правила его поведения. В таком контракте могут быть установлены, к примеру, следующие требования.

1. Бывший осужденный не афиширует, что он отбывал наказание в местах лишения свободы и, тем более, не кичится и не бравирует этим.
2. Не демонстрирует особенностей поведения, которые выдают в нем человека, вернувшегося из мест лишения свободы. А именно, не использует в речи уголовный сленг и ненормативную лексику, не выставляет напоказ тюремные татуировки, если они у него есть, не сидит демонстративно на корточках в общественных местах и т.п.
3. Полностью отказывается от употребления психоактивных веществ (алкоголя, наркотиков), как дома, так и на улице.
4. Тщательно выбирает круг общения. Избегает общения с людьми, которые ведут неправильный образ жизни (тунеядствуют, злоупотребляют алкоголем, имеют криминальные наклонности и т.п.). Если бывший осужденный хочет общаться с кем-либо из своих товарищей, с которыми познакомился в местах лишения свободы, то это допустимо, если они сами ведут просоциальный образ жизни.
5. В общении с окружающими ведет себя спокойно, вежливо и корректно. Не конфликтует с окружающими, а если окружающие провоцируют его на конфликт, то всячески старается избежать его.
6. Деньги, которые бывший осужденный приносит в семью, должны быть заработаны только честным путем.
7. Бывший осужденный готов меняться и делает в этом направлении конкретные шаги:
 - устраивается на работу (не «ищет» ее, а находит и работает);
 - занимается ведением домашнего хозяйства;
 - участвует в воспитании детей;
 - проводит свободное время со своими близкими;
 - ведет трезвый и здоровый образ жизни;
 - никогда и ни при каких условиях не нарушает закон.
8. Бывший осужденный имеет право:
 - принимать равное участие в решении семейных вопросов;
 - общаться со своими друзьями (в соответствии с п. 4);
 - проводить досуг в соответствии со своими склонностями и интересами (здоровыми и безопасными в общественном плане);
 - иметь личное пространство и время;
 - иметь свое мнение, свободу выбора и т.д. Единственными ограничениями прав и свобод бывшего осужденного являются права и свободы других людей и требования закона.

Вполне возможно, что кто-то из бывших осужденных не сразу и не в полном объеме начнет выполнять

эти требования. Сила привычки, либо негативные черты характера, либо какие-то объективные трудности могут мешать ему, временами отбрасывать его назад. Задача близких – поддержать бывшего осужденного в такие моменты, когда ему кажется, что у него ничего не получается. Объяснить ему, что срывы и неудачи – это временное явление, и это не повод перечеркивать те достижения, которых он, возможно, уже достиг.

Для того чтобы бывший осужденный выполнял правила контракта, близкие могут использовать систему подкреплений (поощрений) и наказаний. Выделяют два вида подкрепления и наказания: позитивное и негативное. В результате получается четыре возможных варианта:

1. позитивное наказание. Оно состоит в предъявлении аверсивного (то есть неприятного) стимула в ответ на неправильное поведение. Например, штраф за совершение административного правонарушения;
2. негативное наказание. Оно представляет собой устранение приятного стимула, следующее за неправильным поведением. Например, лишение премии за плохо выполненную работу;
3. позитивное подкрепление. Это предъявление приятного стимула за правильное поведение, повышающее вероятность его повторения. Например, продвижение по службе за профессиональные достижения;
4. негативное подкрепление. Это подкрепление, состоящее в устранении аверсивного стимула в ответ на правильное поведение. Например, работнику ставят условие, что его не уволят с работы за прогул, если он качественно и в срок выполнит стоящий перед ним объем работ и впредь не будет допускать опозданий.

Таким образом, и подкрепление, и наказание могут выполняться двумя способами, в зависимости от того, что следует за поведением: предъявление или устранение приятного или неприятного стимула. При этом подкрепление усиливает поведение, а наказание – ослабляет его.

Безусловно, наиболее желательным и действенным способом устранения неправильного и формирования правильного поведения является позитивное подкрепление. Все формы контроля, в основе которых лежат аверсивные стимулы, способны вести к негативным эмоциональным и социальным последствиям. Например, к тревоге, негативизму, потере самоуважения и т.д. Кроме этого, аверсивные стимулы часто не только не прерывают неправильное поведение, но способны давать противоположный эффект. Природа человека такова, что он может продолжать вести себя неправильно, если полагает, что сможет избежать наказания. А для этого он придумывает все новые способы, как это сделать. Отсюда – и повторные преступления. Таким образом, поведение, за

которое наказали, нередко вновь проявляется в тех случаях, когда снижается вероятность быть наказанным [6].

Безусловно, невозможно всегда и во всем контролировать бывшего осужденного, в том числе и с помощью системы поощрений и наказаний. Поэтому главное – это постепенно передавать ему ответственность за свое поведение. В какой-то степени здесь происходит то же самое, что и с воспитанием ребенка. Вначале родители помогают ему во всем, и даже решают за него какие-то проблемы, которые он пока не в состоянии решить сам. Но постепенно степень ответственности ребенка повышается, он научается сам решать стоящие перед ним вопросы и становится все больше готов к самостоятельной, взрослой жизни. Иными словами, бывший осужденный, как и любой другой взрослый человек, в конечном итоге должен стать полноценным автором своей жизни, своего благополучия [7].

Также необходимо рассмотреть, как помочь бывшему осужденному в решении проблемы трудоустройства, поскольку поиск работы – одна из наиболее актуальных задач, стоящих перед человеком, освободившимся из мест лишения свободы. Необходимо содержать себя и свою семью, платить за еду, жилье, одежду и т.д., а для этого нужен постоянный и легальный источник дохода. Кроме этого, отсутствие работы, а тем более нежелание работать неизбежно ведет к лени, праздности, излишку ничем не занятого времени, что также негативно сказывается на успешности процесса ресоциализации. Поэтому рассмотрим конкретные советы и рекомендации, которые могут быть полезны бывшим осужденным, а также их близким при поиске работы.

Во-первых, озаботиться поиском будущей работы полезно еще до освобождения. Здесь необходимо решить следующие задачи:

1. Определиться с будущей профессией и сферой деятельности. В одних случаях осужденный уже имел профессию и опыт работы, в других случаях – нет, и он не знает, где и кем хотел бы и мог работать. Но, даже если у человека и была работа, то иногда возвращение в прежнюю сферу деятельности после отбывания наказания оказывается невозможным. Поэтому нужно снова искать новую профессию. Для этого осужденный может обратиться за профконсультацией к психологу исправительного учреждения, чтобы оценить свои профессиональные наклонности и способности к той или иной деятельности. Причем эта задача значительно упрощается, если осужденный освоил какую-либо профессию и получил опыт работы за время отбывания наказания.
2. Заранее изучить рынок труда, узнать, какие профессии являются востребованными, на какой уровень оплаты труда можно рассчитывать. С этой целью

могут быть использованы сайты, специализирующиеся на поиске вакансий, а вести мониторинг этих сайтов могут родственники осужденного.

3. Объективно оценить свои шансы на трудоустройство в той или иной сфере деятельности с учетом своих интересов, способностей и реальных возможностей (например, некоторые профессии, требующие наличие справки об отсутствии судимости, сразу отпадают).
4. Составить конкретный план по трудоустройству, определить, в какой последовательности и в какие конкретные организации можно будет обратиться в поисках работы. В этом плане можно следовать от наиболее предпочитаемых сфер деятельности к наименее предпочитаемым; выбирать вначале основные места потенциального трудоустройства, затем – запасные. При составлении плана важно понимать, что какие-то места работы окажутся недоступны, поэтому не нужно «зацикливаться» на какой-то одной профессии или сфере деятельности, а нужно составить по возможности достаточно широкий список возможных решений. Также важно достаточно четко обозначить временные рамки, отведенные на реализацию каждого пункта. План не должен выглядеть как абстрактная мечта, например: «После выхода отдохну недельку-другую, а потом попробую сходить в такую-то фирму. Если там откажут, попробую обратиться за помощью к друзьям, может, у них для меня что-нибудь найдется». Напротив, план должен быть максимально определенным и четким, например: «Первым делом обращусь в такую-то фирму, отправлю туда резюме и запишусь на собеседование. Одновременно с этим разошлю резюме еще в два места, буду рассматривать их как запасной вариант. На это у меня неделя, максимум две. После этого буду рассматривать следующие варианты трудоустройства». Наконец, можно попробовать заранее разослать свое резюме в несколько организаций с предложением своей кандидатуры. В этом также могут помочь родные и близкие осужденного.
5. После освобождения из мест лишения свободы необходимо методично и последовательно начинать реализацию плана, не откладывая его в «долгий ящик». Здесь важна мотивация и постоянное побуждение к продолжению поиска работы, даже если приходится неоднократно сталкиваться с отказами. Именно здесь очень важна помощь родных и близких, причем не только пассивная поддержка, но и, при необходимости, проявление настойчивости, постоянное побуждение бывшего осужденного к продолжению поиска работы.

Следующий важный момент – сама процедура трудоустройства, включающая в себя рассылку резюме,

прохождение собеседований и т.д. Одна из основных трудностей здесь состоит в том, что при поступлении на работу приходится заполнять анкеты или в устной форме сообщать о себе те или иные сведения, связанные с предыдущей трудовой деятельностью. Для людей, в трудовой биографии которых существуют перерывы, связанные с отбыванием наказания, заполнение таких документов и прохождение собеседований вызывает вполне понятные затруднения.

Безусловно, работодатель вправе знать определенные биографические сведения о своих работниках. В свою очередь, бывшие осужденные нередко опасаются предвзятого, негативного отношения к себе со стороны потенциального работодателя. В этих случаях имеет смысл придерживаться следующих рекомендаций:

1. При ответах на «неудобные» вопросы не следует сообщать о себе заведомо ложные, искаженные сведения, которые могут быть легко проверены. В этом случае кандидат рискует сразу и бесповоротно утратить доверие со стороны потенциального работодателя. Например, если работодатель спрашивает, чем был вызван большой перерыв в работе, то гипотетически на этот вопрос можно дать максимально нейтральный ответ (работал без оформления и т.п.). В какой-то мере это может быть оправдано как ложь во спасение, но в любом случае это остается обманом, и его последствия будут непредсказуемы.
2. Возможно, в некоторых случаях нет явной необходимости сообщать работодателю о факте лишения свободы. Например, если это не является ограничением для приема на работу, и работодатель напрямую не спрашивает об этом, то можно просто промолчать. Но при этом необходимо помнить о предыдущем пункте, который всегда является приоритетным!
3. Если все-таки нужно сообщить работодателю в том, что за спиной есть опыт отбывания наказания в местах лишения свободы, то можно попробовать сгладить эту негативную информацию позитивными сведениями о себе. Например, рассказать о том, что за время отбывания наказания было получено профессиональное образование и опыт работы по специальности, что благодаря труду на производстве осужденный был освобожден условно-досрочно и т.п.
4. Во время прохождения собеседования необходимо отбросить все «тюремные» привычки в поведении и вести себя максимально нормативно и корректно. Это касается речи, поз, жестов и т.д. Ни в коем случае не стоит каким-бы то ни было образом демонстрировать свою принадлежность к криминальной среде и, тем более, бравировать этим. Необходимо помнить о том, что прежняя жизнь осталась в прошлом и нужно учиться вести

себя в соответствии с общепринятыми нормами поведения. Поэтому аккуратный и ухоженный внешний вид, грамотная речь, вежливость и корректность в общении являются немаловажным фактором, который поможет работодателю увидеть в кандидате не бывшего осужденного, а, прежде всего, человека, готового жить и трудиться в законопослушном обществе.

Наконец, для того чтобы подготовиться к предстоящему собеседованию, можно провести поведенческую репетицию этого события. В этом случае бывший осужденный играет роль кандидата, а кто-либо из его родных, близких или друзей – роль потенциального работодателя. Задача кандидата – тренировка в умении презентовать свои профессиональные знания и умения, отвечать на «неудобные» вопросы, вести конструктивный диалог. Задача «работодателя» – смоделировать ситуацию, максимально похожую на реальное собеседование при приеме на работу. Несмотря на кажущуюся «детскость» такой тренировки, она способна дать вполне ощутимые результаты. Дело в том, что предстоящее собеседование может сильно тревожить, беспокоить человека. А наибольшее беспокойство вызывают незнакомые, неизвестные события и вещи. Если же попробовать их «на вкус» пусть даже в искусственно созданной, смоделированной обстановке, то это снижает уровень тревоги, поскольку ситуация перестает быть полностью новой и незнакомой [1].

Также необходимо сказать несколько слов о такой проблеме, как неадекватная самооценка и уровень притязаний бывшего осужденного. В первом случае они могут быть завышены. На практике эта проблема проявляется в том, что некоторые осужденные по выходу из мест лишения свободы стремятся сразу устроиться на высокооплачиваемую работу, занять высокие должности. Иногда это стремление подкрепляется прежними заслугами бывшего осужденного, когда еще до лишения свободы он имел достаточно высокий социальный статус. В результате, столкнувшись с несколькими отказами в приеме на работу, он, вместо того чтобы скорректировать свои притязания, вообще перестает искать работу, говорит, что его нигде не ценят и не понимают по-настоящему и т.д. В результате бывший осужденный буквально «садится на шею» своим родственникам или вновь начинает искать сомнительные способы «заработка».

В других случаях на первый план выступает снижение самооценки, чувство несостоятельности, отсутствие у осужденного веры в себя, что тоже не способствует успешному поиску работы.

Здесь также может понадобиться помощь со стороны близких. В первом случае от них требуется проявить настойчивость и нетерпимость к подобному поведению бывшего осужденного. Во втором случае нужны, с одной

стороны, поддержка и понимание, с другой стороны – настойчивое побуждение к продолжению поиска работы.

Таким образом, поводя итоги работы, можно сказать, что ключевой фигурой, от которой зависит успех адаптации, является, несомненно, сам осужденный. Но так-

же важна помощь со стороны ближайшего социального окружения, прежде всего, его родных и близких. Они способны выполнять важные функции, в числе которых на первый план выступают психологическая поддержка, мотивация и побуждение к деятельности, информационная помощь, а также функция социального контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жариков Е.С. Психологические средства стрессоустойчивости. М.: Смысл, 1990. 201 с.
2. Загидуллин Р.А. Профилактика рецидивной преступности // Молодой ученый. 2022. № 50 (445). С. 241–242.
3. Молчанова Т.Ю. Профилактика рецидивной преступности: опыт США // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2023. № 1. С. 51–53.
4. Распопин Е.В. Изучение причин, препятствующих успешной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 07. С. 90–94.
5. Стар Д. Коучинг. Полное руководство по методам, принципам и навыкам персонального коучинга. М.: Бизнес-Психология, 2011. 359 с.
6. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 2000. 608 с.
7. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 2004. 576 с.

© Распопин Евгений Владимирович (ev73@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский юридический институт МВД России

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ БЫТИЯ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ АВИАЦИОННОЙ ТЕХНИКИ

AESTHETIC PERCEPTION OF BEING AND AIRCRAFT DESIGN

*I. Druzhinina
A. Gimazetdinova*

Summary: Dreams of flight and their realization are considered in the article from the point of view of aesthetics. The process of dynamics of aesthetic perception of aviation development in the USSR and Russia is analyzed on the examples of creative successes of A.F. Mozhaisky, A.N. Tupolev, A.A. Tupolev.

Keywords: aesthetic perception, neural circuits, axons, dendrites, synapses, airplane, aviation.

Дружинина Илона Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева - КАИ
Ilona.druzhinina@rambler.ru

Гимазетдинова Алия Хазиахметовна

кандидат философских наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева - КАИ
aliya.gim@gmail.com

Аннотация: Мечты о полетах и их воплощение рассматриваются в статье с точки зрения эстетики. Анализируется процесс динамики эстетического восприятия развития авиации в СССР и России на примерах творческих успехов А.Ф. Можайского, А.Н. Туполева, А.А. Туполева.

Ключевые слова: эстетическое восприятие, нейронные цепи, аксоны, дендриты, синапсы, самолет, авиация.

Исследование и анализ онтологических оснований категории эстетического восприятия как элемента в системе уровней и форм познания и сознания человека является актуальной темой в современной философии. Актуализация исследований в этом направлении инициирована молодыми учёными «Курчатовского института». Они вырастили цепочки нейронов, создали обучаемые нейронные сети, с которыми ведутся «дискурсивные практики». Представители этой группы пытаются понять, как формируется импульсы и выстраиваются нейронные связи в процессе развития головного мозга человека, решая задачи наглядно представить трансформацию эстетического восприятия в нейронных цепях, а также высших чувственных форм познания и сознания, идет процесс моделирования познавательных процессов головного мозга человека, создаются структуры, которые далее будут включены в трангуманизацию.

В данной работе раскрываются значения таких философских и эстетических понятий как эстетическое восприятие, нейронные цепи, аксоны, дендриты, синапсы. Целью данной статьи является рассмотрение эстетических онтологических составляющих в эстетическом восприятии сознания и развития конструкторской мысли России в области авиации.

Согласно определению, в философском энциклопедическом словаре (*наиболее точному, по мнению авторов*) эстетика с точки зрения первого круга явлений включает сферу эстетического как специфического проявления ценностного отношения человека к миру.

Восприятие является структурным элементом чувственной формы познания мира, то есть восприятие – это формирование образа объекта. На этом этапе происходит синтез ощущений. Следующим уровнем чувственной ступени познания является представление – обобщенный образ одного или многих объектов, сохраняемый и воспроизводимый в создании без непосредственного воздействия предмета. Аксоны это – нервные волокна, длинные одиночные отростки, которые отходят от тела клетки – нейрона и передают импульсы от него. Дендриты это – ветвящиеся отростки нервных клеток (нейронов), воспринимающие сигналы от других нейронов, рецепторных клеток или непосредственно от внешних раздражителей. Их устойчивое взаимодействие называется синапсом. Соединение аксонов, дендритов синаптическими связями, их сложные многоуровневые структуры называются нейронными цепями.

Именно в системах нейронных синапсов начинает происходить формирование сознания и таких его первичных феноменов как восприятие и представление. В детстве, когда формируются эти структуры часто мечтают о полетах. Осуществить мечту о полете, несбыточную в древние времена, человечество стремилось в разные периоды истории. Эта мечта интерпретировалась еще в мифологическом мировоззрении, в «детстве человечества», например, в мифе о Дедале и Икаре в греческой мифологии.

По сюжету мифа Дедал изобрел первый летательный аппарат, сконструированный в виде крыльев птиц, и запретил своему сыну Икару подниматься высоко к солн-

цу, так как воск, скрепляющий крылья, мог расплавиться. Но Икар, обретя с помощью крыльев невероятную силу, решил достичь небесного светила, в процессе приближения к Солнцу воск стал таять, и он упал с небесной высоты. В честь героя мифа, стремившегося воплотить давнюю мечту человечества назван студенческий оздоровительный лагерь КНИТУ-КАИ «Икар», основанный в 1963 году.

Первые попытки полёта человека были реализованы в России в конце XIX века. В современном мире полет в небе является общепринятым и обычным явлением, особый вклад в развитие мировой авиации внесли российская эстетическая культура и люди, которые ей следовали.

«Думы и помыслы о полётах человека уходят в далёкое прошлое, русский народ мечтал о покорении воздушного океана, и он первым осуществил вековую мечту человечества о полётах» - говорил Н.Е. Жуковский на научной конференции, посвященной А.Ф. Можайскому - военному деятелю, который спроектировал и построил первый в России и один из первых в мире натуральных самолетов.[1] А.Ф. Можайский и Н.Е. Жуковский исследовали эстетику птичьего полета с помощью пернатых.

Именно Александру Федоровичу Можайскому – морскому офицеру, контр-адмиралу в XIX веке, за 20 лет до братьев Райт удалось построить летательный аппарат для человека и совершить отрыв от земли, совсем недолго (счет шел на секунды) самолет продержался в воздухе, упал и сломал крыло. Но, сначала общественности Санкт-Петербурга была продемонстрирована действующая модель самолета осенью 1876 г., которая приводилась в действие пружинным двигателем. Вот как об этом писала газета «Кронштадтский вестник»: «Изобретатель весьма верно решил давно стоявший на очереди вопрос воздухоплавания. Аппарат при помощи своих двигательных снарядов не только летает, бегаёт по земле, но может и плавать. Быстрота полета аппарата изумительная; он не боится ни тяжести, ни ветра и способен летать в любом направлении...» [8].

Спустя 150 лет по известным чертежам Российского изобретателя была построена модель этого самолета, которая украшает и сегодня в качестве почтенного экспоната Музей КАИ.

«Без авиации нет будущего», писал начальник главмавиапрома СССР Н. Веклин в начале 30-х гг. прошлого века. Россия по праву может считаться авиационной державой. И сегодня это важно и актуально. «Будущее у авиации России будет светлым и прочным. Не может быть у великой страны, великого народа слабой авиации. России с её уникальным геополитическим положением нельзя обойтись без авиации как гражданского, так и военного назначения».[3]

Проектируя многочисленные военные и пассажирские самолеты, академик А.Н. Туполев руководствовался мыслью «Хорошо летают только красивые самолеты». Андрей Николаевич Туполев получал домашнее образование, родился и жил в Пустомазово, в небольшом селении, где имел возможность ходить в лес, возделывать землю, следить за полетами птиц. Затем учился в Тульской гимназии, где хорошо было поставлено гуманитарное образование. Но его больше всего тянуло к технике, которая стала знаменем нового времени – XX столетия. В мае 1918 года он блестяще защищает дипломный проект «Расчет гидроаэроплана на прочность по данным в аэродинамической трубе». Эта работа, по словам Н.Е. Жуковского, явилась прекрасным свидетельством зрелости инженерной мысли, и если бы она была напечатана, то составила бы славу русской научной авиации. Этот величайший авиаконструктор является ярким примером того, что в сознании нашего народа стремление к развитию авиационной промышленности находило отклик, и в нашей истории присутствовали люди, которые, благодаря своей невероятной фантазии, особенному образу эстетического мышления и мечте о небе, развивали нашу авиацию.

Еще в начале 30-х гг. появились в ОКБ и ЦАГИ, где работал А.Н. Туполев эскизы художника Б.М. Кондорского с тщательно прорисованными будущими рекордными самолетами великого конструктора А.Н. Туполева, именно рисунок художника на многие годы определил их эстетику.

О том, какое значение имеет для российских людей искреннее стремление к эстетическому восприятию как окружающего мира, так и развитию возможностей человеческой фантазии и разума в авиации важно показать на примерах, связанных с историей нашего университета. Первое его здание было построено в классическом стиле для первой мужской гимназии г. Казани. В этой гимназии учился И.И. Шишкин, известный русский живописец, запечатлевший важнейшие эстетические символы России – русские лес и поле.

В июне 1930 года Н.Г. Четаев в докладной записке, собственноручно написанной каллиграфическим почерком, обосновывает необходимость создания аэродинамической лаборатории как базы для подготовки авиационных инженеров. Казань в это время представляла собой небольшой провинциальный городок, где замощены были только центральные улицы. А под будущую аэродинамическую лабораторию было приспособлено здание бывшего польского костела рядом с окраиной города (в то время). И эта лаборатория с действующей аэродинамической трубой, введенной в эксплуатацию в конце 30-х гг. была единственной действующей в стране в годы Великой Отечественной войны с 1941 по 1943 гг., куда и приезжали продувать модели своих военных самолетов А.Н. Туполев, В.М. Петляков.

Авиация и ее развитие тесно связана с развитием российской эстетической культуры в целом и с эстетикой архитектурных форм, с принципом «золотого сечения». Не случайно подмечено, что стартующий комплекс «Энергии-Бурана» напоминал очертаниями купола известного храма «Покрова на речке Нерль». На каждом этапе развития российской культуры проблемы человека и эстетики освоения небесного пространства рассматривались по-разному. Уровень конструктивных решений изобретаемых летательных аппаратов был примитивнее, когда уровень средств производства был ниже. В этом прослеживается закономерность в зависимости уровня универсальности национальной российской культуры и появившихся инновациях в развитии нейросетевых структур.

С помощью авиации человек на протяжении долгих лет познавал возможности своего творческого мышления и силы разума. Уровни сознания представляют собой отражение научных и материальных возможностей, уровень развития как технологической культуры, так и степень духовной стороны жизни человека и страны, в которой он живет и работает. Авиация воплощает мечту человека о покорении неба, является обязательным элементом современной цивилизации.

Ярчайшим примером являются Ту-144 и Ту-160, под руководством А.А. Туполева, сына авиаконструктора, в честь которого назван наш университет, в проекте этих самолетов был реализован ряд принципиально новых решений. Фактически была совершена технологическая

революция в авиационной промышленности СССР, и страна получила уникальные по своим характеристикам самолеты, обладающие огромными боевыми потенциалами. [7] Не случайно Ту-160 похож в полете на белого лебедя и назван именно так.

Феномен авиации и стремление русского народа к небу также глубоко отражены российской художественной культуре, она отражает мир искусственно созданных вещей, моделирует развитие российского общества с включением в него особо значимого образа авиации. В культурном фонде изобразительного искусства России присутствует огромное количество картин, передающих величество и красоту «железных птиц». Такие художники как А.А. Лабас, А.А. Дейнека, Г.Г. Нисский и Д.А. Шорин изображали в своих работах достижения российской авиации, вдохновляясь сбывшейся мечтой о полетах, воплощением романтики и мощи человеческого разума. [1] В художественной литературе и поэзии России можно выделить Александра Блока, который считал, что «в полетах людей, даже неудачных, есть что-то древнее и сужденное человечеству, следовательно, высокое». [2]

То есть полет мысли полет сложных летательных аппаратов – в сфере эстетической вполне координируемы. В своем интервью на ежегодном шоу «Я выбираю небо» представители пилотируемой группы «Стрижи», которые летают на МИГах говорили, что их самолеты похожи на быстрых птиц и они с ними общаются как с живыми существами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авиация на картинах русских и советских художников [Электронный ресурс]. URL: <https://veryimportantlot.com/ru/news/obchestvo-i-lyudi/aviaciya-v-tvorchestve-russkix-i-sovetskix-xudozhnikov> (дата обращения 21.04.23)
2. Авиация в русской литературе и поэзии – 1 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/science/2015-03-11/13_avia.html (дата обращения 21.04.23)
3. Виноградов Р.И., Понаморёв А.Н. Развитие самолётов мира. М. Машиностроение, 1991.
4. Ильин В. Боевые и военно-транспортные самолеты и вертолеты ВВС России [Текст]//Вестник Воздушного Флота 2003–08
5. Краснаярова Н.Г. Эстетическое отношение как постижение бытия [Электронный ресурс] / Н.Г. Краснаярова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/esteticheskoe-otnoshenie-kak-postizhenie-bytiya/viewer> (Дата обращения 17.05.2023)
6. К 75-летию создания Кафедры ракетных двигателей [Электронный ресурс]. URL: <https://kazan.bezformata.com/listnews/sozdaniya-kafedri-raketnih-dvigatelay/86389672/> (дата обращения 30.03.23)
7. Матяж А.И. Его именем назван университет. А.Н. Туполев - жизнь и деятельность / Под ред. Г.Л. Дегтярева. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2008. 248 с.
8. Несамолёт Можайского. Что удалось поднять в воздух пионеру авиации? [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/society/history/nesamolyot_mozhayskogo_chno_udalos_podnyat_v_vozduh_pioneru_aviacii (Дата обращения 22.06.2023)

© Дружинина Илона Анатольевна (ilona.druzhinina@rambler.ru), Гимазетдинова Алия Хазиахметовна (aliya.gim@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИДЕИ СПАСЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

THE HUMANISTIC ASPECT OF THE IDEA OF SALVATION IN THE CONDITIONS OF MODERN CIVILIZATION

O. Pugachev
Yu. Rusakovich
T. Dorofeeva

Summary: The article discusses the ethical aspects of modern technogenic, pan-technical civilization, one of the features of which has become the familiar nature of emergencies. In this regard, there is an expansion of the range of rescue operations and the complication of the concepts of «rescue», «rescuer». The actions of rescuers combine professional and human duty. The authors substantiate the difference between the two concepts – «rescue» and «salvation», trying to overcome the gap between essence and existence. Modern soteriology is based on the position that the anthropological (ethico-philosophical) meaning of salvation cannot be finally approved without its theological (actually soteriological) foundation. Despite the «temporary» nature of rescue, its necessity cannot be questioned due to the supreme value of life and the absolute moral justification of such an action.

Keywords: civilization, technology, emergencies, salvation, rescue, soteriology, essential and existential.

Пугачев Олег Сергеевич

доктор философских наук, профессор, Пензенский
государственный аграрный университет
pugachev.o.s@pgau.ru

Русакович Юрий Александрович

Аспирант, Пензенский государственный аграрный
университет

Дорофеева Татьяна Геннадьевна

Кандидат философских наук, доцент, Пензенский
государственный аграрный университет

Аннотация: В статье рассматриваются этические аспекты современной техногенной, пантехнической цивилизации, одной из черт которой стал привычный характер чрезвычайных ситуаций. В связи с этим происходит расширение круга спасательных операций и усложнение понятий «спасатель», «спасение». Действия спасателей совмещают в себе долг профессиональный и долг общечеловеческий. Авторы обосновывают различие двух понятий – «спасение» и «спасание», пытаясь преодолеть разрыв между сущностью и существованием, «эссенциальным» и «экзистенциальным». Современная сoteriология строится на положении, что антропологический (этико-философский) смысл спасения не может быть утверждён окончательно без теологического (собственно, сoteriологического) его основания. Несмотря на «временный» характер спасения, его необходимость не может подвергаться сомнению в силу высшей ценности жизни и абсолютной моральной оправданности такого действия.

Ключевые слова: цивилизация, техника, чрезвычайные ситуации, спасение, спасание, сoteriология, эссенциальное и экзистенциальное.

Современная, порожденная техникой и техническим образом существующая цивилизация, поддерживает статус таковой за счет минимальных средств обуздания зла в праве и максимальным его отрицанием в морали и этике [4]. Этот, сугубо этический аспект цивилизации исходит из определения видного философа советского периода М. Мамардашвили.

Однако техника сама по себе – сфера, пугающая своей антигуманистической направленностью, и первые разрушители машин луддисты и др.) не только интуитивно чувствовали бесчеловечность, но и на себе испытали рольodatka или конкурента машины (мальчик, регулирующий протозолотник, американские народные истории о соревновании горняка и машины и т.п.) [2]. Однако техника – это и комфорт, и величайшее умножение человеческой силы. А.П. Чехов видел в электричестве и паре больше гуманности, чем в проповедях. Технически насыщенный XX век привел общество к необходимости иметь специальные службы, занимающиеся профилактикой, ограничением и ликвидацией последствий различного

рода, в том числе техногенных катастроф. Практика показала, что чем ни сложнее механизм самого совершенного системного образования, тем более велика вероятность неполадок в нем и их катастрофического исхода. В истории человечества, начиная с античности и заканчивая первой четвертью уже XXI века, возможность катастрофического развития событий носила либо военный, либо натуральный, природный характер (включая эпидемии и пандемии).

Предваряя первую опасность, общество имело в состоянии боевой готовности войско, во втором случае принимались меры превентивного характера: оставление места, где должно было произойти землетрясение, наводнение и прочие природные явления, предсказанные и грозящие людям и их имуществу. Однако никакой век, кроме XX-го, не принимал во внимание некоего постоянства техногенной опасности, которое расценивалось бы как неотъемлемое условие существования цивилизации данного типа. МЧС России и соответствующие службы других стран – это показатель того, что факт аварийной угрозы неустраним и неизбежен.

Начиная с конца 80-х – начала 90-х годов XX века слово «спасатель» стало приобретать более широкое значение по сравнению с тем, что было закреплено за ним в предыдущие годы, когда спасатель и спасательные операции ассоциировались в первую очередь с действиями на воде и под водой, а наличие спасательных постов и станций обусловлено было также особенностями водной – речной, озерной или морской – стихией. Расширение круга спасательных операций напрямую связано с ростом технизации, сложностью и возрастанием пространственной составляющей техники, «пантехнизмом» обыденного социального бытия. Масштабные железнодорожные, автомагистральные сети, подземные, воздушные и наземные электро-, нефте- и другие коммуникации, наличие высоких скоростей транспортных средств – чреватые аварийными ситуациями. В этих условиях действия спасателей становятся профессионально необходимыми и их функционирование совмещает в себе: а) долг профессиональный и б) долг общечеловеческий.

Необходимо отметить, что в обстоятельствах ЧС фактор времени начинает играть определенную роль. Например, оптимальным временем, сохраняющим возможность спасения жизни для человека, терпящего бедствие на воде, является период в 5 минут. Если человек пробыл на грунте в течение 10 минут, шансы вернуть его к жизни весьма невелики. Казалось бы, профессионально тут все ясно: нужно уложиться в 5-10 минут и подготовку матросов и водолазов-спасателей направить именно по этому пути. Однако и самые интенсивные тренировки, вырабатывающие автоматизм действия в ЧС различных типов, еще не характеризуют успеха действий, поскольку человеческий фактор не подчиняется в полной мере автоматизму.

Такие экзистенциальные состояния, как страх, тревога, неуверенность, риск, потеря смысла действия по расписанию экстремальных условий и т.п. могут оказаться решающими в деле спасения чужой жизни, имущества или извлечения из воды уже безжизненного тела. Весьма важным моментом является тот факт, что в деле спасения, вектор действия, направленный на другого (других), часто предполагает собственный, личностный риск, а также необходимость взвешивания и оценки его оправданности или неоправданности.

Зачастую в буднях спасателей воплощается ситуация подвига и жертвенности, ситуация героизма. Естественно полагать ее сопряженностью с чувством долга и ответственностью за самого себя. Два противоположных стремления – альтруизм и естественная направленность к самосохранению – сохраняется в индивидууме, выполняющем тот или иной ряд действий в спасательной операции. Самым тяжелым результатом является такой, когда быстрота, четкость, риск и другие компоненты спа-

сательных действий оказываются вне того итога, цели, к которой они были направлены. Единственным утешением в подобных случаях является сакраментальное «сделали все, что могли...».

Смыслоразличительные аспекты двух понятий – «спасения» и «спасания» довольно четко дифференцируются уже в первом приближении, без специального филолого-семантического анализа. Однако строй этих смыслообразующих рядов имеет ярко выраженный признак, немаловажный для характеристики современной цивилизации, особенно ее моральных, этических сторон.

Вопрос о возможности существования общества (цивилизации) вне морали может ставиться в нескольких плоскостях. Во-первых, если принять во внимание наличие определений, в которых мораль и цивилизация осознаются как нераздельное целое, то, естественно, одно не мыслится и феноменально не пребывает без другого. Во-вторых, если мораль выступает только как некий функциональный, но не атрибутивный признак цивилизации, то вполне возможно ее отсутствие или замена другими, сходными по функциональным признакам, социальными институтами. В-третьих, рассматривая мораль как тотальное и сквозное образование, вплетенное в жизнь социума на всех его уровнях и проявляющееся во внутрисоциальных отношениях, мы не можем обнаружить ни одной сферы, непосредственно или опосредованно не затронутой нравственными, моральными отношениями. Особого внимания заслуживает понимание природы морали как сверхъестественного, трансцендентного или, в религиозном смысле, теонимного образования. Прескрипционный (предписывающий) дискурс, становящийся как внедрение сакрального в мирское, вступает в качестве божественных императивов – заповедей, нарушение которых ставит человека в проблемные отношения с его религиозным, конфессиональным окружением.

В целом пребывая на позиции невозможности трактовать цивилизацию как общество, лишенное или индифферентное к морали, мы понимаем, насколько данное положение уязвимо со стороны критики. Не углубляясь в логико-семантический план понятия «цивилизация», мы обрисовываем только его общие определяющие признаки именно для локального словоупотребления, т.е. в контексте данной статьи. Этих признаков два: высокий уровень развития техники и технологии и таковые же культура и моральный мир. Исходя из приведенных параметров, можно предложить следующий вариант определения цивилизации: «Цивилизация – уровень развития общества, характеризующийся высокими технико-экономическими показателями и способностью общества обуздать зло, используя нравственно-правовые механизмы, сохраняя при этом максимум личной свободы, сопряженной с ответственностью».

В данном определении, претендующем на роль только рабочего, т.е. локального, легко заметить неполноту и уязвимость следующих сторон. Во-первых, словосочетание «высокие показатели» отражает только относительный момент, эксплицирующийся при операции сравнения. Во-вторых же, способность «обуздать зло» также может предстать в виде различных смысловых модификаций, вплоть до таких, которые могут исказить внутренне установленную границу, меру морального, особенно при проблематичности применения силы для борьбы с теми или иными видами нравственного зла. И все же, несмотря на явные или скрытые недостатки, приведенное определение цивилизации может, как нам представляется, работать, поскольку оно отражает центральную роль этических категорий в измерении уровня человеческого и человечности, минимально необходимого для сохранения культурно-исторического «лица» индивида и общества, не искаженного чертами зверства.

Когда мы вводим в оборот понятие «спасения» и «спасания», то в первую очередь встает необходимость объяснить суть и смысл таких сопоставлений и разграничений при попытке преодолеть разрыв между сущностью и существованием, «эссенциальным» и «экзистенциальным».

Спасение в христианстве представлено как задача, возложенная на человечество со времени его грехопадения. Грехопадение как «символ» является корнем «христианского предания» [6], но, по словам немецкого теолога, «его значение превосходит миф о падении Адама и имеет универсальный антропологический смысл» [6]. Материалистическая и натуралистическая философия, конечно, не имеет в виду ни понятия греха, ни самого акта грехопадения и может говорить только о несовершенстве человеческой природы, которое преодолевается в прогрессивном развитии человечества и, несмотря на антропогенные цивилизационные проблемы, не является предзаданным и в принципе непреодолимым.

Теологически, спастись может лишь тот, кто сделал заповеди Божьи законом не только своей деятельной, внешней жизни, но и свободно подчинил им жизнь духа, души и сердца. По-видимому, нет смысла особо акцентировать ситуации, в которых проявляется божественное милосердие и снисхождение к метафизической слабости человека, поскольку и здесь на первое место ставятся имплицитные, присущие человеку внутренне, положительные свойства (акт «моментального» спасения разбойника: «Ныне же будешь со мною в Раю»).

Христианство имеет своим центром и основой личность Спасителя, Иисуса Христа. Людская слабость, подверженность смерти и греху не фатальны: «Там, где оказывается несостоятельным человек, там торжествует верность Бога [1].

Никакая мощь науки, техники, преобразовательная деятельность человечества в глобальном и даже космическом масштабах не могут отменить смерти как физического распада и гибели души, как распада морального, победы греха. Никакие только человеческие совокупные усилия не могут спасти от наступления времени и смерти: каждое гигантское усилие изнутри уже подорвано присутствием смерти. Что же остается? Христианская надежда обращена лицом к «абсолютному факту» (Вл. Соловьев) воскресения Одного как залогом полного воскресения всех. В русской религиозной философии была замечена неизбежная робость этой надежды перед лицом неотменимости, неизбежности конца.

Сотериология прежде, чем стать разделом христианской теологии, жила в виде реальной религиозной надежды и веры уже с языческих времен. Так, например, греческое слово «спаситель», «избавитель» было эпитетом многих богов Эллады, особенно Зевса. Указанная выше универсальная антропологическая основа может затмевать религиозный смысл спасения как «предельно желательное состояние человека, характеризующееся избавлением от зла как морального («порабощенности греху»), так и физического (смерти и страдания)» [5].

Для обозначения только человеческого действия, спасающего телесную, либо душевную жизнь личности, мы употребили слово «спасание», подчеркнув его актуальный, погруженный в суть вещей здешнего мира смысл. Спасти человека от гибели – дело, достойное высшей нравственной оценки и все же, в теологическом значении, это спасение будет только временным «спасанием», после которого излеченный, тонувший, умиравший от голода или ран, алкоголя или наркотиков, неразделенной любви и других причин человек все равно умрет и станет добычей тления и забвения.

Мы не можем в силу высшей ценности жизни подвергать сомнению саму мысль о необходимости «спасения» как «спасания» или абсолютной моральной оправданности такого действия, но простая логика заставляет увидеть всю незавершенность и ограниченность человеческого дела, которое, все же, вдохновлено и сверхчеловеческим порывом. Таким образом, антропологический (шире – этико-философский) смысл спасения не может быть утверждён окончательно без теологического (сотериологического) его основания, являющегося первичным и высшим по отношению к данности, хотя факт, что человек, спасающий чью-то жизнь (жизни) может ни в данный момент, ни в последующем не думать о сверхчеловеческой, религиозной стороне этого акта, и даже, более того, оказавшись материалистом и атеистом отрицать его высший смысл. Эссенциальный разрыв спасения и спасания преодолевается в евангельской сентенции о том, что тот спасет душу свою, кто положит ее «за други своя».

Реальный смысл настоящего, прошлого и будущего цивилизации заключается в этом плане и его осуществлении как спасения и спасения каждого для всех и всех для каждого. Его этический и сакральный смысл утверждены на сущностно человеческом в человеке, а вектор развития направлен в сторону реализации, действительного осуществления идеи богочеловечества. Конкретика бытия бесконечно дробит эту высшую идею, делая саму человеческую жизнь лишь сиюминутной и моментальной.

В последнее время все чаще картины катастроф и действий спасателей становятся центром внимания СМИ и, что особенно важно, телевидения. Приучая своего зрителя, читателя, слушателя к восприятию такого рода «экстремальной» информации, СМИ, к сожалению, почти не считаются с нравственной, морально-этической

стороной дела. Между тем, результаты такого пренебрежения – самые негативные: притупление или атрофирование чувства жалости, сострадания, солидарности, гуманизма, – одним словом, нанесения ущерба тому, без чего цивилизация, какого бы высокого, технического, уровня она не достигла, не может быть человеческой и человеческой, теряя свои собственно цивилизационные признаки и принципы.

«...среди множества катастроф, которыми славен и угрожает нам XX в., одной из главных и часто скрытой от глаз является антропологическая катастрофа... Я имею в виду событие, происходящее с самим человеком и связанное с цивилизацией в том смысле, что нечто жизненно важное может необратимо в нем сломаться в связи с разрушением или просто отсутствием цивилизованных основ процесса жизни» [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт К. Очерк догматики. СПб.: Алетейя, 2000. С. 135.
2. Козлова Н.П. Этика ответственности в условиях техногенной цивилизации Ганса Йонаса: автореферат дисс... кандидата философских наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ). Москва, 2007. 26 с.
3. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация // Как я понимаю философию. М., 1992. URL: <https://omiliya.org/article/soznanie-i-tsivilizatsiya-mkmmamardashvili.html> (Дата обращения: 1.06.2023)
4. Мочалов Е.В. Гуманитаристика в XXI веке: кризис философии или философия кризиса? // Гуманитарий. 2009. № 8. С. 134-137.
5. Спасение // Энциклопедия мистицизма. СПб.: Литера, 1997. С. 378.
6. Тиллих П. Систематическое богословие. СПб.: Алетейя, 1998. С. 336.

© Пугачев Олег Сергеевич (pugachev.o.s@pgau.ru), Русакович Юрий Александрович,
Дорофеева Татьяна Геннадьевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПОСОБНА ЛИ ФИЛОСОФИЯ СОХРАНИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В ЧЕЛОВЕКЕ?

Пугачев Олег Сергеевич

доктор философских наук, профессор, Пензенский
государственный аграрный университет
pugachev.o.s@pgau.ru

Русакович Юрий Александрович

Аспирант, Пензенский государственный аграрный
университет

Дорофеева Татьяна Геннадьевна

Кандидат философских наук, доцент, Пензенский
государственный аграрный университет

IS PHILOSOPHY CAPABLE OF PRESERVING THE HUMAN IN MAN

**O. Pugachev
Yu. Rusakovich
T. Dorofeeva**

Summary: The article raises questions about the relationship of knowledge and understanding, the scientific or unscientific status of philosophy in the light of its cultural significance in the modern conditions of the "dehumanization" of the world. Philosophy as the highest level of spiritual culture is losing ground in a world focused on material success. Meanwhile, philosophy has a rich experience of comprehending the material world, its humanization, when a person ceases to be a "fact among other facts". In the conditions of an ethical vacuum, i.e. in the absence of forms of spiritual culture capable of explaining the mass death of people, philosophy expresses the desire for the fullness of consciousness, preserving its historical purpose – to reveal the human in man (V. S. Solovyov).

Keywords: philosophy, ethics, culture, humanism, cognition, freedom, personality, dignity.

Аннотация: В статье поднимаются вопросы о соотношении знания и понимания, научном или ненаучном статусе философии в свете ее культурной значимости в современных условиях «расчеловечивания» мира. Философия как высший уровень духовной культуры сдает позиции в мире, ориентированном на материальный успех. Между тем как именно философия имеет богатый опыт постижения вещного мира, его очеловечивания, когда человек перестает быть «фактом среди других фактов». В условиях этического вакуума, т.е. отсутствия форм духовной культуры, способных объяснить массовую гибель людей, философия выражает стремление к полноте сознания, сохраняя свое историческое предназначение – раскрыть человеческое в человеке (Вл. С. Соловьев).

Ключевые слова: философия, этика, культура, гуманизм, познание, свобода, личность, достоинство.

Современная культура представляет собой сложное и разветвленное целое, охватывающее извне и включающее в себя все основные сферы материально-духовной жизни общества и отдельных индивидов. Этот «системный холизм» культуры настолько сложен, что до сих пор не имеет адекватного категориального статуса, что весьма ярко проявилось в попытке разграничения понятий «культура» и «цивилизация», активно предпринятой в отечественной гуманитарной науке в начале 90-х годов прошлого века. Тем не менее, на уровне обыденного бытования языка всегда существует некий интуитивный сигнификат, придающий тому или иному категориально зыбкому построению статус онтической прочности, укорененной в уверенности субъекта определять и различать рационально отраженные образы как релевантные признаки объекта

Культура – это отличное от первозданно-природного, нравственно и эстетически ценное и утилитарно значимое для человека, способом практической или умственной деятельности измененное им в человеко-размерном плане. Наличие различных уровней в единой культуре способствует определению некоей «субординации» в данной сфере, в том числе, и среди духовных образований. Вопрос о научном или ненаучном статусе

философии до сих пор остается нерешенным, но он не играет важной роли, когда речь идет о культурной значимости философии, поскольку очевидно, что философия имеет как те признаки, что сближают ее с наукой, так и те, что не свойственны последней.

Если не вести речь о сущности философского понимания, в отличие, скажем, от рационального процесса науки, то в чем тогда состоит роль усвоения философии как определенной системы знания? Если о знании в сфере науки мы привыкли говорить во вполне традиционном смысле, и только аналитическое исследование выявляет здесь неоднозначность самой формы знания, ее несовпадения с собственным определением в процессе исторического времени, движения от одних теорий к другим, более истинным, а значит, к подлинному знанию от неподлинного и неполного. Но, по определению, неподлинного знания не бывает.

Что же в таком случае представляет собой религиозное знание или философское знание в плане соответствия наших мыслеобразов свойствам постигаемого объекта? Здесь мы сталкиваемся с логической ошибкой подмены тезиса, иными словами, говоря о философском или религиозном знании, мы имеем в виду, на самом

деле эти два предмета как объекты познания. Мы, таким образом, познаем философию как систему понятий, категорий, учений, концепций, идей и религию как тот или иной свод текстов, имеющих для верующих сакральное значение, мы имеем в своем распоряжении и сумму сведений об истории той или иной религии и об ее деятелях: пророках, святых и т.д.

Однако для философа, погруженного в сферу специфически философских идей, его размышления о бытии могут рассматриваться по своим результатам как форма приращения именно знания, и он всегда может дать себе отчет в том, до какого момента своей мыслительной деятельности он «знал» меньше, а с какого это «знание» увеличилось. При этом появляется еще одна задача, требующая своего разрешения, и потому приобретающая статус проблемы: как различить знание и понимание. Что такое «понимать» вообще в сравнении с тем, что можно «знать»? В первом приближении программа и акт понимания, осмысления кажутся более глубокими, чем знание. Например, если сравнить знание с поверхностным знакомством с предметом, а понимание – с углублением в этот предмет. Но ведь есть и дифференциация на знания глубокие и не глубокие, когда в первом случае снова имплицитно подразумевается момент понимания как знание о более глубоких механизмах связи, причинно-следственных отношениях в том или ином предмете, объекте или их системах.

В определениях философии как особого рода дисциплины на первое место чаще всего выдвигается именно понимание, а знание имеет как бы второстепенную роль. Перефразируя известное высказывание, можно было бы сказать относительно такой позиции: знаю, чтобы понимать. Зачастую звучит мотив преобладающего статуса понимания в сравнении со знанием. Однако результатом понимания не просто выступает понятие: понятия (категории) зачастую сами должны быть поняты и в этом смысле – познаны.

Со времен Г. Фреге логическая семантика различает смысл и значение языковых конструкций, а понятие трактуется как логическая функция. Однако этот логико-математический уровень философии, хотя и открывает, и описывает достаточно четко те логические проблемы, которые имеют самое непосредственное отношение к знанию и пониманию, тем не менее не является на высшем, ни, тем более, исчерпывающим. Дело не только в том, что это довольно узкая и специальная область философии, но и в том, что данная область при всей своей формальной правильности не может удовлетворить живого познавательного порыва, вопрошающего о сути и смысле бытия, человека, природы... И это вопрошание мало интересуется вопросом о том, насколько оно логически правильно и корректно, ведь его истоки – стремление человеческого существа к по-

стижению мира. Как же быть с тем, что в современной культуре это живое вопрошание человеческого духа все больше элиминируется из круга тех потребностей, которые злоба дня выдвигает как существенные? Была ли философия в общественном масштабе когда-либо деятельной, фигурально выражаясь, правила ли она миром? Стремилась ли люди попасть в философы в порядке массовом? Приходится ответить на этот вопрос отрицательно применительно к различным условиям, хотя нельзя не сказать и о тех периодах, когда на философию была «мода».

Однако сам процесс мышления (Протагор, Кант, Фихте и др.) зачастую понимался не как порождение предметом знания, но в смысле генерирования его самим субъектом. Исконная тождественность, то есть дорефлексивная, по Шеллингу, связь мышления и объекта, снимает вопрос о способе согласованности наших понятий с предметами познания. Подлинную внутреннюю и внешнюю тотальность понятия открывает Гегель.

Сокращая, по необходимости, наш экскурс в историю философии, мы можем заметить одно: невостребованность всех тонких общефилософских и логических дефиниций в плане общей культуры духа, то есть там, где он занят самим собой. Но именно эта сфера постигается и религией, и наукой, и философией как наиболее соответствующая представлениям о человеке как самоценности и самоцели, данных ему в «другом» как абсолютном индивиде, личности или обществе.

Зыбкость предметного мира не раз подтверждалась его текучестью, изменчивостью, временной преходячностью. Но именно об этот предметный мир разбивались все высокодуховные системы философского и религиозного плана и предел им и их носителям кладет с завидным постоянством неотменный факт смерти, перехода в небытие. Перед этой грубой фактичностью пасует и культура, которая вынуждена умирать не только по Шпенглеру.

Наше время привело общество к сдаче позиций философии как высшего уровня духовной культуры, с ней предполагается только знакомиться, но не «связываться», ибо познание в неразрывной связи с мышлением, пониманием не суть современного мира, ориентированного на материальный успех. Тем не менее, именно философия дает возможность справиться со стихией текущей вещности, именно она имеет своеобразный опыт осмысления, а значит, очеловечивания мира. Но тот, кто отдает себя во власть предметам и их отношениям не нуждается в философии и презирает ее за то, что она, якобы, бездеятельна, не обращая внимания, скорее не догадываясь даже, сколь деятельна эта дисциплина, порождающая мир человека и вносящая человеческое в бесчеловечное существование [1].

Нельзя и нет необходимости навязывать человеку философию как предмет или образ жизни, однако, как и культура в целом, философия дает отдельной душе и духу возможность возвыситься над царством «суеты сует», избежать состояния «факта среди других фактов». Подобно тому, как окультуренная природа может раскрывать свои невиданные свойства и силы, эксплицируя таковые же и самого человека, философия способна показать путь к обретению достоинства и полноты мышления и познания [2].

Наше время по-новому критически спрашивает философию о ней самой и ее нужности для него: на что годна и чем может помочь человеку и обществу эта область сознания и самосознания, взятая общественно или индивидуально? Смысложизненные вопросы падают, не успевая быть осмысленными и обоснованными. Почему это происходит? Это происходит потому и тогда, когда обесценивается человеческая жизнь. Яркий пример тому – Афины времен Перикла, город, охваченный чумой: «...с появлением чумы в Афинах все больше начало распространяться беззаконие. Поступки, которые раньше совершались лишь тайком, теперь творились с бесстыдной откровенностью. <...> все ринулись к чувственным наслаждениям, полагая, что жизнь и богатство одинаково преходящи. Жертвовать собою ради прекрасной цели никто уже не желал, так как не знал, не умрет ли прежде, чем успеет достичь ее. Наслаждение и все, что как-то могло служить ему, считалось само по себе уже полезным и прекрасным. Ни страх перед богами, ни закон человеческий не могли больше удержать людей от преступлений, так как они видели, что все погибают одинаково...» [4]. Массовая гибель людей производит парализующий эффект, высшие ценности попираются и остается лишь одно желание: хоть что-то, что еще возможно и значимо для человека, взять от жизни прежде, чем уйти за порог бытия.

История мировых войн демонстрировала как бессилье,

так и силу духа, причем и победителей, и побежденных. Религия, как и неверие не были спасителями всех. Таковой не стала и философия. Духовное ее значение воспитательницы и преддверия встречи с трансцендентным провозгласил Сократ. Она способна дать знание и свободу, понимание и покорность судьбе, научить скепсису и здравому смыслу. Но во всех своих проявлениях философия утверждает человеческое достоинство и саму человечность; она взывает к внутреннему миру личности и наполняет его дыханием вечности и бессмертия [3]. В самом критическом разрушении романтических надежд она, не довольствуясь ограничением Смысла ищет Смысл как опору человеческого мира.

Философу не нужно доказывать самоценности философии, и тому, кто решил прожить без нее, также не нужны никакие доказательства. Задача в ином: изменить духовный климат мира самим присутствием в нем философии, когда, в своих поисках и решениях, проблемах и высоком полете мысли она выражает одно из существеннейших стремлений человечества – стремление к полноте сознания и обладанию Истиной, Добром и Красотой. Неужели миру мало того, что философия в различных формах, школах и направлениях существует почти три тысячелетия? Но также мы в праве спросить и о том, как же миру не хватило для изменения к лучшему присутствия в нем Будды, Христа, Мухаммеда? Почему до сих пор актуальна ситуация: римский солдат, зарубивший Архимеда? Если все дело в человеческой свободе, в сложных коллизиях ее существования и применения, то ведь прямая задача философии прояснить эту проблему и, как говорили в прежние времена, указать человечеству путь, цель, истину. Вл. Соловьев полагал, что исторический смысл философского делания в раскрытии и росте человеческого в человеке. Это можно принять как важное условие. Но она не удержала мир от скатывания в бездну бесчеловечности. Возможно, ее синтез с религией был провозвестием тех духовных усилий и поисков, которые еще потребны человеку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мочалов Е.В. Гуманитаристика в XXI веке: кризис философии или философия кризиса? // Гуманитарий. 2009. № 8. С. 134-137.
2. Мочалов Е.В., Чекушкина Е.Н. Рефлексия как основание педагогической деятельности: социально-философский анализ // Гуманитарные науки и образование. 2014. № 2 (18). С. 110-114.
3. Пугачев О.С. Нравственные основания идеи бессмертия: монография. Пенза, 2019. 300 с.
4. Фукидид. История. М.: Ладомир, 1999. С. 115-116.

© Пугачев Олег Сергеевич (pugachev.o.s@pgau.ru), Русакович Юрий Александрович,
Дорофеева Татьяна Геннадьевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М.М. ЩЕРБАТОВА

PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL
VIEWS OF M.M. SHCHERBATOV

V. Skopa

Summary: The article deals with the philosophical views of M. M. Shcherbatov on the problem of historical development. Serious ideological differences with orthodox Christianity left their mark on Shcherbatov's interpretation of Russian history. The problem of the «beginning» of history organically develops in Shcherbatov's studies into the problem of understanding the nature of state power. The dichotomy «natural» - «divine» permeates the historical and socio-political views of M.M. Shcherbatov. The opposition between «natural» and «divine» is brought by Shcherbatov to the level of enlightenment anti-clericalism. Shcherbatov uniquely combines the perception of models for the present in the deep past with the anticipation of the future, in which the project of social organization is being implemented. Shcherbatov's philosophical and historical views are an attempt to comprehend the process of irreversible social changes through internal historical causes, without resorting to the idea of Divine conduct. The unity of historical changes in Shcherbatov's understanding becomes accessible to knowledge due to the constancy of human motives for social action.

Keywords: history of philosophical thought, M.M. Shcherbatov, Enlightenment, Russian statehood, transcendence.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент российской академии естествознания, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
sverhtitan@rambler.ru

Аннотация: В статье рассматриваются философские воззрения М.М. Щербатова на проблему исторического развития. Серьезные идейные расхождения с ортодоксальным христианством наложили свой отпечаток на интерпретацию Щербатовым отечественной истории. Проблема «начала» истории органично перерастает в исследованиях Щербатова в проблему познания природы государственной власти. Дихотомия «естественное»-«божественное» пронизывает исторические и социально-политические воззрения М.М. Щербатова. Противопоставление «естественного» и «божественного» доводится Щербатовым до просветительского антиклерикализма. У Щербатова своеобразно сочетается усмотрение образцов для настоящего в глубоком прошлом с предвосхищением будущего, в котором реализуется проект общественного устройства. Философско-исторические воззрения Щербатова представляют собой попытку осмыслить процесс необратимых общественных изменений посредством внутри исторических причин, без обращения к идее Божественного провидения. Единство исторических изменений в понимании Щербатова становится доступным познанию в силу постоянства человеческих мотивов к социальному действию.

Ключевые слова: история философской мысли, М.М. Щербатов, Просвещение, российская государственность, трансцендентность.

Идеи и рассуждения деятелей эпохи Просвещения всегда вызывали и будут вызывать неподдельный интерес у исследователей разных научных областей: философов (проблемы естественного и божественного), историков (вопросы государственности), педагогов (проблемы воспитания и образования), правоведов (юридическое обоснование государства и власти) и других [2, 3, 7, 8, 10].

Актуальность заявленной проблемы подчеркивается еще и тем, что колорит эпохи Просвещения во многом синтезирует достижения научного познания как географически – французское, английское, немецкое, русское Просвещение, так и содержательно, что проявляется в зарождении новых идей и воззрений – свободомыслие; критика феодальных порядков; скептицизм; редукционизм; вера в силу разума и общественный прогресс; экономический либерализм [1].

Михаил Михайлович Щербатов в отечественной историографии рассматривался как государственный и политический деятель, представитель масонской ложи, выдающийся историк и историограф, как человек занимающийся вопросами права и, конечно же, как философ-мыслитель. Его творческое наследие позволяет увидеть

в нем научную многогранность и вычлнить историософский аспект, где князь пытается ответить на вопросы об объективных закономерностях исторического процесса и путях реализации человеческих сущностных сил в истории.

Обращение к российской истории, стремление к осмыслению и осознанию места своего Отечества в потоке времен всегда были отличительными чертами русской философской и общественной мысли.

Серьезные идейные расхождения с ортодоксальным христианством наложили свой отпечаток на интерпретацию Щербатовым отечественной истории [4, 5]. Как последователь естественной религии, распространенной во времена просветительского вольномыслия, Щербатов разрешает дилемму «естественное»-«божественное» в пользу естественных начал. Проблема «начала» истории органично перерастает в исследованиях Щербатова в проблему познания природы государственной власти. Разумные и естественные законы могут сохраняться, по мнению Щербатова, в том обществе, которое обладает совершенной властью [11].

Идея внеисторической человеческой природы оказы-

вается своеобразным заместителем средневековой идеи божественного Провидения и объясняет единство исторического процесса не из самой истории, а из предпосылаемой исторической динамике реальности. Эта трансцендентное добавление к осмыслению хода исторического процесса характеризует просветительский утопизм социально-исторической мысли М.М. Щербатова [14].

Дихотомия «естественное»-«божественное» пронизывает исторические и социально-политические воззрения М.М. Щербатова [6, 9]. Разделяя убеждение своей эпохи о том, что божественные законы следует черпать не из учения церкви, а из «храмины чистого естества», что бессмысленно восхвалять бога в словах, поэтому не нужны культово-религиозные формы, что «натуральный» порядок непоколебим, мыслитель отказывается от главного источника ортодоксальной веры – откровения. Его вера покоится скорее на лицемерии естественного порядка вещей [14].

Щербатов был далек от идеи провиденциализма. В его воззрениях можно увидеть следы представлений Платона о мире идеальных форм и сущностей, с которыми человек постоянно соотносит свои поиски и находки. Противопоставление «естественного» и «божественного» доводится Щербатовым до просветительского антиклерикализма [14]. Высоко ценя глубины христианского умозрения, понимая его как непреходящее цивилизаторское, просвещающее начало для России, он старается объективно оценить роль духовенства, противоречие между государственностью и религиозностью, церковную историографическую традицию [12, 13]. Последнюю Щербатов оценивает следующим образом: «часто, пропуская важнейшие дела гражданские, прилежат повествовать о чудесах, весьма в их книгах умноженных, или описывать душещипательные подвиги какого святого, оставляя саму историю. Одним является, что оне единственно были сочинены для того, чтобы частным повторением чудес, примером подвигов святых, вмещенными молитвами и увещеваниями, государя и народ в вящее повиновение духовенству принести» [13, с. 258].

Такая система философско-исторических посылок, с которыми соотносятся исторические события, оказывается выражением того духовного феномена, который Г.Г. Шпет в работе «История как предмет логики» верно обозначил как «история с точки зрения» [15, с. 352]. Характерное для профессиональной историографии установление «точки зрения» на историю предполагает наличие некоторой привилегированной позиции, в которой находится повествующий о прошлом и из которой он может судить о происходящем [15]. Такой привилегированной позицией как для теоретического суждения об истории, так и для практического действия в ней по Щербатову является принадлежность к родовому дворянству. Как отмечает Т.В. Артемьева, «чувство истории

заложено в дворянского мыслителя генетически, фамильно» [1]. Осознание непосредственной «родовой» принадлежности к прошлому, осознание политической истории как дела «семейного» предполагает особенность, уникальность его позиции.

Оценочное построение, развернутое во времени, дает схему прогресса-регресса. Такая схема имеет две возможности реализации в историческом познании. Во-первых, историческая действительность может познаваться чисто статически, составляющие ее моменты сравниваются с предпосланным критерием и оцениваются по степени адекватности ему. В таком построении на первый план выдвигается количественное изменение, нарастание или убывание, сами по себе. Представление о критерии как об оценке заимствуется из областей внешних историческому процессу, ступени которого выступают как моменты «улучшения, усовершенствования». Во-вторых, схема прогресса-регресса применима в динамическом познании хода истории. Тогда всякий момент исторического движения предстает как разворачивание объективно обязательного, разумного. История, следовательно, представляется не хаотическим нагромождением слепых случайностей и столкновением слепых страстей, а единой линией прогрессивного общественного развития, осуществляемого с целью достижения такого порядка, в котором будут господствовать законы разума. В философии русского просвещения наблюдаются тенденции к осуществлению как первого, так и второго подхода к историческому процессу. Хотя заимствование европейских просветительских парадигм не носит механистического характера, преломляется сквозь призму национальной духовности. Оценочный взгляд на историю свойственен воззрениям Феофана Прокоповича [16]. В «Духовном регламенте» он отмечает: «Когда нет света учения нельзя быть доброму поведению церкви и нельзя не быть настроению и многим смеха достойным суевериям, еще же раздорам и пребезумным ересям... И если посмотрим чрез истории, аки чрез зрительные трубки, на мимошедшие века, увидим все худшее в темных, нежели в светлых учением временами» [16, с. 184]. В научных взглядах крупнейшего мыслителя петровской ученой дружины В.Н. Татищева последовательно и доказательно устаивается идея общественно-исторического прогресса. Татищев задумывался над закономерностями культурной эволюции человечества, которые схематизировал в теории «всемирного умопросвящения» [14]. Эти идеи и тенденции не могли не отразиться в творческом наследии М.М. Щербатова. Князь разделяет позицию западных и отечественных просветителей. Разум – источник человеческого могущества, мы можем «сами собою... узнать о действующих под нами причинах», «рассудком направляемы, учреждать наши дела и с вящей способностью приобретать себе и другим, с кем имеем обязательства, пользу» [13, с. 281].

Идейные воззрения эпохи Просвещения объективно подводят к тому, что польза от наук огромна, но не они всецело определяют жизнь общества, скорее для их собственного процветания требуется могущество и благополучие государства. «История разума человеческого нас уверяет, что везде науки последовали успехам благополучия и силе государства» – отмечал М.М. Щербатов [13].

У Щербатова своеобразно сочетается усмотрение образцов для настоящего в глубоком прошлом с предвосхищением будущего, в котором реализуется проект общественного устройства. Прошлое как «мера» последующей истории, будущее в качестве ориентира для настоящего, признание постепенного совершенствования человеческих установлений и институтов с помощью разума и науки – все это Щербатов органично вплетает в свою философско-историческую концепцию. Именно познание истории, согласно Щербатову, позволяет объективно оценить сегодняшнее состояние дел и дает верные ориентиры для социального действия. «Наука причин есть приключаящая наиболее удовольствия разуму:

она основана на твердейших и на теснейших из всех сношений. Она еще обильнейшая есть в полезных наставлениях, понеже она единая чинит нас властелинами приключений, и дает нам некоторую власть над будущими временами».

Таким образом, философско-исторические воззрения Щербатова представляют собой попытку осмыслить процесс необратимых общественных изменений посредством внутри исторических причин, без обращения к идее Божественного проведения. Единство исторических изменений в понимании Щербатова становится доступным познанию в силу постоянства человеческих мотивов к социальному действию. Не подверженная изменениям сущность человека становится нормой для постижения исторической эмпирии. Страстная вера и желание создать в Российской империи «идеальное государство» прослеживается на всем жизненном пути М.М. Щербатова и находит наиболее полное и всеохватывающее воплощение в литературных его произведениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемьева Т.В. История метафизики в России в XVIII веке. СПб., 1996. – 215 с.
2. Артемьева Т.В. Теория «Естественного права» как философское основание русской социально-политической мысли второй половины XVIII в. // Философия и освободительное движение в России. Межвузовский сборник. Л., 1989. – С. 115-129.
3. Болдырев А.И. Проблема человека в русской философии XVIII века. М., 1986. – 122 с.
4. Ермичев А.А. Имена и сюжеты русской философии. СПб., 2014. – 285 с.
5. История философии в СССР. В 5-и т. Т. 2. М., 1968. – 719 с.
6. Калинина С.Г. Историографические проблемы изучения жизни и творческого наследия князя М.М. Щербатова // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002. – С. 233-237.
7. Назаренко Б.А. Государственно-правовые взгляды М.М. Щербатова (Историко-правовое исследование). Автореф. канд. дис. М., 2009. – 22 с.
8. Посконин В.В. Естественные правовые воззрения М.М. Щербатова и А.П. Сумарокова // Известия ВУЗов. Правоведение. 1980. № 6. – С. 58-64.
9. Серенченко Н.В. Консерватизм князя М.М. Щербатова // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2006. Ч. 3. – 251 с.
10. Скопа В.А. Научные взгляды князя М.М. Щербатова: из истории философской мысли // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2023. № 1. – С. 112-116.
11. Федосов И.А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М., 1967. – 293 с.
12. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. СПб, 1770-1791. Т. 1-7.
13. Щербатов М.М. Сочинения в 2-х т. СПб., 1898. Т. 1. 647 с. Т. 2. 692 с.
14. Шипанов И.Я. Общественно-политические и философские воззрения русских просветителей второй половины XVIII в. В кн.: Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР. В 2-х т. Т. 2. М., 1955. – 751 с.
15. Шпет Г.Г. История как проблема логики. М., 2016. – 728 с.
16. Прокопович Ф. Сочинения. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – 391 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НРАВСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР ЖЕНСКОГО СЛУЖЕНИЯ В ХРИСТИАНСТВЕ

Христосова Анна Олеговна

Аспирант, Пензенский государственный аграрный университет

Дорофеева Татьяна Геннадьевна

Кандидат философских наук, доцент, Пензенский государственный аграрный университет
dorofeeva.t.g@pgau.ru

THE MORAL CHARACTER OF WOMEN'S MINISTRY IN CHRISTIANITY

**A. Christosova
T. Dorofeeva**

Summary: The article shows the peculiarities of the moral and social service of women in the New Testament era and in the history of Christianity. The article reveals the continuity between the Old Testament and the New Testament attitude of women to ministry. Service in the religious sense is present in the form of loyalty to one's people and traditional morality, sacrifice, social service. Each of the women of the New Testament has a specific ministry. Service in the Christian Church is understood in two ways: service as a Covenant to serve each other in love and faithfulness and purity; ministry in the church, at temples, which has developed into a special institution with a special hierarchy. A special place in the history of the Christian Church is occupied by the ministry of deaconesses and widows, to whom very strict moral requirements were imposed – their life should be so morally pure as not to arouse even suspicion. Discussions about the restoration of the rank of deaconesses are constantly being resumed, but the Orthodox Church sees no reason for this. In all periods of the history of the Church, there has been a social and martyrdom of Christian women. Women's ministry is characterized by complete dedication, compassion. The authors especially focus on the charitable activities of women.

Keywords: ministry, women's ministry, Christianity, deaconesses, widows, traditional morality, martyrdom, mercy.

Аннотация: В статье показываются особенности нравственного и социального служения женщин в новозаветную эпоху и в истории христианства. Выявляется преемственная связь между ветхозаветным и новозаветным отношением женщины к служению. Служение в религиозном смысле присутствует в виде верности своему народу и традиционной морали, жертвенности, социального служения. Каждая из женщин Нового Завета несет определенное служение. Служение в христианской Церкви понимается в двух планах: служение как Завет служить друг другу в любви и верности и чистоте; служение в церкви, при храмах, которое сложилось в специальный институт с особой иерархией. Особое место в истории христианской Церкви занимает служение диаконов и вдов, к которым предъявлялись очень строгие моральные требования – жизнь их должна быть настолько нравственно чистой, чтобы не вызывать даже подозрений. Дискуссии по поводу восстановления чина диаконов постоянно возобновляются, однако православная церковь не видит никаких оснований для этого. Во все периоды истории Церкви имел место социальный и мученический подвиг женщин-христианок. Для женского служения характерны полная самоотдача, сострадательность. Особо авторы останавливаются на благотворительной деятельности женщин.

Ключевые слова: служение, женское служение, христианство, диаконовы, вдовы, традиционная мораль, мученичество, милосердие.

Существует преемственная связь между ветхозаветным и новозаветным отношением женщины к служению, отражающая специфику как первого, так и второго периода библейской истории. Самая выдающаяся роль женщины в иудейском обществе – быть матерью, хозяйкой дома, женой, дочерью. Существуют контрастные библейские примеры, различающие положение женщины из знатного рода и простонародья, но уже в ветхозаветные времена служение в религиозном смысле присутствует в виде верности своему народу и традиционной морали, жертвенности, социального служения. Каждая из женщин Нового Завета (Елизавета, Анна пророчица, сестры Лазаря Марфа и Мария, жены-мироносицы, самарянка, язычница-хананеянка; страдающая кровотечением и грешница в доме Симона фарисея, все безымянные женщины) несут определенное служение, каждой отводится особая роль.

В апостольских посланиях, обращенных к разным на-

родам, устанавливаются новые роли женщин. Семья и брак не отрицаются, однако преображаются в свете новой истины.

Служение в христианской Церкви можно понимать в двух планах: а) служение как Завет служить друг другу в любви и верности и чистоте; б) служение в церкви, при храмах, которое сложилось в специальный институт с особой иерархией.

Особое место в истории христианской Церкви занимает служение диаконов, упоминающихся еще в Деяниях и Посланиях. К ним предъявлялись чрезвычайно высокие моральные требования. Обозначавшее первоначально служение вообще слово постепенно приобрело конкретную окраску, связанную с утверждением чина диаконов. Служение вдов во многом совпадало с ними. Со временем служение стариц, вдов и дев превратилось в институт монашества.

Возникает вопрос, существуют ли такие источники, в которых диакониссы определяются как вполне реальный чин церковной субординации? Такой документ существует и называется он «Дидаскалии апостолов» (1 половина III в.). Здесь перечислены главные функции, выполняемые диакониссами. Вот они: 1) помощь при крещении женщин; 2) исполнение епископских поручений относительно женщин при посещении больных или бедных женщин; 3) размещение входящих в храм женщин по порядку и наблюдение за их поведением в церкви; 4) подготовка женщин к крещению. Мы видим, что при определенной близости к служению диаконов-мужчин, диакониссы «специальных функций за общественным богослужением» не имели [6].

Исторические, литургические, агиографические и другие памятники христианской литературы начинают чаще упоминать диаконисс с IV века [4]. Чаще всего, отмечают исследователи, они обозначаются термином *διακονος* в женском роде (по-гречески), а на латыни – *diacona*. Термин *διακονισσα* (лат. *diaconissa*) встречается реже.

Следует обратить внимание и на тот факт, что в таком памятнике как «Апостольское предание», относящемся к III веку, при описании женских степеней церковного служения упоминаются только девы и вдовицы. Проблема, связанная с отождествлением этих служений с диакониссами спорадически поднималась учеными, но она так и осталась нерешенной.

Чин диаконисс получил значительное распространение именно с IV века. На этот процесс прямое воздействие оказал закон 324 г., изданный при императоре Лицинии, согласно которому молиться вместе мужчинам и женщинам воспрещалось. Выдвигалась также гипотеза о том, что потребовался канонический контроль над богатыми вдовицами, которые хотели бы более активно проявить себя в жизнедеятельности Церкви.

В другом авторитетном документе христианства первых веков – «Апостольские постановления» (ок. 380 г.) перечисляются такие же обязанности диаконисс, которые отмечались в «Дидаскалиях апостолов» (1 пол. III в.). Кроме того, в «Апостольских постановлениях» перечислены этические качества диаконисс, предъявляемые к ним Церковью.

Историческое свидетельство литургико-канонического памятника, относящегося к V в. – «Завет Господа нашего Иисуса Христа» – дополняет наше знание сообщением о том, что те же обязанности возлагались на вдовиц, поставлявшихся путем избрания и возложения рук с молитвой [2]. Об упоминающихся в этом же памятнике диакониссах ничего не сообщается в отношении того, каким именно образом они поставлялись. Причем, если вдовицы должны были причащаться непосредственно

после диаконов, то диакониссы, следившие во время литургии за дверями храма, причащались вместе с мирянами. Но есть и особенная работа у диаконисс: они были обязаны носить Святые Дары на дом для причащения тех беременных женщин, которые не могли сами присутствовать на литургии. Сирийский номоканон Бар Эбрея и послание Константинопольского патриарха Фотия епископу Калабрийскому Льву (между 877 и 886 гг.) также свидетельствуют о том, что диакониссы участвовали в преподнесении Святых Таин тем из верующих, которые не имели возможности посетить церковь. В послании Фотия диакониссы осуществляли эту функцию для тех христиан, которые попали в плен к арабам.

История Церкви донесла до нашего времени имена около ста диаконисс, действовавших в древний период жизни христиан. Святые христианского Востока включают в свой состав и прославленных диаконисс. Среди них блаженная Феозва (Феосевия) – сестра столь знаменитых братьев – Василия Великого, Григория Нисского и Петра Севастийского. Диаконисса святая Нонна была матерью святителя Григория Богослова. Ее посвятили в диакониссы тогда же, когда ее супруга – тоже Григория – поставили во епископы Назианза. Это звание носила сподвижница Иоанна Златоуста, святая Олимпиада. Преподобная Ксения, римлянка по рождению, исполняла свою миссию в Милассе, в Карию; а преподобная Ирина была игуменьей монастыря Хрисовалантон.

Какие же новшества предъявляло византийское духовенство и закон к нравственному уровню диаконисс, в сравнении, например, с теми требованиями, которые выдвигались, например, апостолом Павлом? Об этом можно судить по следующей новелле Юстиниана, опубликованной в том же 535 г. Жизнь тех, кто желает стать диакониссой, должна быть настолько нравственно чистой, чтобы не вызывать даже подозрений. Одно из следствий такой постановки вопроса – разрешение проживать вместе с диакониссой только ее родным. Избираться они могли либо из девственниц, либо из среды вдов, причем вдовы могли быть только единобрачными. Особое место отводилось возрасту претенденток: он должен был «приближаться к 50 годам», хотя можно было и женщин более молодого возраста назначать, поставляя по церковным правилам, в этом чине только в женские монастыри.

Согласно более раннему закону (390 г.) для диаконисс устанавливался 60-летний возрастной ценз. При Юстиниане же диакониссы приравнивались без особых оговорок к монахам и аскетам [6].

Проходили века и постепенно в начале II тысячелетия институт диаконисс выходит из практики церковного служения. Постепенно из богослужебных книг исключаются молитвы, произносимые при поставлении на чин

диаконалисы. Константинопольский патриарх Афанасий I (1033-1039) своим постановлением наложил окончательный запрет на данный вид служения.

Дискуссии по поводу восстановления чина диаконалис постоянно возобновляются, особенно в протестантизме. Что касается православия, то, например, священник Андрей Постернак считает, что нет основания для восстановления этого чина: «Данная проблема, – подчеркивает он, – своими корнями уходит не в церковную традицию, а связаны с развитием современных феминистских идей... В святоотеческой традиции данный вопрос не только не обсуждался, но и не мог быть сформулированным, однако сторонниками феминизма он, к сожалению, не будет снят в ближайшем будущем с повестки дня» [5].

Возвращаясь к формам женского служения, подчеркнем снова, что роль вдов (вдовиц) здесь является особой темой. С одной стороны, анализ имеющихся источников свидетельствует, в первую очередь, о той заботе, которую христианская Церковь в самом своем начале проявляла о вдовах и сиротах, как и вообще о всех обездоленных. С другой же стороны, мы можем на основании тех же источников сделать вывод о вдовицах как особом церковном институте в смысле установления, имеющего определенные формальные признаки, что и обуславливает некоторые особенности церковного женского служения именно в данной форме.

Многие авторы, в том числе, и цитировавшие выше склонны рассматривать вдовиц как образование, «параллельное» диаконалисам. Действительно, такая трактовка логически законна, поскольку диаконалисы в большинстве своем избирались из единобрачных вдов от 40 до 60 лет. В Первом Послании апостола Павла к Тимофею высоко оценивается служение вдовиц и одновременно даются соответствующие рекомендации по их избранию на служение. «Вдовиц почитай, истинных вдовиц... Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молитвах день и ночь... Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя, бывшая женою одного мужа, известная по добрым делам, если она воспитала детей, принимала странников, умывала ноги святым, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу...» (1 Тим. 5:3-14).

В Русской Православной Церкви почитание вдовиц исполнялось всецело. Вот что сообщает Православный энциклопедический словарь (дореволюционное издание) по поводу заботы Церкви и государства о вдовах церковного причта. Словарная статья «Вдова» связывает христианскую традицию милосердного отношения к вдовам с ветхозаветной, замечая, что несмотря на различные установления и законы, принятые в библейские времена, вдовы нередко утеснялись и с ними поступали несправедливо.

В России предоктябрьского периода вдовы священнослужителей пользовались правами личного дворянства, если муж, ушедший из жизни, не был потомственным дворянином. За вдовами причетников закреплялись права личного почетного гражданства. Их дома освобождались от различных повинностей, в том числе – от городского поземельного сбора. Если при храме имелся в избытке церковный земельный надел, то, с согласия старосты и причта, вдовы могли осуществить право на получение части усадебной земли или надела на полевых землях. Нужно отметить, что в таком деле не допускались жалобы на отказ. Если мужа-священнослужителя умерли, находясь на пенсии или в отставке, но получали пенсию и даже без пенсии, их вдовы имели право не пенсию. Если вдова владела какой-либо недвижимостью, это не лишало ее права получать пенсию. И еще одно важное право имела вдова духовного лица: это «преимущественное право на занятие при церкви места просфорниц» [3].

Служение вдов во многом совпадало со служением диаконалис, но в плане учительства и наставничества здесь, как нам представляется, вдовы были больше ограничены семейными отношениями по воспитанию детей и внуков, если они были. Особо следует остановиться на их благотворительной деятельности. Мы знаем из Евангелия, что некоторые женщины служили своим имуществом. К такому роду служения относилась деятельность вдовы, кавалерственной дамы графини Марии Михайловны Киселевой в городе Пензе. До сих пор служит людям и приносят добрые плоды здания, построенные на деньги, полученные из наследственного капитала ее покойного мужа графа Александра Киселева, известного в XIX в. общественного деятеля, видного сановника и дипломата. Она много потрудились и в пользу православной Церкви, да, собственно, вся ее жизнь и деятельность проходили под знаком христианского православного служения. Достаточно вспомнить два корпуса богадельни, ставшие затем корпусами инфекционной больницы. Только в Пензе на ее средства были построены Вифлеемо-воскресенский храм, храм во имя св. мучеников Евлампия и Евлампии, перестроен Воскресенский храм, построены церкви в уездах Пензенской и Саратовской губернии. Ею делались большие вклады и пожертвования на нужды русских паломников, прибывающих в Палестину, на Храм Гроба Господня. Мария Михайловна обеспечила средствами к жизнедеятельности причта выстроенного на ее средства храма в Назарете... Наверное, нельзя перечислить ее частных пожертвований, принесших ей славу «благотворительницы, попечительницы о бедных и нуждающихся» [1].

Некоторые исследователи, касаясь вопроса о служении вдов, высказывали гипотезу о том, что они «... возможно, в первые века существования Церкви, составлявшие особую категорию, близкую к церковному клиру, но

не идентичную с ним (Деян. 9:36-41; 1 Тим. 5:3-16), почтавшиеся не за конкретное служение, а за добровольно принятый на себя статус безбрачия (1 Кор. 7:8, 34). Положение и служение стариц, вдов и дев со временем институционализировались в форме женского монашества» [5].

Подводя итог рассуждениям о христианском слу-

жении женщин. Отметим, что во все периоды истории Церкви мы встречаемся с социальным и мученическим подвигом женщин-христианок. Для женского служения характерны полная самоотдача, сострадательность, поэтому очень ярко оно проявило себя в деятельности сестер милосердия, помощи заключенным, в благотворительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головина А.Ф. Киселева Мария Михайловна // Пензенская энциклопедия / гл. ред. К.Д. Вишневский. М.: Большая российская энциклопедия, 2001. С. 236.
2. Диакон Желтов М. Чины рукоположений по древнейшему славянскому списку // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие и философия. М., 2005. Вып. 14. С. 147-157.
3. Полный православный энциклопедический словарь. В 2 т. (репринтное издание). М.: Возрождение, 1992. Т. 1. Стлб. 464.
4. Постернак А.В. Женское служение в ранней христианской Церкви (I-VI вв.) // Альфа и Омега. М., 1996. № 2/3(9/10). С. 209-245.
5. Священник Андрей Постернак. Вопрос о «женском священстве» // Материалы V Международной богословской конференции РПЦ МП «Православное учение о церковных таинствах» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/vopros-o-zhenskom-svyashhenstve/> (Дата обращения 11.03.2023).
6. Священник Михаил Желтов. Диаконисса [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/diakonissa/> (Дата обращения 10.03.2023).

© Христосова Анна Олеговна, Дорофеева Татьяна Геннадьевна (dorofeeva.t.g@pgau.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Пензенский государственный аграрный университет

Наши авторы

Акоева Н. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Krasnodar State Institute of Culture

Christosova A. – Postgraduate student, Penza State Agrarian University

Dering E. – Applicant, Trans-Baikal State University, Chita

Dorofeeva T. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Penza State Agrarian University

Dotsenko E. – Grand Ph.D. of Psychology, Professor, Tyumen State University

Druzhinina I. – Ph.D. candidate, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev

Fateeva V. – Tolyatti State University

Gaichenia T. – Practicing psychologist-psychotherapist; Moscow Institute of Psychoanalysis (Moscow)

Gavrilova E. – Graduate student, Voronezh State Pedagogical University

Gimazetdinova A. – Ph.D. candidate, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev

Gomboeva M. – Professor, Zabaikalsky State University, Chita

Gorokhova S. – Senior lecturer, candidate of pedagogic sciences, Institute of Food Technology and Design

Guo Jingyu – PhD student, Moscow State Pedagogical University

Gut V. – Ph.D. of Psychology, AQ Institute (Moscow)

Kara-Giaur S. – Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Koroleva N. – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg

Kurbanov A. – Military Academy of Material and Technical Support named after A.V. Khrulev

Our authors

Latynov V. – PhD in Psychology, leading scientific researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow

Petrov D. – Assistant professor, PhD in Philosophy, Voronezh State University

Pugachev O. – Doctor of Philosophy, Professor, Penza State Agrarian University

Raspopin E. – Candidate of psychology, associate Professor, Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Yekaterinburg)

Reva E. – Krasnodar State Institute of Culture

Rusakovich Yu. – Postgraduate student, Penza State Agrarian University

Shingaev S. – Doctor of Psychological Sciences, Docent, Saint-Petersburg academia of post-diplom pedagogic education

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University, Barnaul

Stepanov A. – Military Academy of Material and Technical Support named after A.V. Khrulev

Stoichkov K. – Postgraduate student, St. Petersburg State Institute of Culture

Sun Meizi – Graduate student, Zabaikalsky State University, Chita

Volkov V. – Saint-Petersburg State University

Vostriakov L. – Saint Petersburg State University of Culture

Wang Chunhong – Associate Professor, Jilin Normal University

Yesaulova E. – Applicant, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

Zakharova E. – Transbaikalian State university, Chita

Zanozin N. – associate professor, candidate of historical sciences, Institute of Food Technology and Design

Zhang Shanzhu – Postgraduate Student, Moscow State Pedagogical University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).